

МИНИСТЕРСТВО ПРОСВЕЩЕНИЯ РФ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПСИХОЛОГО-
ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
ФАКУЛЬТЕТ ЮРИДИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИИ

СБОРНИК ТЕЗИСОВ
участников межвузовской
научно-практической интернет-конференции
по юридической психологии
18-21 мая 2020 года

Москва
2020

ББК 88.47

С 23

Сборник тезисов участников научно-практической интернет-конференции по юридической психологии (18-15 мая 2020 года). – М.: МГППУ, 2020. – 355 с.

Редакционная коллегия:

А.А.Марголис, В.В. Рубцов, О.Р.Бусарова, Н.В. Дворянчиков, Е.Г.Дозорцева, М.Г. Дебольский, И.Н. Коноплева, Ф.С. Сафуанов..

ISBN 978-5-94051-215-8

© МГППУ, 2020

Уважаемые коллеги!

Предлагаем Вашему вниманию материалы 10-ой Межвузовской научно-практической интернет-конференции по юридической психологии, ежегодно проводимой факультетом "Юридическая психология" Московского государственного психолого-педагогического университета.

В фокусе внимания участников конференции – обсуждение теоретических основ юридической психологии и практических результатов последних исследований. Широкий спектр актуальных проблем юридической психологии в данном году определил необходимость систематизировать тезисы в следующих разделах: методологические проблемы юридической психологии, юридическая психология детей и подростков; психология девиантного и криминального поведения; психология профессиональной деятельности; судебная и клиническая психология в юридическом контексте; пенитенциарная психология и практика исполнения уголовных наказаний, зарубежные исследования по юридической психологии.

В конференции приняли участие молодые исследователи из различных учебных заведений России: Московского государственного психолого-педагогического университета, Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя (г. Москва), ЧОУ ВО «Московский университет имени С.Ю. Витте» (г. Москва), Московского государственного областного университета (г. Москва), Международного юридического института (Волжский филиал, г. Волжский Волгоградской обл.).

Материалы интернет-конференции будут интересны студентам, магистрантам и аспирантам, специализирующимся в области юридической психологии.

Декан факультета
юридической психологии МГППУ,
канд. психол. наук
Н.В. Дворянчиков

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ЮРИДИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИИ

О возможности использования теста «Моральные дилеммы»

Немзер Е.А.

Московский государственный психолого-педагогический университет
(г. Москва)

Научный руководитель – Бородина Л.Г.

Процесс принятия моральных решений рассматривается в самых разных областях знания – от философии до разработки искусственного интеллекта. Например, в рамках последней исследователи задаются вопросом как о допустимости делегирования программам возможности морального выбора, так и о моральных установках, которые могут быть внедрены в программу (Dignum V., 2018). Из последнего вытекает проблема дифференциации моральных установок и способов их выявления.

Один из экспериментальных подходов к определению особенностей моральных суждений – это тест, предложенный J.D. Greene, где респонденту предлагается решить ряд внеморальных, безличных и личных дилемм.

При решении безличных и личных дилемм задействованы аффективная и когнитивная системы. Однако в случае личной дилеммы возникает конфликт между утилитарными стремлениями и необходимостью непосредственного совершения поступка, вызывающего яркие эмоциональные переживания, что в норме приводит к неутилитарному ответу. При решении безличной дилеммы ответ, наоборот, чаще утилитарный из-за более слабых эмоциональных переживаний. Эта гипотеза о взаимодействии когнитивной и аффективной систем при принятии морального решения получила название теории двойного процесса (Greene J.D., 2001).

Внеморальные носят название дилемм формально – это простые когнитивные задачи, не связанные с эмоциональной обработкой. Они введены в тест в качестве контрольной шкалы. Поскольку это единственный тип задания, где есть правильный ответ и его достижение связано с когнитивными процессами, в случае неправильных ответов (нерациональных) можно предположить низкую заинтересованность респондентов, их невнимательность при выполнении теста, что сделает анализ результатов ненадёжным. Помимо этого, сравнивается и динамика количества утилитарных ответов при сравнении внеморальных и моральных дилемм.

Примером внеморальной дилеммы служит подобная когнитивная задача: «Вам нужно прибыть на встречу в другом городе. Вы можете поехать на поезде, который довезёт вас точно ко времени встречи, а можете поехать на автобусе. Автобус может привезти вас за час до встречи, но может застрять в пробке. Вам бы хотелось иметь час в запасе до встречи, но вам ни в коем случае нельзя опаздывать. Уместно ли вам выбрать поезд, чтобы точно не опоздать?» (Greene J.D., 2004).

Личные дилеммы отличаются от безличных по трём параметрам:

1) действие может причинить тяжёлый физический вред (непосредственный):

- сила, воздействующая на жертву, производится мышцами агента;
- она не может быть опосредована механизмами, высвобождающими и порождающими другую силу;

2) угроза направлена на конкретное лицо;

3) вред может быть не причинён при альтернативном выборе (вред является средством достижения цели, а не побочным эффектом) (Greene J.D., 2004; 2009).

Так, в качестве безличной дилеммы может выступать такая ситуация: «Вы ночной сторож в больнице. Из-за несчастного случая из соседнего здания в больницу просочились через вентиляционную систему ядовитые пары. В одной палате три пациента, в другой один. Если вы ничего не сделаете, пары

дойдут до палаты с тремя пациентами. Единственный способ избежать их смерти – нажать на переключатель заслонов в системе. Тогда пары попадут в палату, где находится один пациент. Уместно ли для вас нажать на переключатель, чтобы избежать смерти троих пациентов?» (Greene J.D., 2004).

Личную дилемму можно рассмотреть на таком примере: «Вы врач, и у вас есть пять пациентов, каждый из которых умирает из-за отказа определённого органа. К вам на приём приходит абсолютно здоровый человек. Вы можете пересадить его органы (против его согласия) своим пациентам. Это убьёт «донора», но спасёт жизнь пятерым вашим пациентам. Уместно ли для вас выполнить эту пересадку, чтобы спасти жизнь ваших пациентов?» (Greene J.D., 2004).

Ответ засчитывался как утилитарный в случае выбора, предполагающего меньшие потери по объективному критерию (меньше убитых, например).

Согласно теории двойного процесса, в норме количество утилитарных ответов меньше, а время, затраченное на решение, больше в личных дилеммах, чем в безличных.

Этот тест использовался в работах отечественных специалистов дважды (Ениколопов С.Н., 2018; 2019), при этом он не был адаптирован для русскоязычной аудитории. Мы предположили, что тест моральных дилемм будет демонстрировать эффекты теории двойного процесса и на русскоязычной аудитории, целью работы была пилотажная проверка валидности этого теста.

В исследовании приняли участие 84 студента медицинского колледжа (55 девушек, 29 юношей). Средний возраст по выборке – 19,6 (юноши – 20,1, девушки – 19,3).

Участникам(-цам) исследования был предложен тест «Моральные дилеммы». Он состоял из 10 внеморальных, 10 безличных, 10 личных дилемм, переведённых на русский язык. Оценивалось количество утилитарных ответов

и время, затраченное на каждую дилемму, после чего выводилось усечённое среднее время решения дилеммы каждого типа.

Для определения влияния типа дилеммы на утилитарность ответов и затраченное на решение время использовался критерий Фридмана (однофакторный анализ с повторными измерениями).

Уровнями фактора были типы дилемм:

- внеморальная;
- безличная;
- личная.

Измеряемыми признаками – время решения (усечённое среднее – 10%) и количество утилитарных ответов.

Анализ показал наличие значимых различий: в обоих случаях $p < 0.001$. Для определения, между какими градациями фактора имеются значимые различия, было проведено попарное сравнение по критерию Вилкоксона.

Сравнение показало, что на решение личных дилемм затрачено значимо больше времени, чем на решение внеморальных или безличных, но не при сравнении внеморальных и безличных дилемм. Значимые различия были обнаружены при сравнении количества утилитарных ответов между всеми типами дилемм: оно уменьшается при переходе от внеморальных дилемм к безличным и при переходе от безличных к личным.

Мы обнаружили, что тест «Моральные дилеммы» позволяет проследить тренд изменения степени утилитарности ответов и времени решения в соответствии с теорией двойного процесса. Первичная апробация теста показала, что утилитарные ответы даются значимо чаще во внеморальных дилеммах по сравнению с безличными и в безличных по сравнению с личными. При сравнении времени, затраченного на решение, мы обнаружили, что личные дилеммы решаются значимо дольше, однако различия между временем решения внеморальных и безличных дилемм нет. Несмотря на рост неутилитарных ответов в безличных дилеммах по сравнению с внеморальными при решении безличных дилемм утилитарных ответов всё же

больше. То есть внутренний конфликт при решении незначителен, что сказывается на времени решения.

Таким образом, тенденции по изменению стиля ответа и времени решения в зависимости от типа дилеммы совпали с результатами, описанными зарубежными исследователями.

Литература

1. Ениколопов С.Н., Медведева Т.И., Воронцова О.Ю. Моральные дилеммы и особенности личности [Электронный ресурс] // Психология и право. 2019. Том 9. № 2. С. 141–155. doi:10.17759/psylaw.2019090210.
2. Ениколопов С.Н., Медведева Т.И., Казьмина О.Ю., Воронцова О.Ю. Моральные суждения и имплицитное отношение к смерти при суицидальном риске // Суицидология. – 2018. – Том 9. №1. – С. 44-52.
3. Dignum V. Ethics in artificial intelligence: introduction to the special issue // Ethics and Information Technology. – 2018. – Vol. 20. – P. 1 – 3.
4. Greene J.D., Sommerville R.B., Nystrom L.E. et al. An fMRI investigation of emotional engagement in moral judgment // Science. – 2001. – Vol. 293. – P. 2105 – 2108.
5. Greene J.D., Fiery A., Cushman L. et al. Pushing moral buttons: The interaction between personal force and intention in moral judgment // Cognition. – 2009. – Vol. 111. – P. 364 – 371.
6. Greene J.D., A.D. Engell , L.E. Nystrom, et al. The Neural Bases of Cognitive Conflict and Control in Moral Judgment / J.D. Greene, A.D. Engell, L.E. Nystrom, et al. // Neuron. – 2004. – Vol. 44. – P. 389 – 400.

Особенности онлайн-поведения

Пономарева Е.С.

Московский государственный психолого-педагогический университет

(г. Москва)

Научный руководитель – Делибалт В.В.

Актуальность статьи состоит в необходимости рассмотрения такой проблемы, как онлайн-поведение. Следует обратить внимание на повышение интереса к теме Интернета среди исследователей, что происходит на фоне увеличения активности людей в виртуальной среде. Это отражено в данных Web of Science Core Collection, свидетельствующих о росте числа публикаций по теме за последние 10 лет.

Здесь представлены данные о 639388 публикациях в области исследования «Психология», из которых 9473 было найдено по запросу «Internet». Так как тема нашего исследования касалась феномена пресуицидального состояния, мы продолжили поиск с уточнением «suicide» и получили данные о 212 работах (здесь также наблюдается положительная динамика по годам).

Таким образом, можно говорить о недостаточной проработанности рассматриваемой темы и увеличении ее актуальности.

Цель этой статьи заключается в систематизации подходов к изучению онлайн-поведения и выделении основных определений, относящихся к нему.

Многие исследователи, изучающие Интернет в рамках психологии, сталкиваются со связанными понятиями, характеризующими контекст его использования и существования. Например, Э. Маклюэн говорит об электронном типе коммуникации, который объединяет людей в единую информационную систему, формирующую, таким образом информационную культуру, которая становится неотъемлемой частью информационного общества (Марцинковская Т.Д., 2012). Появление такого общества связано с техническим прогрессом и является его следствием, так как указанный выше тип коммуникации не может быть осуществлен непосредственно и требует включения технических средств. Здесь А.Ш. Тхостов указывает на наличие связи между активным использованием технологий и ослаблением непосредственных навыков и умений (Емелин В.А., Тхостов А.Ш., 2013). В этом же контексте А.Е. Войскунский отмечает, что программное обеспечение

технических устройств и Интернет представлены в виде сложных знаковых систем. Соответственно, использование технологий также предполагает опосредованность деятельности в Интернете знаками (Войскунский А.Е., 2018).

А.Ш. Тхостов указывает, что функции Интернета относятся к двум связанным, но достаточно автономным областям: информационной и коммуникативной (Емелин В.А., Тхостов А.Ш., 2013). Перекладывая это на онлайн-поведение, можно предположить существование двух его форм (работа с информацией и коммуникация), к которым относятся и более частные варианты проявления онлайн-активности.

Таким образом, онлайн-поведение осуществляется в реальном пространстве, и, опосредуясь технологиями, а также знаковыми системами, отображается в виртуальном пространстве.

Далее будет рассмотрено несколько теорий, в которых анализируются три компонента онлайн-поведения: проактивное совладающее поведение, поиск информации и коммуникативное поведение.

J. Jansen и P. Van Schaik сравнивают возможности 3-х когнитивных моделей («*Protection motivation theory (PMT)*» автора R.W. Rogers, «*The reasoned action approach (RAA)*» авторов M. Fishbein и I. Ajzen, а также «*Интегративная модель*») в анализе тенденций к предупреждению пользователями угроз в Интернете и принятию мер по защите личных данных в ходе использования онлайн-сервисов. *Интегративная модель* объединяет в себе *PMT* и *RAA*, включая в себя все их характеристики, некоторые из которых видоизменяются авторами (J. Jansen и P. Van Schaik). *Воспринимаемый контроль* (в *RAA* это субъективные представления о личностных и средовых факторах) видится как комбинация *самоэффективности* (в *PMT* это воспринимаемая способность осуществить действие) и *локуса контроля*. Так как это 2 различных конструкта, авторы решили использовать их вместо понятия воспринимаемого поведенческого контроля. Проведя эмпирическое исследование, они установили, что значимыми предикторами будут такие

факторы как *воспринимаемая уязвимость* (оценка вероятности возникновения события); *затраты*, требуемые действием; *эффективность ответа* (степень снижения угрозы предпринимаемым действием); *намерение*; *воспринимаемые описательные нормы* (восприятие конкретного поведения, реализуемого значимыми людьми), *самоэффективность* и *локус контроля* (Jansen J., 2016).

Е. Pelaprat и В. Brown утверждают, что ключевой конструкт понимания онлайн-поведения (социальной составляющей) – это взаимность (*reciprocity*). Взаимный обмен порождает и активизирует различные формы социальной активности, вовлекая в нее людей; а так как онлайн-поведение здесь отражает отношения людей, опосредованные Интернет-пространством через технические средства, то оно содержит в себе множество аспектов, свойственных социальной активности в реальном пространстве.

Взаимный обмен – это символический обмен, в котором функция передачи и ответа на нее заключается в обретении распознаваемости партнером.

Взаимность – это действие, означающее факт признания того, что оно совершено в ответ на аналогичное, произошедшее первым.

Е. Pelaprat и В. Brown также анализируют ключевую парадигму описания особенностей социального аспекта онлайн-поведения, известную как «*Rational choice theory (RCT)*», касающегося поиска информации. Ядерный компонент здесь – предположение о том, что поведение (в частности, поведение в Интернете) продиктовано удовлетворением собственного интереса, а также уменьшением требуемых затрат путем его оптимизации (Pelaprat E., 2012).

Поиск информации и коммуникативное поведение направлены на разные цели, и в соответствующих контекстах рассматривают взаимодействие людей в Интернете: удовлетворение потребностей, не связанных с социальным взаимодействием и учитывающих только собственные интересы; а также удовлетворение потребностей в социальном взаимодействии, которые могут обуславливать альтруистические тенденции в поведении. Эти две

формы онлайн-поведения внешне сложно различимы, так как действия, характерные для коммуникативного поведения, могут проявляться в ходе поиска информации и наоборот. Вероятно, их следует различать по мотивационной составляющей, которая является основой теорий, рассматривающих эти феномены.

Таким образом, видно, что формы онлайн-поведения («работа с информацией» и «коммуникация») тесно связаны между собой. Часто может выделяться одна как ведущая и другая – как вспомогательная.

В качестве **вывода** можно сформулировать определение **онлайн-поведения**. Это форма социального поведения, реализуемая в виртуальном пространстве, опосредованная знаками, информационно-коммуникативными технологиями, техническими средствами, и отражающая в определенной степени индивидуально-психологические и социально-психологические характеристики пользователя.

Литература

1. Войскунский А.Е. Психология в сетевом контексте: начальный период // Информационное общество: образование, наука, культура и технологии будущего. – 2018. – №. 2. – С. 268–280. – doi: 10.17586/2587-8557-2018-2-268-280.
2. Емелин В.А., Тхостов А.Ш. Вавилонская сеть: эрозия истинности и диффузия идентичности в пространстве интернета // Вопросы философии. – 2013. – № 1. – 74–84.
3. Марцинковская Т.Д. Информационная социализация в изменяющемся информационном пространстве [Электронный ресурс] // Психологические исследования: электронный научный журнал. – 2012. – Т. 5. – №. 26. – 7 с. – Режим доступа: <http://psystudy.ru/index.php/num/2012v5n26/766-martsinkovskaya26.html> (дата обращения: 16.05.2020).
4. Jansen J., Van Schaik P. Understanding Precautionary Online

Behavioural Intentions : A Comparison of Three Models // Proceedings of the Tenth International Symposium on Human Aspects of Information Security & Assurance (HAISA 2016) / eds. N.L. Clarke, S.M. Furnell. – Plymouth : University of Plymouth, 2016. – P. 1–11.

5. Pelaprat E., Brown B. Reciprocity: Understanding online social relations [Электронный ресурс] // First Monday. – 2012. – Vol. 17. – № 10. – doi: 10.5210/fm.v17i10.3324. – URL:

<https://journals.uic.edu/ojs/index.php/fm/article/view/3324/3330>

(дата

обращения: 16.05.2020).

Роль специалиста-психолога в комплексной гуманитарной экспертизе нормотворчества

Хвалева А.А.

Московский государственный психолого-педагогический университет
(г. Москва)

Научный руководитель – Пимонов В.А.

С повышением интенсивности нормотворческой деятельности в России увеличивается количество принятых законов, однако их качество нередко остается на невысоком уровне. Это обусловлено психолого-законотворческими, лингвистическими, юридическими и другими ошибками, допускаемыми в проектах правовых норм субъектами права законодательной деятельности. В связи с этим **актуализируется** тема о необходимости проведения обязательной комплексной экспертизы законопроектов на этапе внесения их в законодательный орган, включения в состав экспертной группы специалистов в области экологии, финансов, социальной психологии, криминологии лингвистики и ряда других наук (Кибак И.А., 2010).

Целью исследования является изучение аспектов комплексной гуманитарной экспертизы (Леонтьев Д.А., Иванченко Г.В., 2008) в нормотворческом процессе.

Рассматривая цель работы, можно определить объект и предмет исследования: **объект** – комплексная гуманитарная экспертиза (далее – КГЭ) в нормотворческом процессе, а **предмет** – роль специалистов в области психологии, юриспруденции и других областей знаний в повышении качества экспертизы законопроектов.

Гипотеза исследования такова:

В отличие от представителей других областей знаний, специалисты-психологи обладают большей рефлексивностью и более гибким отношением к соблюдению нравственных норм; эти качества позволяют повысить жизнеотзывчивость законопроектов, их соответствие человеческой природе, в связи с чем целесообразно привлечение специалистов-психологов к КГЭ проектов правовых норм.

Для достижения указанной цели и проверки гипотезы мы провели опрос "экспертов".

Характеристики выборки:

1 группа «экспертов» - П: Студенты и выпускники факультета «Юридическая психология» МГППУ в возрасте 20-30 лет, 15 человек, заинтересованные в теме исследования.

2 группа «экспертов» - Ю: Студенты и выпускники юридических факультетов МГУ и МосУ МВД в возрасте 20-30 лет, 10 человек, заинтересованные в теме исследования.

3 группа «экспертов» - Д: Студенты и выпускники любых специальностей (кроме психологии и юриспруденции) в возрасте 20-30 лет, 10 человек, заинтересованные в теме исследования. Приняли участие медики, специалисты по информатике, фармацевты, педагоги.

Процедура исследования проводилась на онлайн платформе Google Forms, респондентам было предложено перейти по ссылке на исследование и ответить на вопросы. Само исследование было разделено на 3 части.

В первой части “экспертам” нужно было прочитать ситуации и ответить на вопросы к ним. Ситуации были взяты из реальных дел. Вопросы, задаваемые “экспертам”, были созданы с опорой на найденные материалы на Федеральном портале проектов нормативных правовых актов. Также выявлялось отношение к нынешней экспертизе, знакомство с понятием КГЭ, мнение о внедрении ее в нормотворческий процесс.

Во второй и третьей частях предлагалось выполнить методики:

1. Методика диагностики уровня развития рефлексивности, опросник Карпова А.В.

2. Методика измерения отношения к соблюдению нравственных норм А.Б. Купрейченко.

Результаты по части 1 следующие:

- юридические психологи и юристы владеют одной терминологией, их мнения во многом схожи. Представителям других специальностей воспринимать правовые тексты сложно, и их ответы сложно интерпретировать;

- 80% психологов, 70% юристов и 60% людей других специальностей считают качество экспертной деятельности в нормотворческом процессе неудовлетворительным;

- лишь 40% психологов и 10% юристов знакомы с понятием комплексной гуманитарной экспертизой, тогда как представители других специальностей не были знакомы с этим термином ранее;

- 90% психологов, 60% юристов, 80% представителей других профессий считают, что КГЭ могло бы снизить несовершенство законов;

- 100% психологов, 80% юристов, 80% других специальностей считают, что КГЭ стоит внести как основную экспертизу в нормотворчестве.

Результаты по части 2 (Методика диагностики уровня развития рефлексивности, опросник Карпова А.В):

У психологов и людей других специальностей одинаковый результат - 6 баллов. Это средний уровень рефлексивности (ближе к высокому), это говорит о том, что они имеют склонность к самоанализу в конкретных жизненных ситуациях и склонность к анализу уже выполненной в прошлом деятельности и свершившихся событий.

У юристов результат 4 балла находится на границе между низким уровнем рефлексивности и средним. Это говорит о несформированности процессов самопознания, низком самоконтроле поведения в актуальной ситуации, недостаточном осмыслении ее элементов, нет анализа происходящего, субъект не способен к соотнесению своих действий с ситуацией и их координации в соответствии с изменяющимися условиями и собственным состоянием.

Результаты по части 3 (Методика измерения отношения к соблюдению нравственных норм А.Б. Купрейченко):

У юристов отношение к соблюдению нравственных норм ниже всего. Но у всех трех групп значения находятся на среднем уровне ближе к высокому. Это говорит о гибкости. Психологи – 66%, юристы – 62%, другие специальности – 67%.

Результаты по каждой шкале:

Принципиальность. Значение шкалы у психологов выше, чем у остальных групп, но разрыв небольшой и все три группы находятся на среднем уровне. Преобладает следование собственным принципам, иногда во вред себе, другим, делу. П – 66%, Ю – 60%, Д – 60%

Терпимость. Уровень терпимости у юристов ближе к максимальному значению. Это говорит о терпимости к особенностям и слабостям других в любой ситуации. Психологи и люди других специальностей имеют среднее значение. П – 50%, Ю – 80%, Д – 60%

Ответственность. У всех групп ответственность выше среднего. Принятие ответственности на себя за дело и за других людей, когда это потребуется: П – 80%, Ю – 70%, Д – 80%

Правдивость. Этот критерий выражен сильнее у юристов, это говорит о неприемлемости лжи ни при каких условиях. Психологи немного лояльнее. П – 70%, Ю – 80%, Д – 60%

Справедливость. Самыми справедливыми получились и не психологи и не юристы. Но у юристов показатель тоже высокий. У психологов результат на среднем уровне. Такие результаты говорят, что решения принимаются чаще с точки зрения равенства прав, а не с точки зрения правдивости или законности. П – 65%, Ю – 80%, Д – 85%

В ходе исследования мы пришли к таким **выводам:**

1. Большая часть опрошенных указывают на низкое качество современной экспертной деятельности в законотворческом процессе и полагают, что внедрение КГЭ пойдет на пользу нынешнему процессу нормотворчества, и сможет снизить несовершенство законов.
2. Юридические психологи и юристы владеют юридической терминологией. Представителям других специальностей воспринимать правовые тексты сложно.
3. Уровень рефлексивности у юристов низкий. У психологов и представителей других профессий он находится на среднем уровне ближе к высокому.
4. У всех трех групп значения по отношению к соблюдению нравственных норм находятся на среднем уровне ближе к высокому. Но у юристов отношение к соблюдению нравственных норм ниже всего.
5. У психологов больше всего выражена ответственность и меньше всего терпимость (но показатели все равно на среднем уровне).
6. Для юристов важнее всего справедливость и терпимость и меньше всего принципиальность.

По отношению к юристам гипотеза подтверждена. У психологов действительно получена более высокая рефлексивность и гибкое отношение к соблюдению нравственных норм. У людей других специальностей уровень рефлексивности наравне с психологами, отношение к нравственным нормам чуть ниже, но это не отменяет гибкости.

Данная тема нуждается в дальнейшей проработке вопросов о внедрении КГЭ в нормотворческий процесс и о роли специалистов в области различных областей знаний в повышении качества экспертизы законопроектов.

Литература

1. Кибак И.А. Психологическая экспертиза законопроектов в законотворческом процессе // Вестник Московского университета МВД России. – 2010. № 6. – С.27-31.
2. Леонтьев Д.А., Иванченко Г.В. Комплексная гуманитарная экспертиза: методология и смысл. – М., 2008. – 135 с.

Связь альтруизма и эгоизма и девиантного поведения

Шевцов А.А.

Московский государственный психолого-педагогический университет

(г. Москва)

Научный руководитель – Лаврешкин Н.В.

Альтруизм и эгоизм — термины, недостаточно часто рассматриваемые в современном психологическом сообществе ввиду представления об их относительной изученности и малой значимости, однако, на самом деле, они играют большую роль в процессе взаимодействия человека и окружающего его общества и представляют большой интерес, в том числе и

в рамках юридической психологии. Альтруистическая и эгоистическая направленность индивида непосредственно связаны с ориентацией его на сотрудничество или соперничество, помощь или безразличие. Согласно исследованиям ценностной сферы подростков, совершивших противоправные действия (Никитская Е. А., Маркова С. В., 2011), было выявлено, что их ориентации были связаны в первую очередь с удовлетворением эгоистических потребностей, явно прослеживалось отвержение более социальных ценностей.

Для дальнейшего исследования был выдвинут ряд гипотез, главной из которых является гипотеза о том, что слабая выраженность альтруистической ориентированности личности может стать одним из факторов склонности к отклоняющемуся поведению. Помимо неё есть также и второстепенные:

1) Соответствующий стиль родительского воспитания и просвещение детей в области альтруизма и эгоизма являются одним из факторов снижения склонности к девиантному поведению.

2) Оценка взглядов ребенка или подростка на альтруизм или эгоизм при помощи соответствующего инструментария позволяет диагностировать направленность ценностных ориентаций индивида, что может являться индикатором просоциальной или деструктивной направленности личности.

3) Существует связь между эгоистической ориентацией личности и деликвентным поведением.

В процессе изучения различных материалов удалось выяснить:

— Альтруизм и эгоизм непосредственно связаны с эмпатией, состраданием и безразличием. Альтруизм — умение понимать другого человека, сострадать ему и совершать акты, направленные на помощь. Он также связан с наличием опыта страданий, необходимым для возникновения такой реакции, а также понимание эмоционального состояния другого. Предпосылкой к такому акту является эмпатический перенос. Эгоизм же, напротив, — отсутствие реакции вследствие непонимания состояния другого либо понимание, но его неприятие или нейтральное отношение к нему. Такой акт может быть направлен как на поддержание, так и на усиление страданий другого. Однако,

необходимо выделить различия между эмпатией и альтруизмом и эгоизмом. Эмпатия – это первичная возможность понимать состояние другого человека, после ее возникновения наступает формирование отношения к другому человеку: сострадание или безразличие, и лишь потом это перетекает в совершение акта помощи (альтруизм) или бездействия (эгоизм).

— Альтруизм и эгоизм одинаково важны для индивида и сильное отклонение к одному из полюсов является одним из признаков отклоняющегося поведения по причине того, что оба данных проявления являются природно обусловленными, что подтверждает большое количество исследований (Лаверычева И.Г., 2009).

— Ценностные ориентации подростков с отклоняющимся поведением имеют сильный уклон в индивидуализм, т.е. у них присутствует склонность к эгоистическим актам и отвержение просоциальности, то есть альтруистических актов.

— Альтруистические акты способствуют улучшению качества жизни индивида, что снижает возможность возникновения отклоняющегося поведения. Таким образом, развитие альтруистических ориентаций личности может предотвратить возникновение такого поведения.

Исходя из этого можно сделать заключение о том, что важно развитие альтруистических тенденций уже с раннего возраста, на что непременно влияет родительское воспитание. Были проведены исследования, определяющие, какие типы родительского взаимодействия с ребенком оптимальны для такого развития (Моисеева А.А., 2007).

— Семьи с авторитетными родителями способствуют установлению альтруистических ориентаций у ребенка.

— Поощрения и наказания играют большую роль в формировании личности ребенка. Все современные исследователи отмечают, что физические наказания недопустимы и не способствуют формированию альтруистической направленности. Материальные (в особенности, денежные) поощрения считаются не самыми эффективными и, согласно некоторым исследователям,

даже неприемлемыми. У родителей, чаще применяющих нематериальные способы поощрения, дети имеют большую альтруистическую направленность, чем у родителей, применяющих по большей части материальные способы. Поощрения за приложенные ребенком усилия также имеют большую важность.

— Доверительно-уважительный и личностно-развивающий стили с атмосферой доверия в семье в наибольшей степени влияют на формирование альтруистических тенденций.

— Опасливо-враждебный, агрессивно-принудительный, угрожающе-уничижительный и равнодушно-дистанционный стили воспитания, гиперопека оказывают негативное влияние на развитие альтруистической направленности личности.

Представляется вполне реальным создание уникального диагностического инструмента для диагностики предикторов девиантного поведения при помощи анализа альтруистических и эгоистических тенденций личности. Сейчас весь такой диагностический инструментарий не может в полной мере отражать такие ориентации личности ввиду различного рода недостатков, обусловленных спецификой таких методик.

Исследование проводилось посредством анализа литературы, то есть носит исключительно теоретический характер. В дальнейшем необходимо проводить эмпирические исследования для большего углубления в данную тему.

Литература

1. Моисеева А.А. Влияние особенностей семейного воспитания на формирование альтруистических тенденций поведения // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена, Аспирантские тетради – СПб., 2007. – N 17(43), ч.2: Педагогика и психология, теория и методика обучения. – С.178-182.

2. Лаврычева И.Г. Философские и естественнонаучные основания теории эгоизма и альтруизма: дис. ... канд. философ. наук. – СПб., 2009. – 220 с.

3. Никитская Е.А., Маркова С.В. Ценностные ориентации подростков с девиантным поведением, обучающихся в специальной общеобразовательной школе // Вестник ПСТГУ IV: Педагогика. Психология. – 2011. Вып. 3 (22). – С. 89-94.

ПСИХОЛОГИЯ ДЕВИАНТНОГО И КРИМИНАЛЬНОГО ПОВЕДЕНИЯ

Связь использования анонимных аккаунтов в социальной сети и склонности к девиантному поведению

Алимова Д.Х.

Московский государственный психолого-педагогический университет
(г. Москва)

Научный руководитель – Богданович Н.В.

По данным Федеральной службы государственной статистики на конец 2016 года 73 % населения Российской Федерации являются пользователями интернет сети. Виртуальным пространством продуцируются новые площадки для общения, сам интернет становится качественно новой средой для коммуникации. Появляется феномен иллюзии анонимности своей личности, люди создают так называемые “фейки”, то есть ненастоящие страницы, на которых отсутствует личная информация или информация не является достоверной. Анонимность – одно из свойств интернета, дающее свободу в самоосуществлении человека (Крамаренко И.С., 2014). Это понятие соотносится с отсутствием контроля и социальной оценки. Анонимность может выступать в позитивном и негативном варианте (социально-безопасное и опасное соответственно). В связи с вышеизложенным возникают задачи анализа мотивации использования анонимных аккаунтов, а также поиска связей мотивации использования со склонностью к девиантному поведению и самооценкой. В 2017 ом году нами было проведено исследование на тему “Связь использования анонимных аккаунтов в социальной сети и склонности к девиантному поведению”. Целью данного исследования являлось выявление связи мотивации использования анонимных аккаунтов в социальной сети и склонностью к девиантному поведению и уровнем самооценки. Мы предположили, что мотивация использования анонимных страниц в

социальной сети связана с низкой самооценкой индивида, а также говорит о наличии склонности к девиантному поведению. В исследовании приняли участие две группы испытуемых, в состав одной из которых входили мужчины и женщины в возрасте от 19 до 25 лет, активно использующие анонимные аккаунты, контрольную группу составляли мужчины и женщины от 19 до 25 лет, которые не пользуются анонимными аккаунтами. В качестве методов исследования были использованы тест-опросник самоотношения Столина В.В. (Столин В.В., 1988), методика диагностики склонности к отклоняющемуся поведению (СОП) (Фетискин Н.П., 2002), последующая беседа с каждым из испытуемых.

В результате данного исследования связи использования анонимного аккаунта со склонностью к девиантному поведению не выявлено. Была выявлена связь самопринятия и использования анонимного аккаунта. Респонденты продемонстрировали трудности с принятием себя, неадекватную самооценку. Данные по методикам сочетаются с данными, которые были получены в ходе беседы. Были выявлены категории мотивации использования анонимных аккаунтов, в которых большее предпочтение респонденты давали желанию оставлять комментарии в сети анонимно.

Данные результаты позволяют сделать вывод о том, что использование анонимности не может являться индикатором девиантного поведения, а говорит лишь о компенсаторном характере использования.

Литература

1. Крамаренко Н.С. Самоосуществление человека в условиях реального и виртуального мира: субъектный подход: автореф. дис. ... доктора психол. наук. – М., 2014. – 40 с.
2. Столин В.В., Пантилеев С.Р. Опросник самоотношения // Практикум по психодиагностике: Психодиагностические материалы. – М., 1988. – С. 123-130.

3. Фетискин Н.П., Козлов В.В., Мануйлов Г.М. Социально-психологическая диагностика развития личности и малых групп. – М.: Издательство Института Психотерапии, 2002. – 362 с.

Особенности самооценки у девочек подросткового возраста со склонностью к нарушению пищевого поведения

Веселова А.Е.

Московский государственный психолого-педагогический университет
(г. Москва)

Научный руководитель – Власова Н.В.

В современных условиях очень важной проблемой является рост распространённости нарушений пищевого поведения, особенно среди лиц женского пола в подростковом возрасте, когда происходит активное становление личности. Сейчас отмечается огромное количество девочек в возрасте 13-16 лет, которые стремятся усовершенствовать свою внешность, поддаваясь воздействию социума, доводя себя до изнуряющего физиологического и психологического состояния, что угрожает их психическому и физическому здоровью.

Пищевое поведение – это целостное отношение к пище и её приёму, стереотип питания в обыденных ситуациях и ситуациях стресса, ориентация на образ собственного тела и деятельность по его формированию. (Менделевич В.Д., 2008). На формирование отношения к пище влияет множество различных факторов, такие как: социокультурное воздействие, отношения в семье, стресс, различные психологические особенности личности. Пищевое поведение человека направлено не только на удовлетворение базовой биологической и физиологической потребности в пище, но и на удовлетворение психологических и социальных потребностей.

Исследователями отмечается, что у лиц со склонностью к нарушениям пищевого поведения имеются проблемы с самовосприятием. Человек не способен адекватно воспринимать себя и свою внешность, оценивать свои эмоции и воспринимать отношение к нему окружающих (Менделевич В.Д., 2008).

Особенно острой проблема нарушения пищевого поведения становится в подростковом возрасте. Подростковый возраст считается кризисным периодом, так как связан со сменой социальной ситуации развития и сменой ведущей деятельности, формированием Я-концепции личности, его самоотношения. Следствием некорректных попыток совершенствования собственного тела нередко становится нарушение пищевого поведения. Неудачные попытки исправить внешность сказываются на самооценке, поэтому понятия нарушения пищевого поведения и самооценки тесно связаны.

Принимая во внимание все вышесказанное, была сформулирована цель нашего исследования – выявление различий в особенностях самооценки девочек подросткового возраста со склонностью к нарушению пищевого поведения и девочек подросткового возраста с нормативным пищевым поведением.

В рамках эмпирического исследования были применены следующие методики: ЕАТ-26: тест отношения к приёму пищи (David M. Garner); методика диагностики самооценки Дембо-Рубинштейн (модификация А.М. Прихожан); методика «Шкала оценки уровня удовлетворённости собственным телом» (ШУСТ) (О.А. Скугаревский); методика изучения общей самооценки (Г.Н. Казанцева).

Выборку составили 70 девочек в возрасте 13-16 лет, проживающие в г. Москве. В ходе исследования нами было выявлено, что 37 девочек имеют склонность к нарушению пищевого поведения и 33 девочки продемонстрировали нормативное пищевое поведение, вследствие чего испытуемые были разделены на две группы: экспериментальную и

контрольную. В экспериментальную группу вошли девочки со склонностью к нарушению пищевого поведения, в контрольную – девочки с нормальным пищевым поведением.

Результаты, полученные по методике ШУСТ, показали, что у девочек со склонностью к нарушению пищевого поведения и девочек с нормальным пищевым поведением имеется разница в оценке собственного тела. Так, 57% девочек со склонностью к нарушению пищевого поведения имеют заниженный уровень оценки своего тела, в то время как девушки с нормальным пищевым поведением не занижают этого представления. В экспериментальной и контрольной группах практически нет разницы в количестве испытуемых, которые оценивают своё тело на среднем уровне. Количество средних оценок составляет в обеих группах почти четверть от каждой выборки. Существенная разница видна также в количестве девочек, у которых наблюдается завышенный и высокий уровень удовлетворенности собственным телом. В контрольной группе 36% опрошенных имеют завышенные представления о своём теле, а в экспериментальной группе – 14%. При этом неадекватно завышенные представления в контрольной группе имеют 43% девочек, в экспериментальной – 7%.

Результаты методики общей самооценки Г.Н. Казанцевой показывают, что заметна существенная разница в уровне общей самооценки у девушек со склонностью к нарушению пищевого поведения и девушек с нормальным пищевым поведением. В экспериментальной группе у большинства наблюдается средний (41%) и низкий (41%) уровень самооценки и небольшой (18%) процент обладает высокой самооценкой. А в контрольной группе наблюдается небольшой процент низкой самооценки (9%), четверть выборки имеют среднюю самооценку (27%), и большинство девочек с нормальным пищевым поведением имеют высокую самооценку (64%).

Проанализировав результаты по шкале «Адекватность самооценки» в методике Дембо-Рубинштейн, мы получили следующие результаты: в экспериментальной группе 73% испытуемых имеют неадекватную

самооценку, в контрольной группе – 38%. В результатах по шкале «Зрелость самооценки» можно видеть, что значимых различий в обеих группах нет. В экспериментальной группе 60 % девочек имеют неустойчивую самооценку. В контрольной группе лишь 15% девочек имеют неустойчивую самооценку. На основании данных результатов мы можем отнести неустойчивость самооценки к особенностям самооценки девочек со склонностью к нарушению пищевого поведения.

Выявлены значимые различия между девочками подросткового возраста, склонными к нарушению пищевого поведения и девочками с нормальным пищевым поведением, согласно критерию Хи-квадрата Пирсона. Так, разница была обнаружена в показателях:

- уровень удовлетворенности собственным телом (уровень значимости $p \leq 0,001$);
- уровень общей самооценки (уровень значимости $p \leq 0,001$);
- наличие неадекватной самооценки (уровень значимости $p \leq 0,05$);
- устойчивость самооценки (уровень значимости $p \leq 0,001$).

Опираясь на результаты методик и статистическую обработку результатов в программе SPSS, мы можем сделать вывод, что заниженная самооценка, неадекватность и неустойчивость самооценки являются особенностями самооценки девочек подросткового возраста со склонностью к нарушению пищевого поведения.

Данные исследования могут быть использованы для разработки программ профилактики нарушений пищевого поведения для девочек подросткового возраста.

Литература

1. Бороздина Л.В. Что такое самооценка // Психологический журнал – 1992. – №4. – С. 99-100.
2. Менделевич В.Д. Клиническая и медицинская психология: учебное пособие - 6 изд. – М. : МЕДпресс информ, 2008. – 432 с.

3. Райгородский Д.Я. Практическая психодиагностика: Методики и тесты. Учебное пособие – Самара : БАХРАХ-М, 2006. – 672 с.

4. Савчикова Ю.Л. Психологические особенности женщин с проблемой веса: дис. ... канд. психол. наук. – СПб., 2005. – 208 с.

**Индикаторы риска самоповреждающего поведения у
несовершеннолетних в виртуальной реальности (на примере
социальных сетей)**

Вуколова А.А.

Московский государственный психолого-педагогический университет

(г. Москва)

Научный руководитель – Делибалт В.В.

В последние десятилетия в практику обычной жизни людей вошло использование Интернета и социальных сетей. Расширяется также аудитория, в том числе возрастной состав, активных пользователей социальных сетей, а также спектр технических средств, позволяющих взаимодействовать людям онлайн, получать различную информацию и выполнять различные деятельности в виртуальном пространстве. С одной стороны, Интернет и социальные сети являются ресурсами развития - их можно использовать для поддержания своих социальных связей, установления новых контактов, обучения, самореализации в различных сетевых и виртуальных проектах и т.д. С другой стороны, эти новые возможности связаны с риском. Так, например, пользователь может оказаться в ситуации кибербуллинга, стать жертвой интернет-мошенников или столкнуться с ненадлежащим контентом (Польская Н.А., 2019). И именно подростки чаще всего находятся в группе риска, так как интернет-активность связана с развитием личности подростка, его социализацией и формированием идентичности. Длительное время пребывания в социальных сетях ведет к психологическому дистрессу,

неудовлетворенностью психическим здоровьем, риску суицидального и самоповреждающего поведения.

Таким образом, целью нашего исследования стало выявление и описание индикаторов риска самоповреждающего поведения у несовершеннолетних в виртуальной реальности (на примере социальных сетей).

Для оценки полученных результатов были выдвинуты следующие гипотезы исследования:

1. Подросткам со склонностью к самоповреждающему поведению характерны выраженность таких компонентов самоотношения, как “самообвинение”, “внутренняя конфликтность” и использования неадаптивных копинг-стратегий.
2. У подростков со склонностью к самоповреждающему поведению можно выделить специфические индикаторы поведенческих паттернов в виртуальной реальности в процессе анализа аккаунтов в социальных сетях.

В данной работе исследование проводилось с учащимися 7-11 классов. Выборку составили 67 ученика в возрасте от 11 до 17 лет: из них 28 человек составили экспериментальную группу, 30 человек - контрольную. Разделение выборки происходило согласно результатам респондентов по тесту «Склонность к девиантному поведению» и по шкале причин самоповреждающего поведения.

В рамках исследования были использованы следующие методы исследования:

1. Теоретический анализ;
2. Эмпирические методы (тестирование, контент-анализ, психологический анализ материалов аккаунтов (личных страниц) пользователей социальных сетей);
3. Методы математической статистики для анализа эмпирических данных (описательная статистика, параметрические и непараметрические методы статистики).

Также были использованы следующие методики:

1. Копинг-тест Лазаруса;
2. Методика исследования самооотношения (МИС) (Панталева С.Р.);
3. Тест «Склонность к девиантному поведению» (Леус Э.В.);
4. Шала причин самоповреждающего поведения (Польская Н.А.);
5. Анкета «Модификации тела и самоповреждения» (Польская Н.А., Кабанова А.С.).

По результатам проведенного исследования можно сделать следующие выводы:

- У подростков со склонностью к самоповреждающему поведению преобладают изображения темных тонов с самоповреждающей или насильственной тематикой, что может свидетельствовать о преобладании пониженного фона настроения и возможного деструктивного поведения.
- В сферу интересов респондентов экспериментальной группы входят сообщества, пропагандирующие рискованное поведение, в том время как респонденты контрольной группы интересуются сообществами с позитивной направленностью.
- У подростков со склонностью к самоповреждающему поведению преобладают такие копинг-стратегии, как дистанцирование, конфронтация, бегство-избегание и принятие ответственности.
- Подросткам со склонностью к самоповреждающему поведению характерны выраженность таких компонентов самооотношения, как “самообвинение”, “внутренняя конфликтность”.

В ходе проведенного исследования исходная гипотеза подтвердилась: подросткам со склонностью к самоповреждающему поведению характерны выраженность таких компонентов самооотношения, как “самообвинение”, “внутренняя конфликтность” и использования неадаптивных копинг-стратегий. У подростков со склонностью к самоповреждающему поведению можно выделить специфические индикаторы поведенческих паттернов в виртуальной реальности в процессе анализа аккаунтов в социальных сетях.

Литература

1. Змановская Е.В. Девиантология: Психология отклоняющегося поведения. 3-е изд., испр. и доп. – М.: НОРМА-ИНФРА, 2015. – 402 с.
2. Пантлеев С.Р. Методика исследования самооотношения. – М.: Смысл, 1993. – 32 с.
3. Польская Н.А., Якубовская Д.К. Влияние социальных сетей на самоповреждающее поведение у подростков // Консультативная психология и психотерапия. – 2019. – Т. 27. – №3. – С. 156-174.

Основные причины девиантного поведения современных подростков

Закаев И.А.

Международный юридический институт (Волжский филиал)

Научный руководитель – Кокарева Е.В.

В последнее время девиантное поведение, которое можно описать как поведение, отличное от нормы, стало серьезной глобальной проблемой. С каждым годом количество учащихся с девиантным поведением (также известным как аберрантное поведение) в общеобразовательных учреждениях неуклонно увеличивается. Аберрантное поведение может привести не только к проблемам, которые включают давление на сверстников, запугивание и насилие в школе, но и к более серьезным последствиям, таким как социальная дезадаптация и преступность. Причины такого поведения до настоящего времени полностью не установлены и в каждом случае они индивидуальны. Поэтому в данном исследовании ставится задача определить причины аномального поведения, проявляемого подростками, а также влияние девиантного поведения на учебную обстановку.

Девиантное поведение определяется неортодоксальными чертами характера, которые не соответствуют официально установленным общепринятым социальным нормам (Громов И. А., Мацкевич И. А., Семёнов В. А., 2003). Девиантное поведение имеет деструктивную или саморазрушительную направленность, и представляет реальную угрозу физическому и социальному выживанию индивида в определенных социальных условиях или коллективном окружении. Отклонения характеризуются нарушением социальных норм, моральных норм, культурных ценностей (Минин А.Я., Краев О.Ю, 2020).

Причины девиантного поведения связаны с условиями воспитания, особенностями физического развития и социальной средой человека (Шнейдер Л.Б., 2019).

Девиантное поведение подростков часто имеет социальные причины, например, недостатки в образовании и воспитании. Самые первые ростки девиантности осуществляются из-за страха наказания, или как протест, который затем превращается в рефлексорный стереотип. Причины девиантного и делинквентного поведения у подростков проистекают из отсутствия присмотра, отсутствия внимания со стороны родственников, страха наказания, мечтательности, желания устранить опеку опекунов или родителей, жестокого обращения со стороны товарищей, а также в немотивированном стремлении изменить статус-кво.

Отдельно отметим, что раннее злоупотребление алкоголем и наркотиками среди подростков мотивируется желанием находиться в компании взрослых, чувствовать себя зрелым, удовлетворять любопытство или изменять преобладающее психическое состояние. После употребления алкоголя наблюдается бодрое настроение, повышение уверенности в себе, расторможенность. Групповая зависимость, возникающая при выпивке с друзьями, скорее всего, приведет к алкоголизму (Старшенбаум Г.В., 2019).

Дети с аномальным поведением в обществе, в большинстве случаев, проживают в семьях, где либо один родитель не принимает участие в

воспитании ребенка, либо эта социальная ячейка дисфункциональна, поэтому им необходима специальная помощь для координации своего поведения (Змановская Е.В., 2004).

Такие дети не могут физически или психологически справиться со своими проблемами, потому что подростки, по своей сути, чрезвычайно уязвимы и ранимы. Если ребенку не хватает родительской заботы и тепла, он выбирает защитную реакцию в виде отчуждения (замкнутость, нелюдимость, холодность, пренебрежение, эмоциональная неустойчивость и т.). Социальные факторы, проявляющиеся в недостатках школы, общества или семьи, также несут ответственность за поведение детей. Не секрет, что в неблагополучных семьях дети (и не только дети) подвергаются жестокому обращению или насилию дома, в школе и на улице. Жестокое обращение не всегда ограничивается физической сферой; оно также может представлять собой эмоциональное насилие, причиняющее не меньший вред психическому и физическому здоровью ребенка, чем другие формы насилия. Родители, которые не знают о негативных последствиях жестокого обращения, только ухудшают ситуацию для своих детей, когда они пытаются "воспитывать" их. Реакция ребенка или подростка будет зависеть от его возраста, опыта и характера. Однако интересно отметить, что дети, подвергшиеся жестокому обращению, часто становятся жестокими по отношению к своим собственным детям, подобно тому, что они испытали в детстве.

Профилактика девиантного поведения среди подростков заключается в формировании здорового отношения к себе, своему окружению, формировании здорового образа жизни (Рождественская Н.А., 2019).

Профилактика – это совокупность государственных, социальных, медицинских и организационно-воспитательных мероприятий, направленных на предупреждение, устранение или нейтрализацию основных причин и условий, вызывающих различного рода социальные отклонения в поведении человека (Милькевич О.А., 2019). Она основана на том, что девиантное поведение подростков возникает потому, что несовершеннолетние этих

причин и условий просто не знают. Поэтому государство и общество должны информировать несовершеннолетних об их правах и особенно обязанностях, а также требованиях к их исполнению.

Это может быть сделано через средства массовой информации (печать, радио, телевидение), кино, театр, художественную литературу и другие культурные произведения, а также через систему социального воспитания. Это будет развивать и воспитывать сознание подростка и способствовать усвоению нравственных норм поведения, конгруэнтных нормам общества.

Таким образом, отсутствие целенаправленной информации о последствиях девиантного поведения (например, употребления наркотиков), приводит несовершеннолетних (да и взрослых тоже), потребляющих их, к уголовной ответственности.

Профилактика девиантного поведения должна включать мониторинг факторов риска девиантного поведения. Часто предпосылки для девиантного поведения таятся в семье. Семья прививает ребенку базовые ценности, поведенческие стереотипы и нормы. Эмоциональная сфера психики ребенка формируется в семье. Поэтому дефекты, которые возникают из-за домашнего воспитания, очень трудно исправить. В зависимости от того, когда произошло отклонение, правильно оказанная психологическая помощь может предотвратить деформацию личности подростка.

Таким образом, основными причинами девиантного поведения являются:

- Медико-санитарные;

Неполноценность нервной системы (Минимальная мозговая недостаточность (ММН), невропатия, неврозы;

- Социально-психологические предпосылки (семьи с деструктивными эмоционально-конфликтными отношениями, педагогическая несостоятельность родителей и их низкий общеобразовательный уровень);

- Социально-демографические предпосылки (неполные или многодетные семьи, семьи с престарелыми родителями);

- Возрастные особенности (ускоренное и неравномерное развитие организма подростка в период полового созревания);
- Социально-экономические предпосылки (низкий материальный уровень жизни, плохие жилищные условия).
- акцентуации характера – это крайние варианты его нормы, при которых отдельные черты характера чрезмерно усилены, вследствие чего обнаруживается избирательная уязвимость в отношении определенного рода психогенных факторов.

Литература

1. Громов И. А., Мацкевич И. А., Семёнов В. А. Западная социология: Учебное пособие для вузов. – СПб.: Издательство ДНК, 2003. – 560 с.
2. Змановская Е.В. Девиантология: Психология отклоняющегося поведения: Учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений – М.: Издательский центр «Академия», 2004. – 288 с.
3. Милькевич О.А. Теория и методика социальной работы. Профилактика детского неблагополучия: Учебное пособие для СПО. – М.: Юрайт, 2019. – 150 с.
4. Минин А.Я., Краев О.Ю. Актуальные проблемы девиантного поведения несовершеннолетних и молодежи. – М.: Прометей, 2020. – 160 с.
5. Рождественская Н.А. Девиантное поведение и основы его профилактики у подростков: Учебное пособие. – М.: Генезис, 2019. – 212 с.
6. Старшенбаум Г.В. Аддиктология: психология и психотерапия зависимостей. – М.: Когито-Центр, 2019. – 288 с.
7. Шнейдер Л.Б. Психология девиантного и аддиктивного поведения детей и подростков: Учебное пособие. – М.: Юрайт, 2019. – 219 с.

Особенности регуляции поведения у лиц, совершивших рецидивные преступления против жизни и здоровья граждан

Князева С.О.

Московский государственный психолого-педагогический университет
(г. Москва)

Научный руководитель – Коноплева И.Н.

Основная парадигма отечественной исправительной системы – определение критериев исправления правонарушителя. В то время как парадигма большинства зарубежных государств – определение факторов риска криминального поведения (рецидивизма). Отечественная парадигма не допускает возможности совершения нового преступления человеком в случае, если он вел себя положительно во время условного срока, раскаялся в содеянном, загладил вину. Концепция оценки риска рецидива более прагматична, чем концепция оценки показателей исправимости личности осужденного для прогноза поведения человека после отбытия срока.

Проблемой психологии преступника занимались Ю.М. Антонян, М.И. Еникеев и В.Е. Эминов в своем труде «Психология преступника и расследование преступлений», которые сделали предположение, что тревожность выступает в качестве основной причины совершения преступлений, а в обществе существуют силы, ее порождающие (Антонян Ю.М., Еникеев М.И., Эминов В.Е., 1996).

Проблему риска рецидива при УДО изучал М.Г. Дебольский, и в статье «Проблемы риска рецидива при УДО осужденных» пришел к выводу, что есть необходимость более активного участия психологов в оценке факторов риска повторной преступности и разработке целевых программ ресоциализации бывших осужденных (Дебольский М.Г., 2014).

По мнению Бехтерева В.М., «Преступность может корениться в нарушении не нравственных суждений и не интеллектуальной сферы вообще,

а в нарушении чувственной сферы или сферы воли» (Бехтерев В.М., 2017, с.4). Т. Г. Понятовская в статье «Проблема рецидива в уголовном праве и криминологии» пришла к следующему выводу, что при назначении наказания за второе совершенное преступление при рецидиве суд должен особое внимание обращать на личность преступника-рецидивиста (Понятовская Т.Г., 2014).

При принятии решения совершить преступное деяние (как и любое другое), человек прогнозирует возможные последствия реализации этого действия, планирует свое поведение с учетом обстановки, своих возможностей и многих других обстоятельств. Когда возникает установка на какое-то определенное действие, появляется так называемая «задержка», человек соотносит свои установки с общественными нормами, анализирует последствия. Если «задержки» не происходит, тогда акт преступного деяния будет как бы свернутым и человек реализует свою установку сразу после ее возникновения.

Уровень саморегуляции у осужденных по любым статьям в настоящее время не является фокусом для исследования психологами. Однако же, во многих ситуациях волевая саморегуляция может играть ключевую роль в совершении или не совершении преступления. Конечно, различные взгляды и ценности человека, его воспитание и другие личностные особенности так же оказывают влияние на поведения человека. Но, именно саморегуляция осуществляет направление этого поведения. И, если у впервые осужденных преступников уровень саморегуляции может не отличаться от законопослушных граждан, то у рецидивистов, которые осознанно или (в некоторых случаях) неосознанно вновь попали в ситуацию совершения преступления, явно могут быть какие-то проблемы с волевой саморегуляцией.

На основе вышесказанного нами было проведено эмпирическое исследование. Цель исследования — выявление особенностей саморегуляции у преступников, совершивших преступления против жизни и здоровья. Гипотеза исследования заключается в том, что у преступников-рецидивистов

(осужденных, имеющие две и более судимости) снижена способность к саморегуляции поведения за счет слабо выраженной потребности в планировании и низкой самостоятельности.

Выборку составили 60 осужденных в возрасте от 22 лет до 71 года. Из них 30 человек осуждено по статьям главы 16 УК РФ – за преступления против жизни и здоровья и 30 человек осуждены по статьям главы 21 УК РФ – за преступления против собственности. Для проведения исследования использовались следующие методики: «Опросник структуры темперамента» В.М. Русалова для определения двигательного и коммуникативного аспектов темперамента, «Стиль саморегуляции поведения» В.И. Моросановой для изучения умения построения программы действий и ее оценки и «Исследование волевой саморегуляции» А.В. Зверкова и Е.В. Эйдмана для изучения уровня развития волевой саморегуляции.

По результатам исследования впервые осужденные за преступления против жизни и здоровья граждан показали самые высокие баллы (по сравнению с остальными группами) по процессам волевой саморегуляции. Самый высокий балл у впервые осужденных за преступления против жизни и здоровья граждан выявлен по шкале «Гибкость» (8 баллов), тогда как у других исследуемых групп осужденных (рецидивисты, осужденные за преступления против жизни и здоровья граждан, впервые осужденные за преступления против собственности и рецидивисты, осужденные за преступления против собственности) баллы по этой шкале 5 и 7. Также осужденные за преступления против жизни и здоровья граждан набрали больше баллов по шкале «Самостоятельность» (6 баллов), по сравнению с остальными группами осужденных (3-4 балла). Это говорит о том, что они больше всех способны построить адекватную программу действий, самостоятельно спланировать свое поведение, изменить его, если это требуют обстоятельства и оценить полученные результаты. При этом общий уровень саморегуляции (по двум методикам) у осужденных за преступления против жизни и здоровья граждан

немного ниже, чем у остальных групп осужденных, что вполне успешно компенсируется развитостью остальных процессов.

Рецидивисты показали себя более активными, энергичными, стремящимися к общению. Но, при этом, уровень социальной пластичности у них невысок (средний балл 4,1), что говорит о том, что они стремятся к контактам, но не привыкли учитывать мнение и интересы других людей, подстраиваться под них (это считается одной из черт антисоциальных личностей). При этом у них низкий уровень самостоятельности (средний балл 3), что говорит о том, что хоть они и не привыкли подстраиваться под других людей, они все же не могут самостоятельно спланировать программу своих действий. Также у рецидивистов, осужденных за преступления против жизни и здоровья, достаточно низкий эмоциональный отклик (средний балл по «предметной эмоциональности» 3,7, по «социальной эмоциональности» 3,5), они менее чувствительны к неудачам в работе, менее склонны к тревоге по сравнению с группой впервые осужденных. Это подтверждает теорию о низкой возбудимости антисоциальных личностей. То есть они уверены в себе и своих силах, действуют быстро, но сами спланировать деятельность не могут, как и перестроить ее в изменившихся условиях, мнение других они не учитывают, поэтому и не расстраиваются из-за расхождения между ожидаемым и реальным результатом.

Таким образом, можно сказать, что слабо выраженная потребность в планировании и низкая самостоятельность у рецидивистов, осужденных за преступления против жизни и здоровья граждан, действительно могли оказать влияние на совершение ими повторного преступления. То есть саморегуляция в целом, как и ее компоненты, могут иметь связь с рецидивным поведением.

Литература

1. Антоян Ю.М., Еникеев М.И., Эминов В.Е. Психология преступника и расследование преступлений. – М.: Юристъ, 1996. – 336 с.

2. Бехтерев В.М. Наедине с убийцей. Об экспериментальном психологическом исследовании преступников. – М.: Алгоритм, 2017. – 320 с.
3. Дебольский М.Г. Проблемы риска рецидива при условно-досрочном освобождении осужденных [Электронный ресурс] // Психология и право. – 2014. – № 1. – URL: <http://psyjournals.ru/psyandlaw/2014/n1/68316.shtml> (дата обращения: 12.05.2020.)
4. Понятовская Т. Г. Проблема рецидива в уголовном праве и криминологии // Всероссийский криминологический журнал. – 2014. – № 3. – С. 96-102. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problema-retsidiva-v-ugolovnom-prave-i-kriminologii> (дата обращения: 05.05.2020).

Особенности проявления девиантного поведения при акцентуациях характера

Кривоколиско В.В.

Московский государственный психолого-педагогический университет

(г. Москва)

Научный руководитель – Дворянчиков Н. В.

Серьезные расстройства поведения, которые проявляются в детском и подростковом возрасте, могут в дальнейшем привести к ряду проблем в различных сферах жизни, вплоть до преступного поведения. Именно поэтому изучение генезиса девиантного поведения является крайне актуальной областью исследования, так как полученные знания могут быть применимы к разработке профилактических мер по предупреждению развития делинквентного поведения.

Важной частью данной работы является сопоставление девиантного поведения несовершеннолетних и выявленных акцентуаций характера, для понимания обусловленности некоторых форм отклоняющегося поведения от «главенствующей» акцентуации. Девиантное поведение можно определить

как устойчивое поведение личности, отклоняющееся от наиболее важных социальных норм, причиняющее реальный ущерб обществу или самой личности, а также сопровождающееся ее социальной дезадаптацией – как состоянием сниженной способности реализовывать свою индивидуальность в конкретных социальных условиях (Панцырь С. Н., Новгородцева А. П., 2013).

Целью исследования было выявить взаимосвязь между определенной акцентуацией характера и проявлением девиантного поведения в подростковом возрасте. Исследование проводилось на базе Государственного бюджетного общеобразовательного учреждения города Москвы "Специальное учебно-воспитательное учреждение № 1", выборка численностью в 25 человек была сформирована из учащихся 8-11 классов в возрасте от 15 до 18 лет, из которых 5 девочек и 20 мальчиков. Для проведения исследования были использованы следующие методы и методики: теоретический анализ и обобщение литературы; методы математической статистики данных (коэффициент ранговой корреляции Спирмена), методика определение склонности к отклоняющемуся поведению (СОП) А.Н.Орла и опросник К. Леонгарда — С. Шмишека «Методика изучения акцентуаций личности».

В результате проведенного исследования было выявлено наличие у большинства испытуемых тенденции к преобладанию «Возбудимого» и «Гипертимического» типов акцентуаций характера, что свидетельствует о проявлении в поведении испытуемых таких черт как несдержанность, невозможность контролировать собственные побуждения, повышенная импульсивность, низкий уровень контроля эмоциональных реакций с одной стороны, с другой же – проявление повышенного фона настроения, жажда поиска новой деятельности, а также легкомысленность. Важным наблюдением является определение крайне низкой выраженности «Тревожного» типа акцентуации характера среди испытуемых. Методика «Определение склонности к отклоняющемуся поведению» (А. Н. Орел) показала наличие тенденции к склонности к делинквентному поведению, склонности к агрессии

и насилию, а также низкий уровень волевого контроля эмоциональных реакций.

Наличие значимой положительной связи между «Гипертермическим» типом акцентуаций характера и шкалой склонности к агрессии и насилию говорит о возможном влиянии гипертимического типа акцентуации характера на реализацию агрессивного и насильственного поведения подростком.

Соотнося полученные результаты по двум методикам, можно сделать вывод, что испытуемые, склонные к делинквентному поведению, агрессии и насилию, а также имеющие низкий уровень волевого контроля эмоциональных реакций, имеют «Возбудимый» и «Гипертимический» типы акцентуаций характера, из чего можно предположить, что данные акцентуации характера могут влиять на проявление определенных видов девиантного поведения.

В заключение важно отметить практическую значимость изучения данной проблемы, вследствие чего необходимо проводить дальнейшие исследования проблематики взаимосвязи девиантного поведения и акцентуаций личности, так как полученные знания могут быть использованы для разработки диагностических и профилактических мероприятий.

Литература

1. Панцырь С.Н., Новгородцева А.П. Личностные особенности подростков с девиантными формами поведения // Культурно-историческая психология – 2013. – Том 9. № 2. – С. 64–72.

Использование знаний о личности и поведении серийных убийц на первоначальных этапах расследования

Мухина Е.О.

Московский государственный психолого-педагогический университет

(г. Москва)

Предлагается пилотная трехшаговая схема по использованию знаний о личности и поведении преступников на первоначальных этапах расследования серийных убийств, когда одной из главных задач является сужение круга подозреваемых лиц, и следователь ожидает получить от лица, обладающего специальными познаниями, информацию, значимую для направления ориентировки оперативным работникам, опирающимся на данные розыскных учетов.

Уточним, что под «серией» в рамках статьи понимается совокупность двух и более убийств, совершенных с разрывом во времени; характеризующихся единством мотива; совпадением данных о потерпевших; сходством характеристик мест и способов совершения убийств; совпадением элементов обстановки преступлений и других криминалистически значимых обстоятельств.

Итак, приводим ниже сокращенный перечень аспектов (напрямую соотносящихся с криминалистическими методиками по раскрытию серийных убийств), которые важно проанализировать специалисту (первый шаг):

- Общий анализ известных жертв;
- Последние известные местонахождения жертв, их передвижения до нападения;
- Динамика выбора жертв преступником;
- Причины и длительность периодов отсутствия нападений;
- Использование преступником транспорта (возможность подъезда/отъезда с интересующей преступника местности, наличие остановок, вид транспорта в городе/поселении, движение в радиусе 2 км в сельской местности);
- Характер и длительность первоначального контакта преступника с жертвой;

- Соотношение места контакта убийцы с жертвой и места её убийства; места убийства и места обнаружения трупа;
- Общее состояние трупа, характер (необычность) нанесенных ему повреждений;
- Одежда на трупе (разрывы/разрезы одежды; обнаженность трупа/отдельных частей тела); связывание жертвы/трупа и его способ; рисунки и надписи на теле жертвы или месте преступления;
- Общее описание полового акта или замещающих действий (с указанием отличительных особенностей);
- Попытки сокрытия следов;
- Способ ухода с места происшествия;
- и т.д.

Далее, обобщив указанную выше и иную обязательную для исследования информацию, специалисту предлагается подготовить для следователя вероятностное описание преступника по схеме - второй шаг (в скобках указаны примеры авторов, исследовавших данные аспекты):

1. Общие сведения о преступнике (Антонян Ю.М., 2011 г.; пособие центра «Феникс», 2005 и др.):

- Примерный возраст преступника, пол;
- Основные антропологические характеристики, явные физические недостатки;
- Семейное положение, уровень образования, характер занятости;
- Возможные привычки, склонности, навыки;
- Наличие явно выраженных аномалий психики;
- Факт прохождения лечения в психиатрической больнице; постановления на учет в НД/ПНД;
- Факт службы в армии.

2. Геопрофилирование (Canter D., Synnott J. et al., 2019; Snook B. et al., 2005; Rossmo D.K, 2011 и др.)

- Место проживания;
- Соотношение места проживания, места первоначального контакта с жертвой, места убийства, места обнаружения трупа жертвы;
- Места, где больше всего проводит времени преступник.

3. Динамика преступной деятельности (Hazelwood R., Warren J., 2003; Sorochinski M., Salfati, G., 2018 и др.):

- Судимости;
- Совершение изнасилований/НДСХ до/в ходе периода совершения убийств;
- Иные преступления, совершаемые до первого убийства (кражи, поджоги и т.д.);
- Время первого эпизода серии;
- Время следующего нападения;
- Динамика «почерка», «подписи» и паттернов поведения.

4. Анализ преобладающей мотивации преступлений (Логунова О.А., Дворянчиков Н.В., 2019 и др.).

5. Подготовка к преступлению (Beauregard E., Rossmo D. et al., 2007 и др.)

- Насколько тщательно планируется преступление (и планируется ли);
- Наличие автомобиля (или транспорт, которым мог бы воспользоваться преступник);
- Предварительное посещение места (окрестностей) преступления ранее (например, во время планирования нападения);
- «Контрольная точка» (место выслеживания жертвы) и ее изменения.

6. Жертва (Dietz P. et al., 1990; Sydney K., Schlesinger L. et al., 2019 и др.)

- Отношения между преступником и жертвой до начала нападения;
- Описание способа нападения на жертву;
- Характер (мотивировка) наносимых повреждений;

-Перемещение трупа жертвы.

7. Действия преступника после совершения преступления (Osborne J., C.Salfati, 2014 и др.)

-Распоряжение трупом жертвы;

-Уход с места преступления;

-Уничтожение/сокрытие орудия преступления;

-Изменение внешнего облика после преступления;

-Перемена места жительства после преступления;

-Отслеживание хода расследования

-Способность преступника приостановить преступную деятельность в любой момент, если чувствует угрозу;

-Возвращение на место убийства после содеянного (как часто и с какой целью);

-Сроки реализации нового нападения.

Наконец, в заключении анализа специалисту предлагается указать конкретные рекомендации по поиску неизвестного преступника (третий шаг).

Подводя итоги, уточним, что ряд предложенных для анализа вопросов о личности и поведении серийного убийцы являются крайне трудными для интерпретации. Тем не менее, обширный ряд исследований в литературе уже произведен (выше были указаны лишь отдельные примеры разборов; автор не ставил себе целью привести полный список исследований, так как в рамках статьи это не представляется возможным). Корректировка и дополнение вышеизложенного материала и иные необходимые исследования будут осуществляться автором в последующих публикациях.

Литература

1. Антонян Ю. М. Особо опасный преступник. – М., 2011. – 310 с.

2. Информация, полученная автором в ходе прохождения стажировки в ГУК СК РФ (с марта 2018 года по настоящий момент) в составе группы, занимающейся аналитикой серийных изнасилований и убийств.

3. Логунова О.А., Дворянчиков Н.В. Исследование психологических особенностей личности и поведения серийных сексуальных убийц различных типов [Электронный ресурс] // Психология и право. – 2019. –Том 9. № 1. – С. 54–70. doi:10.17759/psylaw.2019090104.

4. Психические расстройства у лиц, совершивших серийные сексуальные правонарушения: пособие для врачей. – Ростов н/Д, Феникс, 2005. – 60 с.

5. Beauregard E., Rossmo D. et al. A Descriptive Model of the Hunting Process of Serial Sex offenders //Journal of Family Violence, 2007, 22, p. 449 – 463.

6. Dietz P. et al. The Sexually Sadistic Criminal and His Offenses //Psychiatry Law, 1990, 18(2), p. 163 – 178.

7. Hazelwood R., Warren J.: Linkage analysis: modus operandi, ritual, and signature in serial sexual crime //Aggress Violent Behav., 2003, 8, p. 587–598.

8. Louis B. Schlesinger et al. Ritual and Signature in Serial Sexual Homicide //J. Am Acad Psychiatry Law, 2010, 38, p. 239 – 246.

9. Rossmo D.K. Recent developments in geographic profiling //Policing J Policy Pract, 2011, 6, p. 144–150.

10. Schlesinger L. et al. Foreign Object Insertions in Sexual Homicide //International Journal of Offender Therapy and Comparative Criminology, 2019, 63(9), p. 1726–1737.

11. Snook B. et al. Serial Murderers Spatial Decisions: Factors that Influence Crime Location Choice. Journal of Investigative Psychology and Offender Profiling, 2005, vol. 2, p. 147-164.

12. Sorochinski, M., Salfati, G. A Multidimensional Approach to Ascertaining Individual Differentiation and Consistency in Serial Sexual Assault: Is It Time to Redefine and Refine? //J. Police Crim Psych., 2018, 33, p. 63–83.

13. Synnott J, Canter D. et al. Crime location choices: A geographical analysis of German serial killers //J. Investig Psychol Offender Profiling, 2019, p. 1–14.

Гендерные особенности виктимности к разным видам преступлений

Мынкина В. С.

Московский государственный психолого-педагогический университет

(г. Москва)

Научный руководитель – Коноплева И. Н.

Актуальность данной темы определяется тем, что различные процессы в обществе являются детерминантами роста виктимизации населения. Так же, особенностям виктимности посвящено относительно небольшое количество работ, и, соответственно, виктимология является одной из малоизученных областей. В различных источниках можно наблюдать различия в виктимности и виктимном поведении мужчин и женщин, что так же дает основание для изучения данного вопроса.

В своей работе М. А. Одинцова пишет: «Проблема психологии «жертвы» неисчерпаема и остается одной из самых неизученных на сегодняшний день» (Одинцова М.А., 2013, с. 5). И с этим невозможно не согласиться, так как виктимология относительно молодая область знаний. В ней насчитывается не такое большое количество работ, как в некоторых других областях психологического знания. Лишь с середины XX века стали изучать жертву как самостоятельный объект исследований криминологии и к концу XX века виктимология постепенно переросла в отдельную науку. Большое количество работ направлено на изучение жертв уже случившихся деяний и есть необходимость изучения потенциальных жертв преступлений. Отмечается, что проблема профилактики виктимизации актуальна.

Изучение гендерных особенностей виктимности к различным преступлениям позволяет понять, жертвой каких преступлений чаще всего могут стать женщины и мужчины, и чем это обуславливается.

Цель: изучение гендерных особенностей виктимности к разным видам преступлений.

Объект: виктимность и виктимное поведение личности.

Предмет: гендерные особенности виктимности личности.

Выборка исследования: всего было обследовано 62 человека в возрасте от 18 до 27 лет, из них 31 респондент женского пола и 31 респондент мужского пола, проживающих на территории РФ.

Методики и процедура исследования:

Были использованы две методики, а именно – методика «Типы ролевой виктимности», авторы – М.А. Одинцова и Н.П. Радчикова и методика «Жизнестойкость», авторы – Д.А. Леонтьев и Е.И. Расказова.

Данные методики были представлены респондентам в виде анкеты, сначала предлагалось указать свой пол и возраст, псевдонимы не были использованы, так как ответы по 2-м методикам каждого респондента были скреплены, то есть после ответа на вопросы методики «Тип ролевой виктимности» респондент сразу перенаправлялся на вопросы методики «Жизнестойкость».

Исследование проводилось на онлайн платформе Google Forms. Респондентам было предложено перейти по ссылке на исследование и ответить на вопросы 2-х методик в удобное для них время и в удобном для них месте. Исследование было абсолютно анонимным и занимало не более 10 минут времени на прохождение. Все инструкции, данные в методиках, были отображены на экране перед началом прохождения каждой из них.

Далее результаты исследования были обработаны с помощью программ Excel 2013, и IBM SPSS Statistics.

Результаты

По результатам данного исследования женщины оказались более виктимны в целом и по отдельным шкалам, чем мужчины. Женщинам более свойственна социальная роль жертвы, при том, что показатели игровой роли жертвы у большинства респондентов женского пола на среднем уровне. Низкие показатели по обеим ролям не превышают 10% выборки женщин. Мужчинам более свойственны средние значения и по социальной роли жертвы, и по игровой роли жертвы. Это может нам говорить о том, что представители мужского пола и менее виктимны в целом, и у них не наблюдается выделения какой-либо роли жертвы, а следовательно, они практически в равной степени могут быть жертвами более широкого спектра преступлений, хоть и с меньшей вероятностью к виктимизации в целом.

Исходя из того, что более половины респондентов женского пола принадлежат к социальной роли жертвы, можно сказать о том, что женщины более склонны к чувству собственной ущербности, быть изгоем или одиночкой. Данная роль может накладывать на человека стигму одиночества, а окружающие ему представляются враждебно настроенными к нему. Наблюдается склонность обвинять себя и окружающих, считать, что другие лучше него. Так же это менее гибкие люди, при этом не склонные к манипуляциям. Но, так же, они готовы к новому опыту, могут вполне успешно анализировать ситуацию, обладают высоким уровнем понимания происходящего. При этом такие люди больше полагаются на судьбу и других людей, чем на свои силы, зависимы от других.

Мужчины склонны так же в некоторых случаях быть самоизолированными или изгоями и полагаться на волю случая, но выражается это не так ярко. При этом говоря о том, что у мужчин средние результаты по игровой роли виктимности, можно сказать, что они вполне могут манипулировать людьми, могут в некоторых случаях проявлять большую неосмотрительность, но при этом они более гибкие и общительные, чем женщины. Так же больше проявляют агрессию, если не добиваются желаемого.

Выводы

Женщины более виктимны, чем мужчины и обладают более низким уровнем жизнестойкости по сравнению с мужчинами.

Женщины в большей степени склонны стать жертвами домашнего насилия, изнасилования, буллинга, кибербуллинга. Также женщины более подвержены стать жертвами торговли людьми и разбойных нападений на квартиру или дом.

Мужчины в большей степени подвержены стать жертвами мошенничества, грабежа, убийства, побоев, преступлений связанных с пагубными привычками и неосторожностью жертвы.

Литература

1. Одинцова М.А. Типы поведения жертвы: Диагностика ролевой виктимности. – Самара: Издательский дом «Бахрах–М», 2013. – 160 с.

Несуицидальное самоповреждающее поведение у юношей и молодых взрослых

Недилько Д.А.

Московский государственный психолого-педагогический университет
(г. Москва)

Научный руководитель – Делибалт В.В.

В течение последних двух десятилетий наблюдается значительный рост несуйцидальных действий самоповреждающего характера (НСП). Согласно данным В. Walsh, если в 70-80-ые годы XX века самоповреждение рассматривалось в основном как феномен, характерный для пациентов психиатрических клиник, молодежи, обучающейся в закрытых школах и интернатах и лиц, отбывающих наказания в местах лишения свободы, то в последние 20–25 лет намечается тенденция серьёзного роста НСП среди более

широких слоев населения, таких как молодежь в средней и старшей школе, подростки в колледжах и университетах и взрослые в общей популяции (Walsh B., 2012). По разным данным среди подростков к НСП прибегают от 6 до 45% популяции, среди взрослых – от 1 до 25% (Левковская О.Б., 2017); такой разброс в данных может быть связан с проблемой операционализации рассматриваемого феномена: разные исследователи включают в понятие «самоповреждающее поведение» разный спектр действий. НСП представляет опасность для соматического здоровья личности, которая к нему прибегает; для такой формы поведения также характерна контагиозность – «социальное заражение» в группах сверстников или внутри субкультур. Существуют данные о связи НСП с иными формами девиантного поведения, например такими, как употребление ПАВ или суицидальное поведение (Григорьева А.А., 2019). Таким образом, проблема самоповреждающего поведения становится всё более актуальной.

Целью нашего исследования являлось выявление и описание характеристик несуйцидального самоповреждающего поведения в период юношества и ранней взрослости. Выборку составили 32 респондента (26 девушек и 6 юношей), средний возраст – 21 год. Большинство респондентов являлись студентами высших учебных заведений Санкт-Петербурга и Москвы. С каждым респондентом проводилось глубинное структурированное интервью, построенное на основе “Шкалы причин самоповреждающего поведения” Н.А. Польской (Польская Н.А., 2017) и проективная методика SELF; также участникам исследования предлагалось заполнить ряд опросников, направленных на выявление склонности к аддиктивному поведению и переживанию субъективной отчужденности.

Под несуйцидальным самоповреждающим поведением в нашей работе подразумеваются действия, направленные на намеренное физическое повреждение собственного тела, не связанные при этом с попытками или репетициями лишения себя жизни (совершения суицида). Спектр таких действий весьма широк, к ним относятся, например, намеренные порезы или

проколы кожи режущими и колющими предметами (канцелярским ножом, ножницами, циркулем и т. д.); расчесывание кожи до крови; удары ладонью или кулаком по своему телу или по другим твердым объектам, обкусывание ногтей, кожи на руках, щек или губ. Из понятия НСП нами исключается повреждение кожи с эстетическими целями (пирсинг или нанесение татуировок), а также удары конечностью по твердым поверхностям, вызванные переживанием гнева (т. к. данное действие направлено скорее на перенаправление агрессии на внешние объекты и обычно не носит аутоагрессивный характер).

В ходе исследования было установлено, что большинство (84%) респондентов хоть раз в жизни прибегали к действиям несуйцидального самоповреждающего характера. Среди таких действий чаще всего встречались: порезы режущими предметами (к ним хотя бы однажды прибегали 47% респондентов); обкусывание губ (44%); прикусывание щек или языка (44%); удары по собственному телу (41%); обкусывание ногтей (34%).

Среди причин данных действий чаще всего указывались следующие: успокоиться (66%); избавиться от страха или тревоги (56%); взять себя в руки (47%); не чувствовать душевной боли (44%); справиться со своими переживаниями (44%); почувствовать облегчение (38%). На основании вышеуказанных причин могут быть выделены две основные стратегии самоповреждающего поведения: “восстановление контроля над эмоциями” и “избавление от напряжения”. Полученные нами данные подтверждают позицию, согласно которой основными функциями НСП являются эмоциональная саморегуляция и самоконтроль.

В ходе исследования нами была подтверждена точка зрения на НСП как на контагиозный (“социально заразный”) феномен: двое респондентов указали на то, что их самоповреждения являлись прямым следствием самоповреждающего поведения лиц, с которыми они были близко знакомы.

Литература

1. Григорьева А.А., Клименко Т.В., Булыгина В.Г. Персонифицированный подход в профилактике самоповреждающего поведения подростков, употребляющих ПАВ и алкоголь: Учебно-методическое пособие. – М.: ФГБУ «НМИЦПН им. В.П. Сербского» Минздрава России, 2019. – 126 с.
2. Левковская, О.Б. Феноменологический анализ несуицидальных самоповреждений у подростков // Журнал неврологии и психиатрии им. С.С. Корсакова. – 2017. – Т. 117. – №. 7. – С. 10–15.
3. Польская, Н.А. Психология самоповреждающего поведения. – М.: ЛЕНАНД, 2017. – 320 с.
4. Walsh, B. Treating self-injury. 2ns ed / B. Walsh – New York : Guilford Press, 2012 – 337 p.

Особенности полоролевого поведения осуждённых к лишению свободы за половые преступления против несовершеннолетних

Нечаева А.Н.

Московский государственный психолого-педагогический университет
(г. Москва)

Научный руководитель – Серый М.И.

Данное исследование проводилось в интересах профилактики преступлений против половой неприкосновенности несовершеннолетних, создания организационных барьеров, ограничивающих допуск к работе с несовершеннолетними лиц, предрасположенных к подобным деяниям.

Судебная статистика последних лет свидетельствует о стабильно высоком уровне преступности по ст.131–135 УК РФ, в среднем 7,5–8,0 тысяч в год, нераскрытая и неучтенная преступность по этим статьям, очевидно, в десятки раз выше.

Отмеченный высокий уровень преступности по данной категории деяний вызывает острую обеспокоенность общества и требует от научного сообщества более внимательного и глубокого изучения проблемы для выработки организационно-методических рекомендаций по предотвращению подобных преступлений.

Целью настоящей работы является выявление усвоения особенностей гендерной роли (Кочарян А.С., 1996) лицами, совершившими преступления против половой неприкосновенности и половой свободы несовершеннолетних (Ткаченко А.А., Введенский Г.Е., Дворянчиков Н.В., 2016). Объектом исследования являются особенности полового самосознания индивидов, их представления о своей половой роли. Предметом исследования являются особенности усвоения гендерной роли лицами, совершившими преступления против половой неприкосновенности и половой свободы несовершеннолетних.

В рамках эмпирического исследования были выдвинуты следующие гипотезы: 1) для лиц, совершивших преступления против половой неприкосновенности и половой свободы несовершеннолетних, характерны нарушения полоролевой идентичности и интериоризации половой роли, обуславливающие отклонения (девиации) полоролевого поведения; 2) лицам, совершившим преступления против половой неприкосновенности и половой свободы несовершеннолетних, свойственны нечеткость представлений о полоролевых стереотипах, о возрастной специфике половой роли и объекта сексуального предпочтения.

Исследование проводилось на выборке численностью 52 человека. Основную группу (1) исследования составляют 15 мужчин, в возрасте от 18 до 64 лет, признанные виновными, находящиеся под стражей, осужденные за совершение преступлений против половой неприкосновенности несовершеннолетних, часть из которых ранее отбывали срок в местах лишения свободы по данным статьям (ст. 131-135 УК РФ). Сравнительная группа (2) – 15 человек в возрасте от 18 до 61 года, без психической патологии,

привлекавшиеся к уголовной ответственности за преступления, не связанные с половой неприкосновенностью и половой свободой несовершеннолетних (ст.158-163 УК РФ – преступления против собственности). Данная группа набрана для исключения влияния фактора отбывания срока и влияния его на возможное искажение гендерной роли. Контрольная группа (3) – 22 человека в возрасте от 18 до 61 года, без психической патологии, не привлекавшиеся к уголовной ответственности.

На этапе эмпирического исследования использовался анализ материалов уголовных дел, а также следующие психодиагностические методики: «МиФ» (маскулинность и фемининность); методика ЦТО (цветовой тест отношений); методика «Кодирование» (Дворянчиков Н.В., Носов С.С., Саламова Д.К., 2011).

Выводы:

1. Как на когнитивном, так и на эмоционально-смысловом уровне, у лиц, совершивших преступления в отношении половой неприкосновенности несовершеннолетних, характерны нарушения полоролевой идентичности. Нарушения полоролевой идентичности представителей основной группы характеризуются преобладанием фемининных черт (образ «я»-сопоставляется с понятием «женщина», а "Я-идеал" - с образом "девочка") и слабой маскулинности. В целях укрепления собственной идентичности, у данных индивидов проявляется деформация образа объекта сексуального предпочтения. В эмоционально-смысловых показателях такая деформация проявляется в тождественности ассоциативных связей образа «ребенка» с образом «взрослого», несущих также сексуальный характер, такие как: «Ребёнок-реальный сексуальный партнер», «Ребёнок-идеальный сексуальный партнер», «Девочка-удовольствие». У лиц, совершивших уголовно наказуемые преступления из корыстных побуждений, отсутствуют значимые особенности сферы полоролевой идентичности, отличающиеся от нормативных показателей.

2. Данное исследование обнаруживает, что у лиц, совершивших преступления против половой неприкосновенности несовершеннолетних, в когнитивной сфере понимание образов «Я-идеальное» и «Мужчина должен быть...» характеризуется высоким уровнем маскулинности, что соответствует показателям нормативной группы. Тем не менее, в эмоционально-смысловых показателях проявляются искажения понятий об образе мужчины, отражающихся в понятиях-связках, присущих типично женщинам («мужчина-нежность»), следовательно, представление о мужской социально-поведенческой модели близко к нормативным показателям лишь в когнитивной области. Искажение представлений о мужской роли на эмоциональном уровне говорит об отсутствии референтности (значимости) мужского сообщества для данных лиц, а "Я-идеальный" образ, близкий к "Мужчина должен быть..." – лишь знаемый и не имеет достаточной побудительной силы.

3. Лица, имеющие такое нормативное представление о мужской половой роли, на практике взаимодействия с представителями мужского пола проявляют и низкую маскулинность, и низкую феминность (недифференцированность). В эмоционально смысловой сфере проявляются такие важные связки, как: "Я-слабость", "Я-пассивность", "Мужчина-избегаю быть таким". Данные показатели демонстрируют недоступность интериоризации мужской роли субъектами основной группы. Реализуемое субъектом поведение вступает в конфликт с желаемым, и говорит об эгодистонном отношении к своей половой роли. У объектов основной группы проявляется отрицательное отношение к собственному образу "Я", что демонстрирует низкую самооценку и согласуется с показателями когнитивной сферы, где характеристики образа «Я-идеальное» далеки от "Я-реального".

Таким образом, данные исследования могут быть внедрены в повседневную работу психологов пенитенциарной системы для дифференцированной разработки реабилитационных как групповых, так и индивидуальных программ для заключённых. Имеет смысл «замерять»

половое самосознание и на выходе из учреждения, после лонгитюдного наблюдения, чтобы понимать, как изменилось состояние половой Я-концепции, и по необходимости дать рекомендации сотрудникам ФСИН для дальнейшей работы с освободившимися. Данные исследования также могут быть значимы и для создания профилактической программы по снижению преступной деятельности в отношении детей.

Литература

1. Дворянчиков Н.В., Носов С.С., Саламова Д.К. Половое самосознание и методы его диагностики: учеб. Пособие. – М.: Флинта: Наука, 2011. – 216 с.
2. Кочарян А.С. Личность и половая роль. Симптомокомплекс маскулинности/фемининности в норме и патологии: дис. ...д-ра психол. наук. – Харьков, 1996. – 139 с.
3. Ткаченко А.А., Введенский Г.Е., Дворянчиков Н.В. Судебная сексология. 2-е изд. – М.: БИНОМ, 2016. – 648 с.

Сексуальный сценарий как основа «modus operandi» серийных сексуальных убийц

Нечесова С.В.

Московский государственный психолого-педагогический университет
(г. Москва)

Научный руководитель – Дворянчиков Н.В.

Современные исследования в сфере судебной и клинической психологии показывают, что реализация парафильных интересов часто связана с совершением особо тяжких преступлений. На фоне их стабильного роста (МВД РФ, 2019) ситуация усложняется тем, что поведение преступника,

особенно при совершении сексуальных убийств, базируется на расстройстве сексуального предпочтения – парафилии (Balon R., 2016).

Объектом исследования выступили расстройства сексуального предпочтения.

Предметом исследования выступили методы географического профилирования, применяемые для поиска неизвестного преступника, совершившего серийные сексуальные убийства.

Исследование проводилось с **целью** - выявления характеристик зависимого поведения серийных сексуальных убийц от имеющихся у них парафилий и изучение пространственных характеристик их передвижения по местности.

Были выдвинуты следующие **гипотезы**:

1) устойчивые паттерны поведения, сформированные в результате расстройства сексуального предпочтения, создают «сексуальный сценарий», который участвует в построении «modus operandi» серийных сексуальных убийц;

2) имеются критерии зависимого пространственного криминального поведения, которые можно внести в профиль преступника, страдающего определенным видом парафилии.

Материал для исследования представлял собой 60 кейсов зарубежных уголовных дел, которые позволили выявить основные маркеры поведенческих характеристик серийных сексуальных убийц, основанные на их «modus operandi».

Методами исследования выступили: сравнительный анализ, мета-анализ и контент-анализ.

В результате проведенного исследования были сформулированы следующие **выводы**:

1) обследования, проведенные учеными на стадии пренатального и постнатального развития «центра эрекции», который генетически влияет на пренатальную половую гормонализацию (или дегормонализацию)

мужского/женского диморфизма половых путей мозга, выявляют фиксацию парафильного поведения в результате патологических процессов, возникающих на данном этапе развития в нервных путях, проходящих через *Redunculi cerebri* (ножки мозга) и варолиев мост, возбуждение которого проводится в пещеристых телах при посредстве поясничных сегментов нервов, связанных с эрекцией (Mony J., 1989). В постнатальный период изменения глубинных структур ментальной карты индивида, которые завершают формирование шаблона сексуального сценария, происходят под влиянием описанного выше процесса диморфизма. Они не корректируются социальными и средовыми воздействиями, а лишь усугубляются на протяжении жизни и закрепляются в результате получения неудачного сексуального опыта и смещении либидо с нормофильного объекта на парафильный;

2) при выявлении коррелятов психопатии и садизма в академических экспериментальных исследованиях, проведенных при обследовании серийных сексуальных убийц, выяснилось, что этиологией их зависимого поведения выступают сформировавшиеся у них парафилии, в отличие от распространенного мнения о том, что к жестокому поведению и его фиксации ведет насилие, которое психопаты и садисты испытали в детстве;

3) в большинстве кейсов уголовных дел, связанных с серийными сексуальными убийствами, мотивационным компонентом являлись парафильные интересы, которые, формируясь на протяжении нескольких лет, становились предикатами таких тяжелых психоэмоциональных и психосоциальных расстройств, как: отсутствие эмоционального интеллекта, социальная неадекватность, социальная и сексуальная изоляция, одиночество, серьезные семейные проблемы, что влекло к проявлениям актов сексуального садизма, в том числе, направленного на модель семьи (в одном из кейсов - убийство женщин вместе с их детьми) (Pariksha Govender, 2017);

3) как и предполагалось при формировании гипотезы, в большинстве случаев серийных сексуальных убийств, причем, независимо от половой

принадлежности преступников, фигурировало навязчивое сексуальное поведение, связанное со стойкими синдромами парафильных расстройств и заболеваний: вуайеризма, фроттеуризма, эксгибиционизма, биастофилии, некрофилии, садомазохизма, что подтверждает предположение о формировании зависимого сексуального поведения (сексуального сценария), влияющего на «modus operandi»;

4) в результате исследования 60-ти кейсов уголовных дел был сделан вывод о том, что психоэмоциональные нарушения, наблюдавшиеся в подавляющем большинстве актов поведения серийных сексуальных убийц в момент совершения преступлений, - явились следствием сформировавшихся у них парафилий и парафильных расстройств, а не наоборот, как обычно принято считать. При этом обследования, проведенные учеными, показали интенсивные связи между: психопатией и садизмом (Julien Chopin, 2019); шизофренией и нарциссическими расстройствами; садизмом, психопатией и некрофилией (Rajan Darjee, 2019); выявлена прямая зависимость импульсивного расстройства личности и совершения импульсивных сексуальных убийств. Коррелятами в данном случае выступили: низкая самооценка и парафильные сексуальные интересы (Jay Healey, 2017). Также обнаружено сочетание параноидных, нарциссических, гистрионических и антисоциальных расстройств, которые были связаны и с психопатической, и с антисоциальной конструкцией (Chloe I. Pedneault, 2019).

Таким образом, степень зависимого поведения, которое формируется под влиянием парафильной карты у серийных сексуальных убийц, очень высока (как показал мета-анализ), и поэтому важно использовать сексуальный сценарий при составлении поведенческого и географического профиля. Зависимое сексуальное поведение диктует формирование уникальных паттернов пространственного криминального поведения. Исследование 60-ти кейсов серийных сексуальных убийств подтвердили наличие существенных различий в криминальном пространственном поведении преступников и обнаружили аспекты пространственного поведения, которое напрямую

зависит от имеющейся у преступника парафилии. Клинические аспекты нейропсихологического анализа поведения серийного преступника помогут сузить круг подозреваемых и оптимизировать переменные, вносимые в географический профиль.

Литература

1. Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь - декабрь 2019 года //Состояние преступности в России за январь - декабрь 2019 года. – М.: Министерство Внутренних дел РФ, ФКУ «Главный информационно-аналитический центр». – 2019. – С. 3.
2. Balon Richard. Practical Guide to Paraphilia and Paraphilic Disorders Department of Psychiatry and Behavioral Neurosciences Wayne State University Detroit, MI, USA/ Publishing Switzerland 2016, P. 1, 2.
3. Chloe I. Pedneault, Kelly M. Babchishin, Martin L. Lalumiere & Michael C. Seto (2019). The association between childhood sexual abuse and sexual coercion in men: a test of possible mediators//Journal of Sexual Aggression.
4. Jay Healey, Patric Lussier, and Eric Beauregard. (2012) Sexual Sadism in the Context of Rape and Sexual Homicide: An Examination of Crime Scene Indicators//International Journal of Offender Therapy and Comparative Criminology/Simon Fraser University, Burnaby, British Columbia, Canada.
5. Julien Chopin, Eric Beauregard. (2019) Lethal combinations: A conjunctive analysis of crime scene behavior associated with sexual homicide//Wiley/School of Criminology, Simon Fraser University, Burnaby, British Columbia, Canada.
6. Mony J. Vandalized Lovemaps: Paraphilic Outcome of Seven Cases in Pediatric Sexology/John Money and Margaret Lamacz, Prometheus Books, Buffalo, New York, 1989.
7. Pariksha Govender. Investigating serial murder: case linkage methods employed by the South African police service. - University of South Africa, UNISA, January, 2017. P. 65.

8. Rajan Darjee (2019) Sexual Sadism and Psychopathy in Sexual Homicide Offenders: An Exploration of Their Associates in a Clinical Sample// International journal of Offender Therapy and Comparative Criminology.

Влияние родительских моделей на формирование гендерной идентичности

Репкина В.А.

Московский государственный психолого-педагогический университет
(г. Москва)

Научный руководитель – Дворянчиков Н.В.

Актуальность работы обусловлена необходимостью детального изучения механизмов влияния родительских моделей на формирующуюся гендерную идентичность. В данной работе этот аспект будет рассматриваться с точки зрения уже сформированной гендерной идентичности с целью увидеть наличие или отсутствие специфических закономерностей. Психологические исследования гендерной идентичности в рамках семейных отношений представлены исчерпывающим числом – наибольшую значимость данная тема имеет в современных работах И.С. Клециной, И.С. Кона и О.Г. Калины (Калина О.Г., Холмогорова А.Б., 2007 и Клецина И. С., 2011) Понимание основных аспектов влияния образов родителей, их ожиданий и стратегий воспитания на гендерную идентичность позволит выявить новые направления в изучении процесса гендерной социализации, а также разработать способы борьбы с отклонениями на разных его этапах.

Объектом исследования является гендерная идентичность лиц молодого возраста.

Предметом исследования являются особенности гендерной идентичности лиц, воспитывающихся в семьях с разными стилями детско-родительских отношений.

Целью исследования является определение влияния родительских моделей на формирование гендерной идентичности.

Гипотезы:

1. Стиль воспитания родителей влияет на специфику гендерной идентичности ребёнка.
2. Маскулинность или феминность концепции родительских ожиданий прямо пропорциональна соответствующим показателями гендерной идентичности ребёнка.
3. Маскулинность или феминность образов матери и отца прямо пропорциональна маскулинности или феминности образа «я» ребёнка.

Методы исследования: анкетирование, формализованная тестовая диагностика: методика Маскулинность и Феминность, модифицированная Н.В. Дворянчиковым в 1998 году и опросник «Подростки о родителях» (Вассерман Л.И., Горьковая И.А., Ромицына Е.Е., 2004), методы математической статистики (SPSS).

Выборка состояла из 30 испытуемых (30 девушек) в возрасте от 16 до 20 лет (средний возраст по выборке – 18,5 лет). Все испытуемые в возрасте от 18 до 20 лет являются студентами высших учебных заведений, от 16 до 17 лет – учениками средних общеобразовательных школ г. Москвы. Все испытуемые воспитываются в полных семьях, то есть имеют обоих родителей.

Корреляционный анализ связи между стилями родительского отношения и особенностями гендерной идентичности детей не выявил статистически значимых показателей. Это может говорить о том, что стиль воспитания не является одним из главных факторов, влияющих на гендерную идентичность молодых людей.

Критерий корреляции применялся и для выявления связи между родительскими ожиданиями («Моя мама хотела бы, чтобы я был» и «Мой папа

хотел бы, чтобы я был») и реальным и идеальным образом я ребёнка. В результате показано, что полоролевые ожидания родителей не оказывают влияния на реальный образ Я ребёнка, но сказываются на его идеальном образе Я. Маскулинные ожидания матери и отца в равной степени соответствуют маскулинности идеального образа Я ребёнка, также, как и фемининные ожидания соответствуют фемининному идеальному образу. Можно высказать предположение о стремлении ребёнка соответствовать предъявляемым матерью и отцом качествам.

Коэффициент корреляции использовался для выявления связи между маскулинностью или фемининностью образов матери и отца и реальным и идеальным образом я ребёнка. На реальный образ ребёнка статистически влияет только маскулинность образа отца, то есть чем больше маскулинные характеристики приписывается отцу, тем больше их видит в себе ребёнок. Это может говорить о высокой степени идентификации юных девушек со своими отцами.

Наравне с этим была выявлена прямая связь между фемининностью образа отца и маскулинностью идеального образа Я ребёнка. По итогу наравне стоят две тенденции: повышение уровня маскулинности отца повышает уровень маскулинности реального образа ребёнка, а повышение уровня фемининности отца повышает маскулинность идеального образа. Следовательно, в зависимости от того, маскулинный или фемининный образ транслируется отцом, прямо пропорционально будет меняться и Я образ ребёнка от реального к идеальному. Данный факт требует дальнейшего изучения и проверки на более широкой выборке.

Фемининный образ матери, также, как и фемининный образ отца имеют прямую зависимость с фемининностью идеального образа Я ребёнка. Важно отметить, что влияние образа отца проявилось в трёх характеристиках, тогда как образ матери оказал влияние лишь единожды. Отсюда можно

сделать вывод, о большей значимости для юных девушек соотношения маскулинности и фемининности отцов.

Полученные данные можно использовать для дальнейшей обработки с целью более чёткой дифференциации явлений и сопоставления с данными выборки другого пола.

Целью данной работы было исследование влияния родительских моделей на формирование гендерной идентичности. На основе анализа литературных источников и результатов собственного эмпирического исследования, в соответствии с поставленными задачами сформулированы следующие выводы:

1. Определённые стили воспитания не влияют на особенности формирования гендерной идентичности, что говорит о несостоятельности первой гипотезы.
2. Полоролевые родительские ожидания не оказывают влияния на образ Я-реального ребёнка, но идеальный образ Я зависит от них напрямую, что говорит о частичном подтверждении второй гипотезы.
3. Маскулинность и фемининность образов отца и матери влияют как на реальный образ Я ребёнка, так и на идеальный. Выявлена тенденция большего влияния образа отца на реальный и идеальный образ себя у молодых девушек. Фемининный образ матери влияет на фемининность идеального образа Я у ребёнка. Данные факты выступают в подтверждение третьей гипотезы.

Литература

1. Вассерман Л.И., Горьковая И.А., Ромицына Е.Е. Родители глазами подростка: психологическая диагностика в медико-педагогической практике. Учеб. пособие. – СПб.: «Речь», 2004. – 256 с.
2. Гендерная психология [Текст] / под ред. И. С. Клециной. СПб.: Питер, 2009. – 496 с.

3. Калина О.Г., Холмогорова А.Б. Влияние образа отца на эмоциональное благополучие и полоролевую идентичность подростков // Вопросы психологии. – 2007. – № 1. – С. 15-26.
4. Клецина И. С. Гендерный подход в психологических исследованиях современных семейных отношений // Вестник Ленинградского государственного университета имени А. С. Пушкина. – 2011. – № 4. – Т. 5. Психология. – С. 107-119.
5. Кузьмин М. Ю. Сравнение идентичности и ее динамики у младших школьников, подростков и лиц юношеского возраста // Российский психологический журнал. – 2017. – Т. 14. – № 2. – С. 67-89.
6. Перегудина В.А. Особенности возрастного становления гендерной идентичности // Известия ТулГУ. – 2010. – №2. – С. 305-310.
7. Позднякова Т.Н. Изучение установок родителей и их влияния на процесс гендерной социализации ребенка // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2012. – №1 (105). – С.123-128.
8. Размахнина Д.Ю. Взаимосвязь гендерных стереотипов и семейных ролей в представлениях подростков [Электронный ресурс] // Акмеология. 2013. – №1 – С. 58-60. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vzaimosvyaz-gendernyh-stereotipov-i-semeynyh-roley-v-predstavleniyah-podrostkov> (дата обращения: 20.03.2020).

Особенности воздействия на личность человека в секте

Савина К.Д.

Московский государственный психолого-педагогический университет

(г. Москва)

Научный руководитель – Дворянчиков Н.В.

Сектантство не является социальным феноменом современности. Секты появлялись с древнейших времен. Однако, масштабы воздействия на

личность человека стало волновать ученых не так давно. Изучением воздействия на личность занимается не так много ученых в мире и, в частности, России. Более всего в этом продвинулись такие ученые, как Р. Дж. Лифтон, М. Сингер, К. Джамбалво, Е.Н. Волков, А.Л. Дворкин.

Актуальность работы обусловлена необходимостью выявления способов и глубины влияния на личность человека в секте, а также возможных последствий данного влияния. Это бы значительно облегчило разработку и применение психокоррекционных программ к людям, вышедшим или стремящимся выйти из секты.

Целью данной работы является выявление основных направлений и механизмов глубинного влияния на личность человека в рамках секты.

Для исследования было отобрано три самые распространенные секты с наиболее различными направлениями для развернутого обзора. Такими сектами стали: Международное общество сознания Кришны, Международная Церковь Саентологии, Церковь Объединения (секта Муна).

В современный век появляются самые различные секты, со своей философией и своим направлением, которое противопоставляется официальным конфессиям. Однако всем сектам характерно применение различных техник для привлечения и удержания своих адептов. Среди таких техник обнаруживаются манипулятивные техники, техники внушения (гипноз, суггестия, НЛП) и контроля сознания, которые выражаются в контроле питания, половой жизни и т.д. (Волков Е.Н., 1996).

Мы выдвинули предположение о том, что электронные ресурсы вышеуказанных организаций могут содержать в себе признаки воздействия на личность человека. Таким образом, наше исследование строится на изучении статей, представленных на ресурсах каждой организации. Для исследования было взято от 5 до 10 статей с каждого ресурса, объемом от 1 до 10 страниц каждая.

Стоит заметить, что склонны к попаданию в секту не все люди, а определенная группа риска, которая характеризуется снижением

эмоционального фона, критики, повышением внушаемости, нестабильностью психологического и психического состояния. В связи с этим, эту группу нельзя считать однозначно психологически и психически здоровыми (Дворкин А.Л., 2002).

Таким образом, в нашем исследовании критериями анализа статей послужили критерии психологического здоровья по ВОЗ:

- 1 осознание и чувство непрерывности своего физического и психологического Я (постоянство и идентичность);
- 2 чувство постоянства и идентичности переживаний в однотипных ситуациях;
- 3 критичность к себе и своей собственной психической продукции (деятельности) и ее результатам;
- 4 соответствие психологических реакций (адекватность) силе и частоте средовых воздействий, социальным обстоятельствам и ситуации;
- 5 способность самоуправления поведением в соответствии с социальными нормами, правилами, законами;
- 6 способность планировать собственную жизнедеятельность и реализовывать эти планы;
- 7 способность изменить способ поведения в зависимости от смены жизненных ситуаций и обстоятельств.

При помощи контент-анализа были выявлены самые распространенные мишени для каждой секты. Для более точных результатов был вычислен удельной вес каждого критерия.

В ходе выполнения работы было выявлено, что секты оказывают влияние на сферы жизни человека, также оказывая влияние на психологическое и психическое равновесие. Происходит подмена установок, искажение смыслов и т.д.

Исходя из результатов исследования, можно сделать вывод, что наибольшее воздействие в сектах оказывается на осознание и чувство непрерывности своего физического и психологического Я (0,6% от общего

объема исследованных статей), которое выражается в осознании человеком представлений о себе, мире и окружающих людях. Благодаря изменению данных представлений, облегчается изменение личности человека: усиление дезориентации, повышение внушаемости, развитие необходимых для руководителей секты качеств личности, а также последующее выполнение адептом необходимых для руководителей секты действий.

Также в сектах происходит значительное влияние на такой критерий психологического здоровья, как критичность к себе и своей собственной психической продукции (деятельности) и ее результатам (0,12% от общего объема исследованных статей), что выражается в осознании индивидом своих психических и психологических особенностей. В этом случае, те особенности, которые индивид может считать вполне приемлемыми для себя, либо которые приемлемы в обществе, в секте могут подвергаться критике, в связи с чем у такого адепта может остро развиваться чувство собственной неполноценности или некоторой «ущербности», что также может способствовать развитию нарушений личности и психологического здоровья человека.

Подводя итоги проделанной работы, мы пришли к выводам:

1. В сектах оказывается сильное влияние на психологическое и психическое здоровье адептов;
2. В сектах используются все возможные психотехники, которые внутри секты видоизменены в соответствии с направленностью секты, для наилучшего воздействия на адептов;
3. Все секты, в основном, воздействуют на образ Я и картину мира, но пути этого воздействия разнятся в зависимости от философии секты;
4. Как уже указывалось в предыдущем пункте, воздействие на образ Я, картину мира и т.д. является центральным, т.к. изменение этих представлений значительно облегчает и упрощает воздействие на остальные части личности человека, поэтому в сектах уделяют этим представлениям наибольшее внимание.

Таким образом, можно сделать вывод, что проблема влияния в рамках

секты требует более тщательного изучения, чтобы повысить уровень специфических познаний в области применения психотехник внутри секты, а также последствий данного применения для того, чтобы появилась возможность составления специализированных реабилитационных и профилактических программ. А также для того, чтобы реабилитацией и профилактикой могли заниматься подготовленные специалисты.

Литература

1. Волков Е.Н. Методы вербовки и контроля сознания в деструктивных культах // Журнал практического психолога. – 1996. – № 3. – С. 76-82.
2. Волков Е. Н. Преступный вызов практической психологии: феномен деструктивных культов и контроля сознания (введение в проблему) // Журнал практического психолога. – 1996. – № 2. – С. 87–93.
3. Дворкин А.Л. Сектоведение. Тоталитарные секты. Опыт систематического исследования – Издание 3-е, переработанное и дополненное. – Нижний Новгород: Издательство братства во имя св. князя Александра Невского, 2002. – 702 с.

Особенности гендерной идентичности у лиц с транссексуализмом женского пола

Тарасова К.И.

Московский государственный психолого-педагогический университет
(г. Москва)

Научный руководитель – Дворянчиков Н.В.

В современных реалиях, где человек все чаще задает себе вопрос «Кто я?», можно встретить людей, у которых наблюдается рассогласование между

биологическим полом и гендерной идентичностью. Речь идет о лицах с транссексуализмом. Согласно МКБ-10 под транссексуализмом понимается «Желание жить и восприниматься окружающими как лицо противоположного пола, обычно сопровождаемое ощущением дискомфорта от своего анатомического пола или чувством неуместности своей половой принадлежности. Желание подвергнуться хирургическому вмешательству или получить гормональное лечение с тем, чтобы достичь, насколько это возможно, соответствия предпочитаемому полу» (F64.0).

Следует отметить важность дифференциальной диагностики транссексуальности, поскольку установление такого диагноза влечет за собой хирургическое вмешательство. Однако в связи с тем, что диагностика транссексуализма является междисциплинарной, а также, отсутствуют единые стандарты оказания организационно-правовой помощи больным, возникают сложности объективного исследования (Новикова З.Д., Дворянчиков Н.В., 2012).

Мы предприняли исследование психологических особенностей гендерной идентичности у лиц с транссексуализмом женского пола.

В исследовании участвовали 117 обследуемых из архива данных Дворянчикова Н.В. и Новиковой З.Д., проходивших сексолого-психолого-психиатрическую экспертизу для решения вопроса о коррекции пола. По результатам обследования, были выделены следующие группы:

- Лица с транссексуализмом, биологический пол – женский (57 человек);
- Лица без транссексуализма, биологический пол – женский (60 человек).

Для исследования особенностей гендерной идентичности у лиц с транссексуализмом женского пола (Ftm), были проанализированы результаты по следующим 2 методикам (Дворянчиков Н.В., 2011):

- «Миф» - модифицированная методика исследования степени выраженности маскулинности-феминности (Ткаченко А.А., Введенский Г.Е., Дворянчиков Н.В.);

- «ЦТО» - цветовой тест отношений. Невербальный диагностический метод, отражающий сознательный и неосознаваемый уровни отношений (Эткинд А.М., Столин В.В.), в случае нашего исследования отображающий эмоциональное отношение и интериоризацию половой роли.

Анализ данных показал, что для лиц женского пола без транссексуализма характерно воспринимать свой реальный пол (показатели «женщина должна быть») более андрогинным с уклоном в маскулинные черты.

Также, наблюдается более сильный разрыв между представлением себя идеального («Я-Идеальное») и желаемым полом («Мужчина должен быть»), что может говорить о том, что в отличие от женщин с транссексуализмом, у женщин, которым не поставили транссексуализм, не сформировалась связь между представлением себя идеального и желаемым полом, а значит, есть вероятность, что после хирургического вмешательства им будет тяжелее проходить адаптационный период, так как будет наблюдаться внутриличностный конфликт.

Данное предположение также доказывает тот факт, что у женщин-транссексуалов показатели «Я-Идеальное» ниже показателей «Мужчина должен быть», в свою очередь, у женщин без транссексуализма все с точностью наоборот, что свидетельствует о том, что женщины с транссексуализмом имеют более адекватное представление о своем идеальном Я и желаемом поле, в свою очередь у женщин без транссексуализма требования к «Я-идеальное» чрезмерно завышены (хотят быть более маскулиными, чем мужчины), что будет способствовать усилению внутриличностного конфликта в случае хирургического вмешательства.

Также сравнение показало, что у женщин-транссексуалов, в отличие от женщин без транссексуализма, в предпочтении сексуального партнера преобладают гомосексуальные отношения.

Таким образом, были выявлены следующие особенности:

1. Для лиц женского пола с транссексуализмом характерны более высокие показатели андрогинности лишь в представлении себя в глазах желаемого пола («Мужчины считают, что Я»), и наблюдаются более низкие показатели по андрогинности в представлении своего реального пола («Женщина должна быть»).

2. Лица женского пола без транссексуализма представляют свое «Я – идеальное» более маскулинным, чем то, каким должен быть мужчина.

3. У женщин-транссексуалов, в отличие от женщин без транссексуализма в предпочтении сексуального партнера преобладают гомосексуальные отношения.

Литература

1. Дворянчиков Н.В., Носов С.С., Саламова Д.К. Половое самосознание и методы его диагностики – М.: Флинта, Наука, 2011. – 216 с.

2. МКБ 10 – Международная классификация болезней 10-го пересмотра. [Электронный ресурс] – URL: <http://mkb-10.com/> (дата обращения: 05.05.2020).

3. Новикова З.Д., Дворянчиков Н.В. Проблема диагностики расстройств половой идентичности у лиц с транссексуализмом [Электронный ресурс] // Психолого-педагогические исследования. – 2012. №2. – URL: <http://psyedu.ru/journal/2012/2/2902.phtml> (дата обращения: 30.04.2020).

Психологические методы сексуального просвещения в подростковом и юношеском возрасте

Тупицына Д. В.

Московский государственный психолого-педагогический университет
(г. Москва)

Научный руководитель – Лаврешкин Н.В.

Представленные тезисы направлены на актуализацию изучения проблемы сексуального просвещения и его связи с отклоняющимся поведением. Девиации в сексуальном поведении на сегодняшний день нередко становятся предметом бытового и спекулятивно–публицистического обсуждения или подвергаются криминологическому анализу. В связи с этими фактами существует потребность в подробном рассмотрении, подборе и активном внедрении в психолого-педагогическую работу методов сексуального просвещения в подростковом и юношеском возрасте.

Сексуальное поведение индивида — набор психических реакций, установок и поведенческих паттернов, относящихся к выражению сексуального влечения. Для внедрения и усвоения норм взаимодействия между индивидами в сфере сексуального поведения существует комплекс мер по внедрению правильного отношения к гендерным вопросам – половое воспитание (Головин С.Ю., 1998). Содержанием полового воспитания является жизнь, окружающая ребенка, межличностная коммуникация с людьми разного пола, общепринятые правила и границы этих взаимоотношений, личная жизнь людей в семье, сферы их занятости. А. С. Макаренко считал половое воспитание основой становления мужчин и женщин, необходимой составляющей для образования у детей гражданского ядра личности определенного пола и считал обязательным его введение с дошкольного возраста (Макаренко А.С., 1981).

В настоящее время в большинстве случаев сексуальное воспитание отсутствует в большинстве государственных учреждений, деятельностью которых является воспитание и обучение детей (школы, детские дома и т.д.). И хотя родители детей берут на себя главенствующую роль в нравственном и эмоциональном воспитании, все, что касается сексуального просвещения, проходит зачастую скомкано и неинформативно, или же вовсе замалчивается. Это происходит в силу различных обстоятельств: взрослый не знает, как и о чем начать разговор, не знает, что будет полезно знать ребенку или попросту стесняется этой темы. В 2016 году член экспертного совета по сексуальному образованию Европейского бюро ВОЗ Борис Шапиро в интервью с журналистами «Эха Москвы» приводил данные, по которым более 60% родителей не могут говорить с детьми о сексе, хотя 80% учителей уверены, что половым воспитанием должны заниматься в семье (Шапиро Б., 2013). На сегодняшний день этим занимаются в большинстве своем другие социальные институты – компании сверстников, средства массовой информации (Геодакян В.А., 2001). При такой явной неготовности взрослых говорить с подростками на тему секса и вместе с тем доступности информации из менее надежных источников неудивительно, что современное общество сталкивается с девиациями в вопросах сексуального поведения среди подростков.

При повсеместной трансляции сексуализированных образов, тема секса как такового, в особенности при приобретении негативной окраски, табуируется. Когда дело доходит, например, до разбирательств в случаях сексуального насилия – данная тема, как правило, считается грязной и непристойной, а жертва может подвергнуться осуждению. Когда ребенок проявляет интерес к сексуальной жизни и собственному телу, родители оказываются зачастую не готовы начинать этот разговор. Если же у человека возникает влечение к лицам своего пола, то это также способно вызвать смятение, т. к. тема однополых отношений на постсоветском пространстве остается малоразвитой и, в большинстве своем, замалчивается. В наше время,

несомненно, осведомленность людей существенно вырастает за счет множества источников информации, в особенности, за счет интернета. Однако, наилучшего результата можно достигнуть при профессиональном освещении столь существенных и деликатных вопросов. В связи с этим очевидна роль сексуального просвещения в общей системе воспитания подрастающего поколения в контексте психолого-педагогической работы. Профилактика всегда более эффективна, нежели исправительные меры. И воспитывая новое поколение, основываясь на современных профессиональных психолого-педагогических методах и подходах, мы сможем добиться улучшения качества жизни и повышения осознанности в будущем.

По итогам нашего исследования, мы бы порекомендовали психологам в вопросе сексуального просвещения обратить внимание на опыт западных коллег, руководствоваться возрастными и личностными особенностями детей при подготовке и проведении программ, а также уделять внимание работе с родителями и расширять границы исследования полового воспитания в России.

Наши дальнейшие научные интересы лежат в области изучения корреляции между знаниями подростков в сфере сексуального просвещения и склонностью к девиантному поведению, а также разработки методов помощи и получения достоверной информации по данному вопросу юношами и подростками.

Литература

1. Геодакян В.А. Эволюционная теория пола // Природа. – 2001. – С. 60 - 69.
2. Головин С.Ю. Словарь практического психолога. Минск: Харвест. – 1998. – 78 с.
3. Макаренко А. С. Книга для родителей. Л.: Лениздат. – 1981. – 102 с.

4. Шапиро Б. Уроки полового воспитания в школе: за и против / Родительское собрание // Эхо Москвы – 14 июля 2013. [Электронный ресурс]. – URL: <https://echo.msk.ru/programs/assembly/1113220-echo/#element-text> (дата обращения: 02.03.2020).

Мониторинг социальных сетей как способ противодействия вовлечению несовершеннолетних в экстремистскую деятельность и профилактика делинквентного поведения с их стороны

Харламова Д.А.

Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя

(г. Москва)

Научный руководитель – Вихляев А.А.

Актуальность и необходимость данного исследования определяется тем, что на сегодняшний день, наравне с позитивными изменениями, в обществе протекают и процессы с негативными тенденциями – изменение уклада и образа жизни людей, усиление конфликтности, безнравственности, жестокости.

Несовершеннолетние, ощущая на себе воздействие происходящих в государстве и обществе процессов, а также давление со стороны взрослых, проявляемое в навязывании поведенческих постулатов, стратегических жизненных целей и общих мировоззренческих ориентиров, и обладая повышенной восприимчивостью к деструктивным, гнетущим внешним воздействиям, нередко становятся асоциальными личностями и встают на преступный путь (Живова А.В., 2013). Делинквентное поведение подростков все больше обретает агрессивный и жестокий характер и, в конечном счёте, наносит вред как отдельным гражданам, так и обществу в целом.

Говоря об экстремистской деятельности, которой подвергаются несовершеннолетние в сети Интернет, необходимо отметить, что признаки

экстремизма содержат такие идеологии, которые основаны на превосходстве одного человека над другим на почве социальной, расовой, национальной, религиозной и языковой принадлежности, а также проявлении расовой, национальной или религиозной ненависти в отношении какой-либо социальной группы. С этой позиции интернет-ресурсы можно интерпретировать как «публичную арену» пропаганды экстремизма. Примером того служит наличие сайтов, содержащих идеологию экстремистского толка, последователи которой могут координировать свою деятельность с помощью электронного взаимодействия, выражать свою точку зрения на общедоступных форумах, призывать к радикальным действиям.

При этом абсолютно очевидно, что подростковая среда – это наиболее динамично развивающаяся общественная группа, которой свойственны резкие изменения трендов в поведении, смена точек зрения, трансформация мировоззрения, и поэтому данная категория чаще всего подвергается данным деструктивным установкам.

Исходя из вышесказанного, мы видим, что многие социальные сети могут нести угрозу для подрастающего поколения. В этой связи возникает вопрос, какие направления профилактической работы актуальны в современных условиях жизнедеятельности?

Действительно, на сегодняшний день Интернет практически полностью вовлек несовершеннолетних в свое виртуальное пространство. Многие из подростков просто не видят своей повседневной жизни без использования мобильных приложений, социальных сетей, мессенджеров. При этом, положительный аспект от использования указанных средств связи и времяпрепровождения нами не оспаривается.

Однако, к сожалению, именно в Интернете находится наибольшее количество различных потенциальных и реальных угроз, которые, без должного контроля, могут существенно детерминировать деградацию личности несовершеннолетнего, настроить его, что называется, на противоправный лад.

Помимо экстремистского контента, в сети Интернет имеется значительное количество других угроз для несовершеннолетних: веб-сайты порнографической направленности; сайты, содержащие сведения о продаже и потреблении наркотических средств и психотропных препаратов; страницы ресурсов, пропагандирующих насилие, жестокость и девиантное поведение.

В качестве выхода, на наш взгляд, видится необходимость использования сети Интернет в целях оказания положительного влияния на несовершеннолетних. Задача в данном случае состоит в том, чтобы, если не создать тот самый «положительный контент», то, хотя бы, использовать так называемых лидеров мнений, которым интернет-аудитория, преимущественно подростковая, доверяет, нередко даже больше, чем своим родным и близким. Речь, прежде всего, идет о блогерах, создающих различный контент, как на видеохостингах (например, YouTube), так и в иных источниках (социальные сети, мобильные приложения).

Как мы уже отметили, данные лица являются лидерами мнений современной молодежи, во многом формируют мировоззрение несовершеннолетних. В данном случае необходимо произвести выборку наиболее популярных и влиятельных блогеров, выйти с ними на связь и предложить сотрудничество, которое, на наш взгляд, может иметь несколько форм выражения (производство тематических роликов, доведение информации, оказывающей положительное психологическое воздействие и пр.). Главная цель подобных мероприятий – довести в информативной форме до подростков фактическую невыгодность проявлять себя с противоправной стороны.

Кроме того, немаловажно помнить и то, что несовершеннолетние в сети Интернет могут быть подвергнуты «травле». Данное явление в сети не только является агрессивным воздействием на несовершеннолетних, но также и склонение их делать такое же с другими – «кибербуллинг». В психологии данное понятие трактуется как преднамеренное агрессивное действие, систематически на протяжении определенного времени осуществляемое

группой или личностью с использованием электронных форм воздействия и направленное против жертвы, которая не может себя защитить. В настоящее время много случаев, когда «травля» в социальных сетях приводит к совершению преступлений, уже непосредственно в реальном мире: убийство, доведение до самоубийства и т.д.

Примеров распространения отклоняющегося поведения в Интернет-сети множество. Приведем некоторые из них:

1) в г. Симферополь высмеивание внешнего вида 14-летнего И. в социальной сети «Стиляги» довело несовершеннолетнего до суицидального поведения;

2) в г. Санкт-Петербург группа несовершеннолетних избивала пожилых людей, снимая каждое избиение на камеру и выкладывая свои «подвиги» в Интернет.

Существуют и многие другие факты, которые находят свое отражение в медиасфере. Однако, стоит задуматься и над тем, сколько случаев кибербуллинга продолжает оставаться латентным.

В связи с этим мониторинг социальных сетей является одним из оптимальных способов, позволяющих уберечь несовершеннолетних от делинквентного поведения или вовлечения их в экстремистскую деятельность.

Методика использования контент-анализа и данных информационных ресурсов сети Интернет (по типу «Медиалогии») поможет осуществлять мониторинг наиболее часто посещаемых молодежью интернет-ресурсов, выявлять на них запрещенный контент и своевременно блокировать его. Немаловажным направлением превентивного воздействия на подростков также является и взаимодействие с активными представителями блогосферы, положительно влияющими на поведение пользователей своих медиаресурсов. Другим заслуживающим внимание методом борьбы является применение современного программного обеспечения (по типу RusPersonality), позволяющего на базе определенной разметки или используемых текстовых

триграмм выявлять в сети сайты или ресурсы, содержащие контент негативного для несовершеннолетнего содержания.

В заключение, хотелось бы отметить, что мониторинг интернет-среды является сложным конструктивным процессом, реализующим потенциал специалистов в различных отраслях знания, в том числе и психологов, понимающих конъюнктуру виртуальной зависимости и особенности подростковой и молодежной интернет-активности. Комплексный подход к описываемому методу превентивной деятельности противоправного поведения несовершеннолетних поможет оградить подрастающее поколение россиян от осуществления противоправных действий и защитить будущее России от негативного влияния в сети Интернет.

Литература

1. Живова А.В. Организация внеклассной работы как средство профилактики правонарушений несовершеннолетних // Журнал «Обучение и воспитание: методика и практика». Волгоград, 2013. – С. 128-132.

Гендерная идентичность как фактор социально-психологической адаптации в юношеском возрасте

Черкащенко М.М.

Московский государственный психолого-педагогический университет
(г. Москва)

Научный руководитель – Дворянчиков Н.В.

Мы живём во время третьей волны феминизма, которая включает в себя как изучение и просвещение в вопросах квир-теории и трансгендерности, так и разбор и переосмысление гендерных ролей и гендерной идентичности в целом. В связи с этим тема гендерной идентичности становится всё менее табуированной, повышается общая осведомлённость социума о таких

понятиях как гендер, гендерная идентичность, происходит переосмысление гендерных ролей. Таким образом, вопрос о связи гендерной идентичности с социальной адаптацией в настоящее время является актуальным.

Некоторые исследователи приходят к выводам, что у людей с ярко выраженным типом гендерной идентичности возникают проблемы с установкой и поддержанием продуктивного контакта в межличностных отношениях и интимно-личностной сфере, личностные проблемы, нарушения работы психологических механизмов (Дворянчиков Н. В., Носов С.С., 2004; Heibrun A. V., 1976).

Кроме того, гендерная идентичность оказывает большое влияние на регуляцию поведения, самоконтроль и процессы адаптации. В связи с этим некоторые исследователи считают, что гендерные свойства могут влиять на девиантное поведение, являясь его предиктором (Ениколопов С.Н., Дворянчиков Н.В., 2001; Kilianski, S. E., 2003).

В связи с этим, актуальность работы обусловлена тем, что выявление статистически значимой корреляции между типом гендерной идентичности и уровнем социально-психологической адаптации может помочь в выявлении предикторов делинквентного поведения и его предупреждении.

Целью работы было выявление связи между гендерной идентичностью и уровнем социально-психологической адаптации в юношеском возрасте.

Была выдвинута гипотеза о том, что существует связь между гендерной идентичностью и уровнем социально-психологической адаптации в юношеском возрасте.

В исследовании приняли участие 37 юношей и девушек в возрасте от 18 до 21 года. Все респонденты обучаются в высших и средних учебных заведениях города Москвы.

Для проведения исследования использовались методика «Маскулинность и фемининность» С. Бем (Ильин, Е. П., 2003), методика диагностики социально-психологической адаптации Роджерса-Даймонд (Осницкий, 2004).

Среди испытуемых наиболее часто встречались люди с высокофемининной гендерной идентичностью, чуть реже – с высокомаскулинной. Также встречались испытуемые с маскулинным, фемининным и андрогинным типом гендерной идентичности.

При подведении итогов исследования были сделаны следующие выводы:

1. У всех юношей и девушек, участвовавших в исследовании, средний уровень развития социально-психологической адаптации.
2. Гипотеза о существовании связи между гендерной идентичностью и социально-психологической адаптацией не подтвердилась.
3. Были выявлены статистически значимые корреляции между некоторыми личностными чертами и типом гендерной идентичности:
 - Обратная двусторонняя связь, значимая на уровне 0,05, между уровнем самопрятия и типом гендерной идентичности;
 - Обратная двусторонняя связь, значимая на уровне 0,05, между уровнем эмоционального комфорта и типом гендерной идентичности (у девушек и юношей с ярко выраженной фемининностью уровень эмоционального комфорта ниже, чем у девушек и юношей с ярко выраженной маскулинностью);
 - Обратная двусторонняя связь, значимая на уровне 0,01, между интернальностью и типом гендерной идентичности (у девушек и юношей с ярко выраженной фемининностью уровень интернальности ниже, чем у девушек и юношей с ярко выраженной маскулинностью);
 - Обратная двусторонняя связь, значимая на уровне 0,01, между стремлением к доминированию и типом гендерной идентичности (у девушек и юношей с ярко выраженной фемининностью уровень стремления к доминированию ниже, чем у девушек и юношей с ярко выраженной маскулинностью);
 - Прямая двусторонняя связь, значимая на уровне 0,01, между уровнем эскапизма и типом гендерной идентичности (у девушек и юношей с ярко

выраженной фемининностью уровень эскапизма выше, чем у девушек и юношей с ярко выраженной маскулинностью).

Литература

1. Ениколопов С.Н., Дворянчиков Н. В. Концепции и перспективы исследования пола в клинической психологии. – Психологический журнал. – 2001. – №3. Т. 22. – С. 100-115.
2. Ильин Е. П. Дифференциальная психофизиология мужчины и женщины. – СПб.: Питер, 2003 – 544 с.
3. Носов С. С., Дворянчиков Н. В. Психологический пол в динамической системе психической адаптации // Сексология и сексопатология. – 2004. – № 1. – С. 19-24.
4. Осницкий А. К. Определение характеристик социальной адаптации // Психология и школа. – 2004. – №1. – С. 43-56.
5. Heibrun A. B. Measurement of masculine and feminine sex-role identities as independent dimensions // J. of Consulting and Clin. Psychol. – 1976. – V. 44. – P. 183—190.
6. Kilianski, S. E. Explaining heterosexual men's attitudes toward women and gay men: The theory of exclusively masculine identity // Psychology of Men & Masculinity. – 2003. – Vol. 4 (1). – P. 37—56.

Психологические аспекты сексуальной сферы и межличностного восприятия у лиц, осужденных к отбыванию наказания условно за преступления против половой неприкосновенности

Шипицын Д.Ю.

Московский государственный психолого-педагогический университет

(г. Москва)

Научный руководитель – Дворянчиков Н.В.

Согласно данным, опубликованным Судебным департаментом при Верховном Суде Российской Федерации, статистика половых преступлений имеет тенденцию к волнообразному росту за последние 10 лет. Реальное число подобных правонарушений превосходит официально зарегистрированные случаи. При этом не все лица, осужденные по статьям против половой неприкосновенности, попадают в колонии, либо подвергаются экскульпации в силу признания их невменяемыми. Часть осужденных подвергаются наказанию по статьям, предусматривающим отсутствие реального лишения свободы за половые преступления. Такое наказание возможно, если жертва не была младше 14 лет. Для них принимаются ограничительные меры, например, запрет выезда из города, принудительные работы. Однако основное время они проводят на свободе, вне контроля Уголовно-исполнительных инспекций, представляя потенциальную опасность.

Вместе с тем, данный контингент осужденных практически не направляется судами на экспертизу, так как она обязательна лишь для тех, кто совершил половые преступления с лицами более младшими. В итоге не ясно, является ли сексуальный деликт проявлением аномальной сексуальной потребности (Ткаченко А. А., Введенский Г. Е., 1997), либо чем-то иным. Если психосексуальная сфера данных лиц имеет структуру, характерную для парафильности, то это означает серьезный риск рецидива (Дворянчиков Н.В., 1998). За противоправным сексуальным опытом с подростком может стоять фиксация данных преступников на лицах недостаточно зрелых, либо носить характер «первой пробы» на пути к объекту еще более незрелому. Методики же на прицельную диагностику полового самосознания (Дворянчиков Н.В., Носов С.С., Саламова Д.К., 2011) для возможного внесения в группу риска, до сих пор не внедрены в повседневную работу психологов Уголовно-исполнительных инспекций.

Объектом исследования явилось половое самосознание при девиантном сексуальном поведении. Предметом исследования - специфика полового самосознания у лиц, осужденных по половым преступлениям без

лишения свободы. Исследование проведено с целью выявить специфику полового самосознания у лиц, осужденных за половые преступления без реального отбывания наказания.

Были выдвинуты две гипотезы исследования: 1) у группы, совершивших половые преступления без лишения свободы, половое самосознание характеризуется дисгармонично сформированными компонентами половой идентичности, полоролевого поведения, сексуальных предпочтений, с преобладанием нарушений на когнитивном уровне, что обуславливает характерный образы восприятия себя и объекта; 2) у группы, совершивших половые преступления без лишения свободы, половое самосознание характеризуется искажением полоролевых и половозрастных свойств на эмоциональном уровне, полоролевой конфликт разрешается путем доминирования в отношениях с недостаточно зрелым партнером, что обуславливает соответствующие образы восприятия себя и объекта.

Материал исследования составили основная и контрольная группа по 30 человек в каждой. В основную группу вошли мужчины от 19 до 45 лет, осужденные за половые преступления, отбывающие наказание без лишения свободы. Данные лица стоят на контроле Уголовно-исполнительных инспекций, не имеют опыта отбывания реального срока. Их жертвами являлись подростки 14-15 лет. Контрольную группу составили мужчины 18-43 лет, отнесенные к условной норме, не имеющие судимости, без зафиксированных психических расстройств, не стоящих на учете у психиатра.

Методами исследования выступили: теоретический анализ, психодиагностические методы (беседа, тестирование), методы описательной статистики эмпирических данных. Используются следующие методики: «МиФ» (маскулинность и фемининность), «ВиД» (возрастная идентичность), «ЦТО» (цветовой тест отношений), «Кодирование» (модифицированный вариант перечня З.Старовича). Для первых двух методик статистический расчет производился по U-критерию Манна-Уитни, для последних двух по критерию Хи-квадрат Пирсона.

Выводы, к которым мы пришли в результате исследования:

1. Структура психосексуальной сферы лиц, осужденных за половые преступления без лишения свободы, характеризуется дисгармонично сформированными звеньями половой «Я-концепции». Половая идентичность данных лиц наделена высокой фемининностью, недостаточной маскулинностью. Нарушена интериоризация мужской половой роли. Аномальное сексуальное поведение носит потребностный характер.
2. Возрастные характеристики собственной идентичности и идентичности ребенка приближены друг к другу. На эмоционально-смысловом уровне данные осужденные отождествляют себя с ребенком и не связывают представления о себе с образом мужчины или отца. Сексуально предпочтительным при этом является низкомаскулинный и инфантильный партнер.
3. Половая «Я-концепция» определяет межличностное восприятие данных лиц. Образ ребенка наделен в их восприятии зрелой сексуальностью, при этом прослеживается деперсонифицированное отношение к нему. Представления о желаемом сексуальном объекте сопряжены с переживанием тревоги, опасности, риска. Образ женщины описывается амбивалентными характеристиками. Сексуальная сфера фрустрирована, сопряжена с ощущением одиночества.
4. Необходимо выработать рекомендации юридическим инстанциям в связи с потребностью диагностики данных лиц в рамках судебной экспертизы психосексуальной сферы, внедрить методики на диагностику полового самосознания в деятельность психологов Уголовно-исполнительных инспекций, научить их применению.

Таким образом, значительная часть лиц, находящихся на учете в Уголовно-исполнительных инспекциях за половые преступления, которым выбрана мера пресечения без реального отбывания наказания, обнаруживает

психологическую структуру, характерную для лиц с аномальным сексуальным влечением, что формирует криминогенные риски и требует назначения экспертиз данной категории лиц для индивидуализации применяемых к ним судебных мер.

Литература

4. Дворянчиков Н.В., Носов С.С., Саламова Д.К. Половое самосознание и методы его диагностики: учеб. пособие. – М.: Флинта: Наука, 2011. – 216 с.

5. Дворянчиков Н.В. Полоролевая идентичность у лиц с девиантным сексуальным поведением: автореф. дис. ... канд. психол. наук. – М., 1998. – 20 с.

6. Ткаченко А. А., Введенский Г. Е. Аномальное сексуальное поведение. — М.: ГНЦССП им. В. П. Сербского, 1997. – 426 с.

Отдаленные последствия действий сексуального характера в отношении детей

Штуркина А.С.

Московский государственный психолого-педагогический университет
(г. Москва)

Научный руководитель – Дворянчиков Н.В.

Нередко специалисты сталкиваются с вопросом относительно того, как нужно разговаривать с ребенком, чтобы не нанести ему очередную травму. Близкие взрослые, так же, боясь навредить, нередко избегают разговоров о насилии. Ввиду этого ребенок остается наедине со своей травмой, с противоречивыми чувствами и страхом, нуждаясь в медицинской и психологической помощи. Сексуальное насилие может оказывать

значительное травмирующее воздействие на физическое и психическое здоровье индивида.

Реакции на сексуальное насилие, в особенности со стороны подростков, предсказать трудно. Психологические последствия могут переноситься в течение долгих лет в отличие от соматических последствий, являющихся в большей степени непосредственными реакциями.

По данным ВОЗ за 2016 год каждый пятый ребенок является жертвой сексуального насилия. Каждая пятая женщина и каждый тринадцатый мужчина по этим данным подвергаются сексуальному насилию в детстве. Притом стоит отметить, что в отношении мужчин приведенные выше данные могут быть неточными, потому как получить их очень сложно по следующей причине. Подростки мужского пола, мужчины и родители мальчиков, ввиду наличия в обществе множества стереотипов по поводу маскулинности и мужской сексуальности, редко обращаются в центры поддержки.

Актуальность данного исследования заключается в том, что, согласно статистике, людей, которые подвергаются насилию, становится все больше. Вероятно, это связано и с тем, что все большее количество людей информируется о том, что такие случаи нуждаются в помощи. Однако же неоспорим тот факт, что данное явление связано и с ростом количества случаев насилия. Именно поэтому тему сексуального насилия в отношении детей необходимо изучать.

Целью данного исследования является изучение феномена сексуального насилия.

Задачи:

1. Изучить феноменологию сексуального насилия и его статистику в отношении взрослых и детей.
2. Изучить последствия действий сексуального характера в отношении детей.
3. Проанализировать разницу последствий сексуального насилия в отношении детей и подростков.

Гипотезы:

1. Одним из возможных последствий действий сексуального характера в отношении детей могут выступать проблемы в полоролевой идентификации.
2. Последствия действий сексуального характера в отношении мальчиков переживаются более остро и болезненно, чем последствия насилия у девочек.

И.С. Кон говорит о том, что, невзирая на то, что СССР в 20-х годах занимал одно из ведущих мест в мире по массовым социологическим опросам о сексуальном поведении, в наше время подобные исследования отсутствуют. В отечественной психологии, как отмечает Кон, очень мало работ, касающихся темы сексуальности, а также гендерных различий.

А.А. Ткаченко и Ю.М. Антонян считают, что сексуальные отношения и сексуальная жизнь человека являются собой ту сферу жизни индивида, которая оказывает огромное влияние на все остальные сферы.

Жертв сексуального насилия изучает такое комплексное учение, как **виктимология**. В виктимологии есть два основных понятия: виктимность и виктимизация. Виктимология также изучает вопрос о том, насколько корректно переносить ответственность за насилие с преступника на жертву по причине того, что поведение жертвы может быть «провоцирующим». Исследования показывают, что только в 13% случаев насилия поведение потерпевшего является провоцирующим, когда как нейтральным и положительным поведение жертвы оценивается в 47% случаев, однако же в последнюю категорию лиц попадают дети и пожилые женщины.

Создание такого учения, как виктимология, связывается с именами **Гентига** (1888-1974), рассуждающего о виктимологии *в контексте криминологии*, и **Мендельсона** (1900-1998), выделяющего *виктимологию как отдельную дисциплину*.

В отечественной психологии вопросами виктимологии начали заниматься лишь в 80-х годах. Виктимологические исследования в

отечественной науке находят главную проблему зависимости развития и исхода криминальной ситуации от поведения потерпевших или от каких-либо ее характеристик. Виктимология – это самостоятельная комплексная научная дисциплина, изучающая жертв (Антонян Ю.М., 2017).

Малкина-Пых в своей книге «Виктимология: психология поведения жертвы» в одной из глав описывает **классификацию насилия Асановой (1997)**, получившую наибольшее распространение. В эту классификацию входят следующие виды насилия: физическое насилие, сексуальное насилие; пренебрежение интересами и нуждами ребенка; психологическое насилие, эмоциональное насилие.

Ребенок, который страдает от сексуального насилия, нередко страдает также и от психологического и эмоционального насилия.

Высокий риск стать жертвой насилия имеют дети с особенностями:

- Нежеланные дети или дети, рожденные после потери предыдущего ребенка;
- Недоношенные дети, а также те, вынашивание и рождение которых было тяжелым испытанием для матери. Сюда также относятся дети, которые часто болеют.
- Дети, которые были при рождении разлучены с матерями;
- Дети с неприемлемыми для родителей особенностями (пол, приобретенные или врожденные увечья, нарушения физического и психического здоровья);
- Дети с низкими социальными навыками

Последствия действий сексуального характера в отношении детей сложно предугадать в виду того, что они зависят от нескольких факторов. Последствия по тому, в какой момент времени они наступают, делятся на непосредственные, отсроченные и отдаленные. Как было выяснено, человек, который пережил насилие в детстве и не получил своевременной

психологической помощи, может перенять агрессивные паттерны поведения своих родителей и начать применять их в отношении собственных детей.

Возникающие после насилия нарушения касаются всех уровней функционирования индивида. Эти нарушения приводят к стойким личностным изменениям, препятствующим реализации личности в будущем (Малкина-Пых И.Г., 2010).

В заключение хочется обозначить следующее.

Первая гипотеза была подтверждена в ходе исследования. Одним из возможных последствий действий сексуального характера в отношении детей могут действительно выступать проблемы в полоролевой идентификации. В особенности это касается мальчиков, которые пострадали от сексуального насилия со стороны мужчины.

Насчет того, насколько тяжелее переживаются последствия насилия у мальчиков, сказать, с одной стороны, сложно по причине того, что обращений, поступающих от лиц мужского пола, намного меньше, чем от женщин, подростков женского пола или родителей девочек. Однако же последствия в отношении мальчиков отягощаются тем, что к их жалобам относятся менее серьезно и сострадательно, чем к заявлениям о насилии со стороны девочек. Последствия действий сексуального характера в отношении мальчиков отягощаются также устоявшимися социальными стереотипами по поводу мужской сексуальности и маскулинности.

Литература

1. Антонян Ю.М. Быть жертвой. Природа сексуального насилия – М.: Алгоритм, 2017. – 368 с.
2. Малкина-Пых И. Г. Психология поведения жертвы. М.: Изд-во Эксмо, 2010. – 864 с.

Ценностные ориентации лиц экстремистской направленности, совершивших преступления ненависти

Щеглова А.А.

Московский государственный психолого-педагогический университет
(г. Москва)

Научный руководитель – Дворянчиков Н.В.

Преступления ненависти все еще вносят существенный вклад в криминальную статистику по всему миру. Их общественная опасность усугубляется тем, что большинство из них связаны с насилием, а также отсутствием у преступника иной мотивации, кроме ненависти к представителям той или иной социальной группы. Также довольно значимым фактором для такого рода преступлений является эффект функциональной автономии мотива. В случаях, когда преступнику удастся долгое время оставаться безнаказанным, основной мотивацией к противоправной деятельности может стать стремление совершить сам по себе акт насилия, а принадлежность жертвы к некоей социальной группе отходит на второй план.

Крайне важным моментом в предупреждении преступлений ненависти являются профилактические мероприятия, для планирования которых необходимо всестороннее изучение как характерологических особенностей лиц, склонных к совершению такого рода деяний, так и сформированные у них ценностные ориентации.

Особенности ценностных ориентаций лиц, совершивших преступления ненависти с научной точки зрения изучены недостаточно. Однако, понимание структуры ценностей такого рода преступников необходимо для организации более качественной работы в сфере профилактики.

Достаточно подробно проблема ценностных ориентаций рассматривалась в научной работе Дворянчикова Н.В. и его соавторов. В исследовании, описанном в данной работе, участвовали лица, которые

являлись членам националистической группы, совершившие насильственные действия по отношению к личности другой национальности и активно участвующие в жизни своей группы. Возраст испытуемых 21-27 лет. По результатам этого исследования можно сделать вывод, что на более высоком уровне у лиц с экстремальной агрессией находятся такие ценности как «власть», то есть для этих людей важно доминировать над людьми, однако как показывает исследование, тип «достижение» находится ниже в иерархии ценностей, чем «безопасность», «традиции» и «конформность» (Дворянчиков Н.В., 2010).

В качестве метода исследования был использован ценностный опросник Ш. Шварца в адаптации В.Н. Карандашева. Данный опросник наилучшим образом подходит для изучения ценностных ориентаций, так как является наиболее современным и усовершенствованным, а также подходит для исследования ценностных ориентаций и различных по количеству групп, и отдельных личностей. Кроме того, методика Шварца получила довольно широкое распространение по всему миру, что в перспективе позволяет сравнить полученные результаты с исследованиями, проводимыми в других странах (Карандашев В.Н., 2004).

В исследовании участвовали 2 группы испытуемых. В первую группу, численностью 16 человек, входили лица, совершившие тяжкие уголовные преступления по мотиву ненависти, которые открыто декларировали националистические взгляды. Возраст испытуемых 18-25 лет, все они совершили преступление насильственного характера в составе групп единомышленников и на момент исследования находились в местах лишения свободы по приговору суда. Испытуемые совершали такие преступления, как нападения на мигрантов с целью убийства, подрыв самодельных взрывных устройств и т.д., вследствие чего были приговорены к длительным срокам заключения. При психолого-психиатрической экспертизе, сделанной в рамках уголовного судопроизводства, у них не было обнаружено никаких психиатрических диагнозов, все испытуемые признаны вменяемыми.

Вторую группу, численностью 16 человек, составляли студенты образовательных учреждений Санкт-Петербурга. Данная группа являлась контрольной. У испытуемых нет никаких признаков экстремистской идеологии. Сбор данных для анализа проводился в 2011 году, ранее представляемый материал нигде не публиковался.

По результатам анализа полученных в ходе исследования данных можно сделать вывод, что статистически значимых отличий при проверке нормативных ценностей у лиц, совершивших преступления ненависти, в сравнении с контрольной группой не выявлено.

Некоторые различия наблюдаются в распределении значимости ценностей внутри групп испытуемых по следующим шкалам: конформизм, традиции и гедонизм. Уровень конформизма более значим лиц экстремистской направленности, это объясняется тем, что испытуемые совершали преступления ненависти, разделяя определенную идеологическую модель, сформировавшуюся в социальной группе «националисты», и должны были полностью соответствовать нормам и правилам, принятым в данной группе. Также для них характерно отсутствие критического восприятия своей деятельности, то есть они демонстрируют нежелание и неспособность к адекватной оценке результатов своей преступной деятельности.

Также было выявлено, что у испытуемых первой группы более высокую степень в иерархии ценностей, нежели в иерархии второй группы, занимает ценность «традиции». Это свидетельствует о том, что лица экстремистской направленности более склонны к объединению в группы с установленными обычаями, символикой и т.д., а также подтверждает склонность соответствовать нормативам и соблюдать правила, принятые в культуре определенной группы. Также можно говорить и о том, что лица экстремистской направленности вынуждены уходить в традиционализм (фундаментализм), так как не могут позволить себе другие атрибуты социального успеха. Об этом говорит и зафиксированный у них низкий уровень ценности «гедонизм», то есть отсутствие необходимости в бытовом

комфорте. Отмечается, что они действительно довольно быстро адаптируются к неблагоприятной среде, в том числе к тюремному заключению. Комфорт становится для них второстепенным, а на первое место выходят ценности и порядки группы.

Несколько другие результаты были получены при обработке второй части методики, которая в интерпретации Карандашева отражает реализацию ценностных ориентаций в реальном поведении. При анализе полученных данных наблюдаются статистически значимые результаты по шкалам: «традиции», «гедонизм», «стимуляция», «достижение» и «самостоятельность». Такие показатели говорят о том, что лица экстремистской направленности менее склонны к достижению личного успеха через проявление компетентности в соответствии с социальными стандартами, а также низкий уровень стремления к новизне и глубоким переживаниям, и, как уже говорилось выше, испытуемые меньше стремятся к личному комфорту, нежели испытуемые контрольной группы, и склонны к проявлению самоуправления, автономности и независимости.

Исходя из результатов проведенного исследования, можно сделать вывод, что статистически значимых различий при исследовании нормативных ценностей в группах лиц, совершивших преступление ненависти, и студентов не обнаружилось, что свидетельствует о том, что первичные понятия о ценностях формируются у всех в равной степени. Однако впоследствии люди по-разному реализуют данные ценности в своем поведении и в своей деятельности.

На деятельность лиц экстремистской направленности влияют в большей степени некоторые психологические и характерологические особенности, которые Т. Адорно описал как черты авторитарной личности. К таким чертам он отнес конвенционализм, авторитарную агрессию, суеверность и стереотипизм, гипертрофированное представление о таких понятиях, как «господство – подчинение», «сильный – слабый», деструктивность, цинизм и др. (Адорно Т., 2012).

Литература

1. Адорно Т.В. Исследование авторитарной личности. – СПб.: Астрель, 2012. – 473 с.
2. Давыдов Д.Г. Личностные диспозиции насильственного экстремизма [Электронный ресурс] // Психология и право. – 2017. – Том 7. № 1. – С. 106–121. doi:10.17759/psylaw.2017070109.
3. Дворянчиков Н.В., Ениколопов С.Н., Сокольская М.Д., Фурсова И.А. Ценностные ориентации правых экстремистов // Психологическая наука и образование. – 2010. – Том 15. – № 5. – С. 92–103.
4. Карандашев В.Н. Методика Шварца для изучения ценностей личности: концепция и методическое руководство. – СПб.: «Речь», 2004. – 70 с.
5. Мохаддам Фатали М. Терроризм с точки зрения террористов. М.: «ФОРУМ». 2011. – 288 с.
6. Сурина И.А. Ценностные ориентации // Знание. Понимание. Умение. – 2005. – № 4. – С. 162–164.

Социально – психологические особенности адаптации лиц с нетрадиционной сексуальной ориентацией

Щербинина Е.А.

Московский государственный психолого-педагогический университет
(г. Москва)

Научный руководитель – Дворянчиков Н.В.

История изучения гомосексуальности берет свое начало со времен античности. Этим феноменом занимались такие ученые как Соран Эфесский, Рихард Крафт – Эббинг, Хэвлок Эллис, Зигмунд Фрейд и др (Клейн, Л. С., 2010).

В настоящее время особенно проявляются две тенденции: с одной стороны, есть движение за принятие прав и свобод гомосексуальных людей, с

другой, присутствует резко негативное отношение к ним. В связи с этим возникает большое количество проблем, непринятие в семье, проблемы в рабочем коллективе и т.п.

Актуальность работы обусловлена тем, что сейчас очень важно проследить тот факт, как люди с гомо- и бисексуальной ориентацией приспосабливаются в жизни в обществе. В дальнейшем это исследование может помочь при работе с лицами с нетрадиционной ориентацией, так как люди часто обращаются с подобной проблемой к психологам и психотерапевтам.

Целью данного исследования является выявление особенностей адаптации лиц с нетрадиционной сексуальной ориентацией.

Для проводимого исследования отбирались лица с нетрадиционной сексуальной ориентацией. Исследование проводится через рассылку по ЛГБТ-группам в соцсетях (Русское ЛГБТ сообщество). Предложено было участвовать в исследовании 156 людям, из них согласились 40 человек: 20 женщин и 20 мужчин. Средний возраст 22 года. Приняли участие люди от 15 до 43 лет.

По результатам анализа литературных источников мы видим двойственную ситуацию относительно адаптации лиц с нетрадиционной сексуальной ориентацией, как уже было сказано ранее. С одной стороны, сейчас общество активно начинает их принимать, с другой стороны, они все равно сталкиваются с противоречиями и проблемами. В связи с этим вопрос об адаптации встает более остро, так как нет единой концепции по всему миру. Каждая страна воспринимает это для себя по-своему. Даже в рамках одной страны, но в разных ее частях может возникать разное мнение и разное отношение касательно нетрадиционной ориентации (Чебатко М., 2008).

Основной гипотезой данного исследования является предположение о том, что лица нетрадиционной сексуальной ориентации, имеющие психологическую андрогинию, являются более адаптивными, в отличие от лиц без андрогинии.

В качестве методов данного исследования были взяты психодиагностический (Методика «Маскулинность – фемининность» Сандры Бем, методика диагностики социально-психологической адаптации Роджерса – Даймонд, методика исследования самоотношения С.Р. Панталева (МИС)), математико-статистический (критерий Пирсона).

По результатам методики исследования самоотношения С.Р. Панталева (МИС) было выявлено, что у женщин более развито внутреннее принятие своей ориентации. Мужчины же наоборот, внутренне очень тяжело принимают наличие нетрадиционной ориентации, их отношение к себе сильно зависит от окружающего социума.

По результатам проведенной методики диагностики социально-психологической адаптации Роджерса – Даймонд выявлены следующие характеристики: показатели мужчин в процессе адаптации значительно выше показателей адаптации женщин. Особо острых конфликтных ситуаций нигде не наблюдается. Уровень восприятия других людей высок, что указывает на низкий уровень конфликта. Эмоциональный комфорт также высок, что свидетельствует о качественном процессе адаптации. Согласно результатам методики, стремление к доминированию невелико. В целом можно сказать, что все показатели включены в стандарт и отклонений нет.

Далее представлены результаты мужчин, прошедших методику МиФ Сандры Бем, по шкале андрогинности. Психологический пол мужчин представлен в пяти характеристиках, среди которых преобладают андрогинный, фемининный и ярко выраженный маскулинный типы, которые представлены в равных пропорциях. Среди молодых людей также есть люди с ярко выраженными фемининными характеристиками, которые указывают на психологические аномалии.

Количественные показатели у женщин, прошедших методику МиФ Сандры Бем, по шкале андрогинности оказались следующими: психологический пол девушек представлен четырьмя характеристиками, среди которых преобладает андрогинный тип личности. Присутствуют

выраженные фемининные типы. Среди девушек также есть лица с мужскими характеристиками, которые указывают на психологические отклонения.

Таким образом, треть опрошенных имеют андрогинные характеристики. Считается, что такая гармоничная интеграция маскулинных и фемининных характеристик повышает адаптивность андрогинного типа.

По результатам проведенного исследования можно сделать следующие выводы:

1. У женщин более развито внутреннее принятие своей ориентации. В ситуациях проблем с социумом они проявляют более гибкое поведение. Мужчины же наоборот, внутренне очень тяжело принимают наличие нетрадиционной ориентации, их отношение к себе сильно зависит от окружающего социума.

2. Показатели мужчин в процессе адаптации значительно выше показателей адаптации женщин. Особо острых конфликтных ситуаций нигде не наблюдается. Уровень восприятия других людей высок, что указывает на низкий уровень конфликта. Эмоциональный комфорт также высок, что свидетельствует о качественном процессе адаптации.

3. Треть опрошенных имеют андрогинные характеристики. Считается, что такая гармоничная интеграция маскулинных и фемининных характеристик повышает адаптивность андрогинного типа.

Таким образом, основная гипотеза исследования о том, что лица нетрадиционной сексуальной ориентации с наличием психологической андрогинии более адаптивны к обществу, в отличие от лиц без андрогинии, подтвердилась в ходе исследования.

4. Компоненты самоотношения (закрытие, самоуверенность, саморуководство, отражение самоотношения, самопринятие, самопривязанность, внутренняя конфликтность и самообвинение) влияют на социально-психологическую адаптацию испытуемых.

По результатам проведенного исследования мы видим, что выявляется ряд характерологических особенностей у людей с нетрадиционной

ориентацией, которые влияют как положительно, так и отрицательно на их процесс адаптации в обществе.

Подобные исследования помогают расширить теоретическую базу, которая в дальнейшем может помочь в разработке новых методов в психотерапии для работы с гомосексуальными лицами, помогут обратить внимание на новые выявляемые проблемы.

Литература

1. Клейн, Л. С. Другая любовь: природа человека и гомосексуальность. – СПб.: Фолио-Пресс, 2010. – 864 с.
2. Чебатко, М. Россияне против геев // РБК daily. – 2008. – 4 февраля.

ПСИХОЛОГИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Правосознание подростков, выбирающих юридический вуз

Байтимова А.А.

Московский государственный психолого-педагогический университет

(г. Москва)

Научный руководитель – Коноплева И.Н.

Каждый человек, планирующий связать свою жизнь с юриспруденцией, обязан осознавать всю возложенную ответственность и реально оценивать свои возможности уже на этапе поступления в вуз. К специалисту в области юриспруденции на сегодняшний день предъявляется большое количество требований, в том числе и личностно-деловых. И данная тенденция не случайна. Далек не каждый желающий связать свою жизнь с правом способен осуществлять подобную деятельность успешно, ввиду своих личностных качеств. С увеличением уровня сложности поставленных задач повышаются и требования к личностным качествам сотрудников, ведь способности сотрудников сильно влияют на успешность всей работы в целом.

Целью нашего исследования стало получение новых знаний о взаимосвязи сформированности правового самосознания и выбора специальности обучения.

Объектом исследования выступило правосознание выпускников школ, планирующих обучаться в вузе на юридической специальности. Предмет исследования – сформированность правосознания одиннадцатиклассников, желающих связать свою жизнь с правом.

Эмпирическую выборку составили 30 учеников 11 класса, из них 15 человек из обычной средней школы (контрольная группа), и 15 человек – из 11 класса школы с углубленным изучением права (экспериментальная группа).

В исследовании принимали участие как девушки, так и молодые люди. Возрастная категория – 16-18 лет.

В своем исследовании мы использовали следующие методики:

1. Авторская анкета, позволяющая получить информацию о личных данных и предпочтениях в дальнейшей учебе испытуемого, причинах данного выбора.
2. Методика изучения правосознания (Ясюкова Л.А., 2000).
3. Анкета «Уровень правового развития» на основе теста незаконченных предложений с использованием модели правового развития Дж. Тапп и Ф. Левина (Гулевич О.А., Голынчик Е.О., 2003).

При анализе результатов использовался непараметрический критерий Манна-Уитни, обработка результатов проводилась с помощью программы IBM SPSS Statistics 25.

Анализ современной литературы показывает множество точек зрения на проблему правосознания. Важность наличия правосознания у населения отмечают представители разных направлений наук. Вопрос волнует не только юристов и психологов, его значимость отмечают ученые в области политологии, социологии и философии. В частности, специалист в области юридической психологии В.Л. Васильев под правосознанием в широком смысле понимает правовой опыт поведения личности, группы, общества и в первую очередь относит к нему психологический механизм правопослушного поведения и зависимость между различными дефектами индивидуального правосознания и противоправным поведением (Васильев В.Л., 2009).

Знакомство с правовой культурой человек начинает еще на самых ранних этапах развития – в детстве. Правовые зачатки закладывает в первую очередь семья, затем это развивается с помощью сказок, каких-либо ролевых игр, а также посредством коммуникации со сверстниками. Во всех этих процессах появляется и проявляется пусть простой, неосознанный, но уровень понимания права. С увеличением возраста, расширением коммуникативного

круга, изменением деятельности, обогащением кругозора увеличивается и уровень сформированности правового сознания (Будыкин С.В., Жигачев А.С., 2014).

Нами проведено исследование особенностей правосознания учеников выпускного класса двух школ – с обычной программой и с углубленным изучением правовых дисциплин. Анализ проведенного нами исследования показал следующие особенности выпускников школ.

Было отмечено, что 20% респондентов не были уверены, что определили точное направление подготовки, рассматривая несколько вариантов для получения высшего образования. 23% выпускников школ выбирают специальность по совету родных или друзей. 57% испытуемых определились с направлением подготовки самостоятельно.

По параметру «Бытовая сфера правосознания» средние значения показателей экспериментальной группы составили 6,4 балла, контрольная группа показала значение в 4,3 балла ($p < 0,05$). По параметру «Деловая сфера правосознания» средние значения показателей экспериментальной группы составили 5,4 балла, контрольной группы – 1,4 ($p < 0,05$). По субтесту «Гражданская сфера правосознания» средние значения показателей экспериментальной группы составили 6,2 балла, в контрольной группе – 1,7 ($p < 0,05$). По субтесту «Правовые знания» средние значения показателей экспериментальной группы составили 7,3 балла, контрольной группы – 2,1 ($p < 0,05$).

Средние значения общего уровня правосознания у выпускников школ, планирующих связать свою жизнь с юриспруденцией, составили 22,3 балла, что соответствует среднему уровню сформированности правосознания, а у одиннадцатиклассников, планирующих поступление на иную специальность – 14,3 балла, что соответствует хорошему уровню.

Правосознание в форме правотворчества находится на более высоком уровне у выпускников школы класса с правовым уклоном, он составляет 60 %, по сравнению с 26% учащихся обычной школы. Более высокие показатели

правоподдержания продемонстрировали учащиеся общеобразовательной школы – 33%, показатель будущих юристов – 20%. Процентное содержание ответов учащихся по шкале правопослушания было приблизительно равным – 26% учеников школы с юридическим уклоном по отношению к 20% выпускников обычной школы.

По результатам исследования мы можем сделать следующие выводы:

1. Формированию высокого уровня правового самосознания способствует обучение в учреждениях с юридической направленностью.
2. Реализовывать правовую направленность ученики, не интересующиеся юриспруденцией, способны чаще всего только в бытовой сфере. Осведомленность в правовых знаниях, деловая сфера правосознания, а также гражданская позиция находятся на низком уровне.
3. Правотворчество как один из уровней правосознания имеет большую выраженность у выпускников школы с юридическим уклоном, одиннадцатиклассники общеобразовательной школы более склонны к правопослушанию. Правоподдержание у обеих групп слабо выражено.
4. Одиннадцатиклассники, планирующие связать свою жизнь с юриспруденцией, имеют более высокий уровень правового самосознания, чем их сверстники, желающие связать свою жизнь с иной профессией.

Литература

1. Будыкин С.В., Жигачев А.С. Взаимосвязь изучения правовых дисциплин с уровнем правосознания (на примере студентов, изучающих правовые дисциплины) [Электронный ресурс] // Психология и право. – 2014. № 1. – URL: <http://psyjournals.ru/psyandlaw/2014/n1/68299.shtml> (дата обращения: 08.05.2020).
2. Васильев В.Л. Юридическая психология: учебник для вузов. 6-е изд. – СПб.: Питер, 2009. – 608 с.
3. Гулевич О.А., Голынчик Е.О. Правосознание и правовая социализация. Аналитический обзор: Учебное пособие для студентов

факультетов психологии высших учебных заведений по специальности 020400 – «Психология». – М.: Международное общество им. Л.С.Выготского, 2003. – 270 с.

4. Ясюкова Л.А. Правосознание: диагностика и закономерности развития//Прикладная психология. – 2000. – № 4. – С. 1–13.

Подготовка и сопровождение сотрудников уголовно-исполнительной системы

Борисова Д.П.

Московский государственный психолого-педагогический университет
(г. Москва)

Научно-исследовательский институт Федеральной службы
исполнения наказаний (г. Москва)

Научный руководитель – Дворянчиков Н.В.

Любая организация стремится укомплектовать свой штат высокопрофессиональными и грамотными сотрудниками. Подбор кадров в настоящее время может осуществляться не одним сотрудником, а сразу несколькими специалистами в разных областях. Это позволяет определить не только знания в конкретной области, но и подобрать устойчивую, подготовленную личность, готовую работать именно в тех условиях, которые предоставляет работодатель. Однако производительность каждого сотрудника может меняться в зависимости от различных критериев – продолжительность работы, особенности конкретной должности, интенсивность и т.д.. Поэтому сопровождение сотрудников важно не только на этапе подбора кадров, но и на протяжении всей их трудовой деятельности. Это позволяет сохранить здоровую личность, предотвратить быстрое развитие эмоционального и профессионального выгорания, при необходимости повысить профессиональный уровень работника.

Подобная схема сопровождения сотрудников реализуется в уголовно-исполнительной системе. Оно начинается с момента подбора кадров для поступления на обучение в образовательные организации и продолжается на протяжении всего времени службы. Обучение кадров происходит обычно при поступлении кандидата в учреждение; перемещении на новую должность, изменении объема полномочий; выявлении у работника недочетов в случае некачественного исполнения им обязанностей; смене деятельности (Аллахвердиев Э.Э., 2009).

Организация и совершенствование профессиональной подготовки кадров уголовно-исполнительной системы, стабилизация профессионального ядра сотрудников является одним из приоритетных направлений кадровой политики Федеральной службы исполнения наказаний (ВИПЭ ФСИН России, 2012).

С целью повышения эффективности реализации поставленных задач перед уголовно-исполнительной системой при подборе кандидатов на службу необходимо обращать внимание не только на их уровень знаний, но и также на морально-психологические качества будущего сотрудника. Это позволяет предотвратить принятие на службу несоответствующего предъявляемым требованиям кандидата.

Во время прохождения службы остается актуальным вопрос повышения профессиональной грамотности сотрудников, так как комплектование учреждений УИС сотрудниками происходит, в том числе, из выпускников гражданских вузов. Данные сотрудники обладают достаточным объемом теоретических и профессиональных знаний, однако могут испытывать трудности в адаптации к специфическим условиям труда.

Почти треть специалистов в первые месяцы работы сталкиваются с проблемами качественной реализации должностных обязанностей, обусловленными недостаточным уровнем профессиональной подготовки к службе, дисбалансом теоретической подготовленности и запросов практики, отсутствием необходимых навыков в работе со спецконтингентом, что

приводит в дальнейшем к профессиональной деформации сотрудников уголовно-исполнительной системы, которая выражается в утрате истинного представления о смысле своей профессии и разочаровании в ее выборе, повышении восприимчивости к отрицательным мотивам, притуплении чувства профессионального долга, нежелании самореализовываться и работать (Макаров Е.В., 2018).

С целью предотвращения негативных последствий в системе профессиональной подготовки сотрудников УИС (целью которой является воспитание и обучение) установлены такие виды обучения как первоначальная подготовка, повышение квалификации, переподготовка, стажировка, служебная и боевая и физическая подготовка, обучение в высших учебных заведениях ФСИН России.

Особое место в сопровождении сотрудников отведено психологической подготовке. Следует отметить, что в настоящее время в вузах ФСИН России проходит обучение в том числе и по таким специальностям как «Психология служебной деятельности», «Психология», «Управление персоналом». Это показывает, что крайне важно осуществлять подготовку сотрудников для обеспечения системы кадрами, способными оказать своевременную и качественную помощь в корректировке деятельности и в решении сложившихся сложных ситуаций в коллективах.

Основными задачами профессионально–психологической подготовки сотрудников в учреждениях являются: формирование высокой психологической устойчивости, развитие наблюдательности, бдительности, памяти, мышления и других профессионально-психологических качеств и навыков; формирование профессионального самосознания, чувства ответственности за свои действия, стремления к постоянному совершенствованию своего профессионального мастерства; совершенствование навыков руководящего состава по управлению, обучению и воспитанию подчиненных.

Все это позволяет решать рассмотренные выше спорные вопросы. Однако зачастую тематика и количество занятий по психологической подготовке определяется не конкретными психологами в учреждениях, а кадровой службой. Такая организация работы позволяет охватить общие аспекты деятельности, не рассматривая частные, актуальные для конкретного учреждения (или сотрудника) вопросы. Подобная работа психологов позволяет стабилизировать общий рабочий фон, снизить эмоциональное напряжение, разъяснить общие вопросы организации деятельности. Однако в настоящее время чаще приходится сталкиваться с тем, что в большей степени требуется обучение более конкретизированным способам и техникам взаимодействия, реагирования на поведение окружающих, контакта с осужденными, учитывая при этом личностные особенности каждого сотрудника. Поэтому помимо установленных руководством занятий, психологам учреждений необходимо дополнительно проводить различные мероприятия (как просветительского, так и коррекционного характера) с сотрудниками разного уровня по самостоятельно определенной тематике, которая будет способствовать решению именно тех задач, которые требуются для конкретной ситуации. Это позволит быстро решать спорные вопросы и снижать риски принятия необдуманных решений. Также целенаправленная и адресная помощь психологов способствует сохранению целостной личности сотрудника, позволяет поддерживать интерес к своей деятельности и стимулировать желание дальнейшего саморазвития.

В целом процесс профессиональной подготовки сотрудника должен сопровождать его всю сознательную жизнь. Непрерывное профессиональное образование, как справедливо подчеркивает В.Д. Самсонкина, является и процессом, и принципом формирования личности, которые способствуют постоянному его развитию, вовлекают его в непрерывный процесс овладения знаниями, умениями и способами поведения (общения) (Самсонкина В.Д., 1996).

Сотрудникам пенитенциарных учреждений следует регулярно предоставлять возможности для дальнейшего профессионального развития на протяжении всей их карьеры с целью осведомления их о последних концепциях и методах, имеющих отношение к службе. Такое обучение может быть представлено в виде внутренней подготовки; обучение в специализированных центрах, в которых проходят обучение сотрудники разных учреждений, в том числе гражданских; обучение в смежных областях (например, подготовка по социальной работе).

Литература

1. Аллахвердиев Э.Э. Организация подготовки, переподготовки и повышения квалификации сотрудников Федеральной службы исполнения наказаний // Человек: преступление и наказание. – 2009. № 2 (65). – С. 86–88.
2. Макаров Е.В. Социально-профессиональная подготовка сотрудников уголовно-исполнительной системы: автореф. дис. ... канд. пед. наук. – Оренбург, 2018. – 24 с.
3. Профессиональная подготовка сотрудников уголовно-исполнительной системы: Учебное пособие. – Вологда: ВИПЭ ФСИН России, 2012. – 89 с.
4. Самсонкина В.Д. О некоторых вопросах реализации государственной кадровой политики // Правовая наука и реформа юридического образования: современные проблемы соотношения и развития. Сборник научных трудов. – Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1996. – Вып. 4. – С. 64-78.

Саморегуляция негативных состояний медицинских работников в условиях сложной деятельности

Караджев К.А.

Московский государственный психолого-педагогический университет
(г. Москва)

Научный руководитель – Коноплева И.Н.

Отрицательные, негативные эмоции оказывают более сильное влияние на физическое состояние личности, чем позитивные. В силу интенсивности своего протекания отрицательные эмоциональные состояния оказывают разрушающее действие как на физическое состояние, так и систему социальных взаимоотношений личности. Соответственно, саморегуляция эмоциональных состояний выступает необходимым условием жизнедеятельности личности (Водопьянова Н. Е., 2009).

Вся ключевая деятельность работника медицинской сферы носит исключительно социально-ориентированный характер. Это приводит к тому, что работа медицинского сотрудника постоянно сопряжена с психологическими и физическими перегрузками, деятельность требует от сотрудника постоянной включенности и высокой нравственности. От медицинского работника зависят чужие жизни, он должен грамотно решать конфликтные ситуации и быстро принимать любые сложные решения, осознавая те последствия, которые они могут повлечь за собой. Данную работу можно по праву назвать самой стрессогенной, а работники системы здравоохранения больше всего подвержены профессиональной деформации (Балаханов А.В., 2009).

Специалистам, работающим в медицинской сфере, для грамотного и успешного преодоления всех негативных последствий экстремальной деятельности в работе необходимо совершенствовать собственную психологическую саморегуляцию. Медработник должен уметь бороться с эффектами перенапряжения и лишней психологической нагрузкой.

Саморегуляция препятствует развитию острого стресса за счет ее устойчивости в напряженных условиях и высокой сформированности программирования действий, моделирования значимых условий, оценивания результатов. Формированию хронического стресса в профессиональной деятельности способствует высокий нейротизм, проявляющийся в повышенной тревожности, склонности к депрессии, эмоциональной неустойчивости, плохой адаптации, низкой самооценке и

интровертированности, а также в трудностях при установлении контактов с людьми, адаптации к реальности и изменениям в окружающей среде (Морсанова В. И., 2011).

Таким образом, способность к саморегуляции является ресурсом, обеспечивающим преодоление острой стрессовой симптоматики, в то время как преодоление воздействия длительных стрессовых факторов будет в большей степени определяться именно личностными диспозициями.

Литература

1. Балаханов А.В., Белов В.Г., Пятибрат Е.Д., Пятибрат А.О. Эмоциональное выгорание у медицинских работников как предпосылка астенизации и психосоматической патологии // Вестник Санкт-Петербургского Университета. – 2009. №3. – С. 57-59.
2. Водопьянова Н. Е. Психодиагностика стресса. СПб., 2009. – 336 с.
3. Морсанова В.И. Развитие теории осознанной саморегуляции: дифференциальный подход // Вопросы психологии. – 2011. № 3. – С. 106–118.

Биопсихологический возраст как фактор эффективности деятельности спасателей МЧС России

Орлова С. А.

Московский государственный психолого-педагогический университет
(г. Москва)

Научный руководитель – Березина Т. Н.

Для эффективного выполнения работы спасатель должен обладать высоким уровнем интеллекта, низким уровнем фрустрации, развитым мышлением, эмоциональной устойчивостью (Методическое руководство, 2013). Также важен ряд социально-психологических характеристик, проявляющихся в общении (Березина Т.Н., 2011, 2015). Молодые спасатели

чаще имеют низкие показатели нервно-психической устойчивости, с возрастом у них снижается уровень тревожности (Николаева А.Н., Хлоповских Ю.Г., 2016) и возрастает готовность к риску (Григорян А.Р., Андреева О.В., 2016).

Для исследования профессионального и социального долголетия спасателей нам нужно использовать показатели, отражающие физическое и психологическое здоровье человека в течение его жизни (Березина Т.Н., 2010). Примером такого показателя является биопсихологический возраст - он содержит такие характеристики, как биологический возраст, психологический возраст и др. (Березина Т.Н., 2020).

На биопсихологический возраст влияет продолжение профессиональной деятельности: люди, не имеющие постоянного места работы, биологически и психологически старше имеющих работу (Мельник В.П., 2019).

Организация исследования. Цель исследования – изучить влияние биопсихологического возраста на эффективность деятельности спасателей МЧС России.

Методы исследования.

1. Определение биологического возраста по методике В. П. Войтенко.
2. Самооценка психологического возраста по К. А. Абульхановой и Т. Н. Березиной.
3. Вычисление психобиологического возрастного индекса, индекса относительного биологического старения (БВ-ДБВ), индекса относительного психологического старения (ПВ-КВ).
4. Оценка ожидаемого пенсионного возраста.
5. Методика самооценки эффективности профессиональной деятельности. Оригинальная разработка.
6. Экспертная оценка эффективности профессиональной деятельности спасателей.

7. Архивный метод, анализ документов. Оценка карьерных достижений.

8. Методы описательной статистики (построения гистограмм, расчет и сравнение средних показателей), корреляционный анализ, дисперсионный анализ, сравнение двух групп испытуемых с использованием критерия Манна-Уитни.

Испытуемые: 48 спасателей; 14 женщин и 34 мужчины в возрасте от 22 до 59 лет (средний возраст 34,14).

Результаты исследования:

Мужчины-спасатели биологически и психологически старше, чем женщины-спасатели (биологический возраст мужчин-спасателей $39,9 \pm 5,2$; женщин-спасателей $29,3 \pm 9,5$; $p=0$; психологический возраст мужчин-спасателей $32,6 \pm 6,1$; женщин-спасателей $28,0 \pm 7,6$; $p=0,048$).

Мужчины-спасатели ожидают выхода на пенсию позже, чем их коллеги-женщины (оценка ожидаемого пенсионного возраста мужчин-спасателей $61,9 \pm 1,4$; женщин-спасателей $59,2 \pm 1,4$; $p=0$).

Субъективные и объективные оценки эффективности деятельности выше у мужчин-спасателей, чем у женщин-спасателей (самооценка эффективности деятельности мужчин-спасателей $64,9 \pm 14,2$; женщин-спасателей $45,4 \pm 13,2$; $p=0$; общий показатель эффективности деятельности мужчин-спасателей $3,3 \pm 1,2$; женщин-спасателей $1,9 \pm 1,0$; $p=0,001$).

Далее был проведён дисперсионный анализ, получены статистически значимые данные о влиянии показателей биопсихологического возраста на самооценку эффективности деятельности спасателей.

С увеличением показателя биологического возраста ($F=3,970$; $p=0,026$) и увеличением ожидаемого пенсионного возраста ($F=3,253$, $p=0,048$) увеличивается и показатель самооценки эффективности деятельности спасателей. Чем позже спасатель ожидает выхода на пенсию, тем более высоко он оценивает эффективность собственной деятельности. Возможно, спасатели, которые готовы продолжать работать дольше, испытывают

удовлетворение от работы и считают, что их деятельность эффективна. И, возможно, у них под действием положительных эмоций активируются резервные возможности организма (Березина, 2000).

Заключение. Проведено эмпирическое исследование влияния показателей биопсихологического возраста спасателей на эффективность деятельности спасателей.

Чем выше биологический возраст спасателя и чем позже он ожидает выхода на пенсию, тем выше он оценивает эффективность собственной деятельности. Гипотеза о влиянии показателей биопсихологического возраста на эффективность деятельности спасателей частично подтверждается.

Благодарности: Работа выполнена под руководством профессора Т. Н. Березиной.

Поддержка фонда. Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского научного фонда, проект № 19-18-00058.

Литература

4. Березина Т.Н., Рыбцова Н.Н., Рыбцов С.А., Фатьянов Г.В. Индивидуально-личностные факторы пенсионного стресса у представителей интеллектуального типа, проживающих в России и иммигрировавших в страны Евросоюза // Современная зарубежная психология. – 2020. – Т. 9. – № 1. – С. 8-21. DOI: 10.17759/jmfp.2020090101.
5. Березина Т.Н. Творческая активность в структуре самоотношения и утверждении самости как фактор антистарения // Мир психологии. – 2010. – № 4 (64). – С. 130-141.
6. Березина Т.Н. Альтруистическое поведение и успех в жизни // Психология и психотехника. – 2011. – № 3 (30). – С. 67-76.
7. Березина Т.Н. Воспитание добра. М.: ООО «Спутник+», 2015. – 99 с.
8. Григорян А. Р., Андреева О. В. Сравнительное исследование детерминант принятия решений в зависимости от должностного статуса у

сотрудников регионального управления МЧС (на примере Тверской области) // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Педагогика и психология. – 2016. – №. 1. – С. 170-176.

9. Мельник В. П. Сравнительный анализ показателей психологического и биологического возрастов у безработных и работающих граждан // Биопсихологический возраст профессионалов: результаты и перспективы исследований: монография / под общ. ред. Т.Н. Березиной. М.: Энциклопедист-Максимум, 2019. – С. 90–95.

10. Методическое руководство по проведению профессионального психологического отбора в Министерстве Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий. М., 2013. – 117 с.

11. Николаева А. Н., Хлоповских Ю. Г. Психологические особенности поведения населения при чрезвычайных ситуациях // Современные технологии обеспечения гражданской обороны и ликвидации последствий чрезвычайных ситуаций. – 2016. – №1 (7). – С. 285-290.

Коррекция негативных психических состояний студентов-психологов экстремального профиля методами виртуальной реальности

Перепечина А.С.

Московский государственный психолого-педагогический университет
(г. Москва)

Научный руководитель – Березина Т.Н.

Теоретический анализ проблемы исследования

В условиях трансформации общества наиболее острой проблемой выступает проблема высшего образования. Это связано с необходимостью повышения продуктивности учебно-профессиональной деятельности студентов, эффективность которой зависит от множества разных факторов, в

частности их психического состояния, личностных характеристик, стремления человека к успеху и т.д., которые способны значимо повлиять на весь результат образовательного процесса: сдачи экзаменов, зачетов, тестов (Березина Т.Н., 2011), в ходе которых достаточно часто отмечаются такие негативные психические состояния обучающегося, как психическая напряженность, высокая тревожность, сильная усталость, и даже панический страх (Котенева А.В., 2016).

Преодоление негативных психических состояний студентов-психологов экстремального профиля взаимосвязано с необходимостью повышения адаптационного потенциала личности (Цветков В.Л., 2011), что может быть достигнуто путем снижения нервно-психического напряжения, связанного с учебным и профессиональным стрессом, посредством совершенствования навыков осознанной регуляции деятельности, развития личностных и межличностных адаптационных ресурсов через трансформацию из состояния латентности в активное состояние (Гольцева Т.П., 2012).

В ходе анализа научной литературы установлено, что применение технологий виртуальной реальности является одним из современных методов оптимизации психического состояния, рассматриваемых во многих отраслях психологии, в том числе в психологической реабилитации и психотерапии (Березина Т.Н., 2014).

Однако исследования, направленные на изучение особенностей их применения в экстремальной психологии, практически не осуществляются. Отмеченное выступило в качестве предпосылки для проведения данного исследования, направленного на установление возможностей регуляции психических состояний с помощью шлема виртуальной реальности. Практическая значимость полученных в ходе исследования результатов обусловлена возможностью повышения качества жизни студентов-психологов экстремального профиля и помощью в достижении ими в ситуации нервно-психического напряжения, связанного с профессиональным стрессом, состояния межличностной и внутриличностной гармонии.

Организация исследования

Цель исследования заключалась в выявлении возможности коррекции негативных психических состояний студентов-психологов экстремального профиля методами виртуальной реальности. В качестве задачи эмпирической части исследования выступила проверка гипотезы, согласно которой возможна коррекция негативных психических состояний у студентов-психологов экстремального профиля посредством технологий виртуальной реальности, в нашем случае путем просмотра испытуемыми сюжетов виртуальной реальности разной временной длительности и типа, в частности: динамически-возбуждающего типа с эффектом присутствия в течение 5 минут с целью снижения уровня утомления и релаксационного типа в течение 5-7 минут для снижения уровня тревожности.

Исследование осуществлялось на базе Московского государственного психолого-педагогического университета (МГППУ) в период с 2019 по 2020 гг. В исследовании приняли участие 52 студента-психолога экстремального профиля в возрасте от 18 до 25 лет, находящиеся в различных негативных состояниях. В ходе организации эмпирической части исследования все участники были разделены на две группы: экспериментальная группа (ЭГ, n=27 чел.) и контрольная группа (КГ, n=25 чел.), из них – 5 мужчин и 45 женщин. В состав ЭГ входили две подгруппы, участники которых подвергались методам виртуальной реальности в течение 5-7 минут: ЭГ₁ демонстрировались успокаивающие ролики (медитация), затем возбуждающие (снежки или гонки), ЭГ₂ сначала возбуждающие (снежки или гонки), затем успокаивающие (медитация).

Среди использованных нами диагностических методик были следующие: методика «Утомление – Монотония – Пресыщение – Стресс» (ДОРС) (А.Б. Леонова, С.Б. Величковская), шкала оценки уровня реактивной и личностной тревожности (Ч.Д. Спилбергер, Ю.Л. Ханин), тест-опросник «Оценка настроения» и оценка психической активации, интереса, эмоционального тонуса, напряжения и комфортности (Т.А. Немчин). Для

обработки результатов, полученных в ходе исследования, использовалась компьютерная программа статистической обработки данных SPSS-17.0.

Результаты исследования

Нами были реализованы два этапа – констатирующий и контрольный, в ходе которых получены результаты, описанные ниже.

Для выявления статистической значимости различий был использован критерий Стьюдента. Результаты диагностики на контрольном этапе свидетельствуют о статистически значимых различиях между испытуемыми контрольной и экспериментальной групп по показателям: ситуативная хроническая усталость, психическая активность и напряжение по методике Немчина. Это означает, что после экспериментального воздействия методами виртуальной реальности у испытуемых экспериментальной группы статистически достоверно снизились средние значения ситуативной хронической усталости, психической активности и напряжения. Остальные характеристики изменились, но изменения не являются статистически значимыми.

ЭГ1 демонстрировались успокаивающие ролики, затем возбуждающие, ЭГ2 сначала возбуждающие, затем успокаивающие. Для определения статистически значимых изменений использовался G-критерий. Изменения произошли у первой подгруппы. У испытуемых снизился индекс утомления. У второй подгруппы снизился уровень ситуативной тревожности и усталости.

Заключение. Таким образом, в соответствии с полученными в ходе эмпирической части исследования результатами, можно заключить, что технологии виртуальной реальности предоставляют возможности для коррекции негативных психических состояний у студентов-психологов экстремального профиля. Просмотр сюжетов виртуальной реальности динамически-возбуждающего типа с эффектом присутствия, а затем успокаивающего воздействия в течение 5 минут позволяет снизить тревожность, в то время, как первоначально демонстрируемые сюжеты виртуальной реальности релаксационного типа в течение 5-10 минут, а затем

динамически-возбуждающего типа с эффектом присутствия, приводят к снижению утомления. Полученные результаты не претендуют на полную исследовательскую законченность, однако выступают в качестве основы, позволяющей их последующее применение в ходе исследований в контексте темы настоящего.

Благодарности: Автор благодарит руководителя проекта, Березину Т.Н.

Литература

1. Березина Т.Н. Альтруистическое поведение и успех в жизни. // Психология и психотехника. – 2011. – № 3 (30). – С. 67-76.
2. Березина Т.Н. Надсознательное как образование высшего порядка // Мир психологии. – 2014. – № 1 (77). – С. 240-253.
3. Гольцева Т.П. Особенности профессиональной деятельности студентов-психологов полиции // Вестник ТГПУ (TSPU Bulletin). – 2012. 6 (121). – С. 221 – 227.
4. Котенева А.В. Личностные уровни и система жизнеобеспечения личности в стрессовых ситуациях // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. Серия: Педагогика. Психология. Социальная работа. Ювенология. Социокинетика. – 2016. – Т. 22. № 1. – С. 111-116.
5. Цветков В. Л., Старостин С. Н. Учебная и профессиональная идентичность студентов-психологов экстремального профиля и ее влияние на выбор // Психопедагогика в правоохранительных органах. – 2011. – № 1(44). – С.3-14.

Влияние концентрации внимания на поведение сотрудников ОВД в экстремальных ситуациях

Пожемапкина В.А.

Московский Университет МВД России имени В. Я. Кикотя (Москва)

Профессиональная деятельность сотрудников ОВД имеет свои особенности, которые предъявляют значительно более высокие требования не только к профессиональной готовности сотрудников, но и к личностным характеристикам, характеру, поведению и взаимодействию, а также реагированию на конкретную ситуацию. Специфика состояния выражается в сложности как операционной среды, так и регуляции себя и своего поведения в ней; проблемах социально-политической сферы; резких неординарных изменениях условий службы, связанных с дезадаптацией сотрудника, а также быстрой сменой ситуации; психофизические, эмоциональные и психологические перегрузки; позитивные и негативные взаимодействия, связанные с преступником; повышенная ответственность за свои действия и действия коллег; отсутствие полноценного отдыха, который помогает восстановить силы и перезапустить организм; и надежность технических гарантий, без которых не может обойтись ни один сотрудник.

Все это влияет на психическое состояние служащих, что, в свою очередь, может иметь ряд негативных социально-психологических последствий, которые могут нанести вред не только самому работнику, но и окружающим его людям. К ним относятся: повышение текучести кадров, снижение удовлетворенности работой, ухудшение социально-психологического климата в коллективе, личностная деформация сотрудников, снижение эффективности работы, нарушение оптимального способа работы с людьми и другие последствия.

Сотрудники органов внутренних дел ежедневно подвергаются воздействиям окружающей среды, которые зачастую имеют стрессовый характер. Эти явления могут привести к появлению усталости, переутомлению, возникновению различных отрицательных эмоциональных состояний, нервно-психическим расстройствам (Маклаков А.Г., 2016).

Ганс Селье рассматривает стресс как неспецифическую реакцию организма и психики на внешние или внутренние изменения реальности (Щербатых Ю.В., 2006).

Проблема экстремальных условий на данный момент времени содержит в себе несколько подходов (Федотов А.Ю., Медведев И.Н., 2014).

Проблема профессиональной и личностной адаптации человека в экстремальных условиях деятельности составляет сферу интересов многих научных дисциплин и различных отраслей психологии. Приоритет этого научного направления подтверждается публикациями более 700 научных работ, связанных с изучением особенностей профессионального поведения в группах.

Эффективность выполнения служебно-боевых задач в экстремальных условиях зависит от уровня профессиональной подготовки, эмоционально-волевой устойчивости и надежности сотрудников.

В данном исследовании приняли участие 22 сотрудника, которые являются курсантами 3 курса Института психологии служебной деятельности органов внутренних дел Московского Университета МВД России им. В.Я. Кикотя.

С целью определения уровня концентрации внимания у сотрудников полиции была использована психодиагностическая методика «Тест Мюнстерберга» (Касьянов С.А., 2006).

Исследование длилось с декабря 2019 года по апрель 2020 года и рассматривалось в нескольких ситуациях:

Ситуация 1 – сотрудники не поставлены в наряд и находятся в приближённом к спокойному состоянию в первой половине дня (оптимальное время 11.30-12.00).

Ситуация 2 – сотрудники находятся на рабочем месте после 17:00

Ситуация 3 – сотрудники находятся в суточном наряде после 17:00

Исследование первой ситуации

Сотрудники, которые не поставлены в наряд и находятся в приближённом к спокойному состоянию.

- 58% высокий уровень
- 42 % низкий уровень

Видно, что 58% опрошенных сотрудников обладают высоким уровнем концентрации внимания. Данный уровень концентрации внимания свидетельствует о высокой степени сосредоточения сознания на объекте.

У 42 % респондентов выявлен низкий уровень концентрации внимания, что говорит о том, что сотрудник долго не может сосредоточиться на выполнении задания, ощущение рассеянности, повешенная отвлекаемость.

Второй этап исследования

- 58 % низкий уровень
- 42% высокий уровень

Второй этап исследования проводился после доклада командира о том, что сотрудники находятся на рабочем месте после 17:00, после чего мы получили следующие результаты.

Низкий уровень концентрации внимания присущ 58 % опрошенных сотрудников.

У 42% респондентов наблюдается высокий уровень концентрации внимания.

По итогам второго этап исследования было установлено, что процентное соотношение немного изменилось (увеличилось число сотрудников с «низкой» концентрацией внимания; уменьшилось число преобладания «высокого» типа концентрации внимания сотрудников), в группе наблюдается концентрации внимания «низкая». Что уже на данном этапе исследования дает возможность судить о подтверждении выдвинутой гипотезы.

Исследование третьей ситуации

- 67% низкий уровень
- 33% высокий уровень

При проведении заключительного этапа исследования, в котором сотрудники принимали участие в момент нахождения в суточном наряде после 17:00, данные оказались более разнообразными, чем в двух предыдущих исследованиях.

Низким уровнем концентрации внимания обладают 67% респондентов из группы.

Так же зафиксировано 33% сотрудников, которые обладают высокой концентрацией внимания.

Таким образом, у опрошенных сотрудников полиции преобладает уровень концентрации внимания «низкий».

В нашем исследовании, которое проводилось на сотрудниках ОВД, выявлено, что их уровень концентрации внимания изменялся к концу рабочего дня, и еще меньше показатели у сотрудников, которые находились в конце суточного наряда.

Уровень концентрации внимания является важным показателем для человека, который меняется по мере того, как он чувствует, что испытывает дискомфорт, находясь в необычных, неординарных ситуациях. Знание человека о данном уровне помогает понять, насколько он адаптирован к любой непонятной для него ситуации и помогает скорректировать его поведение, основываясь на данных показателях, полученных при исследованиях.

В нашем исследовании было выявлено, что уровень концентрации внимания изменялся в зависимости от времени и условий проведения.

В этом случае наблюдалось закономерное изменение уровня концентрации внимания. Результаты показали, что самым низким уровнем сотрудники обладали в тот момент, когда они находились на службе в вечернее время. Также некоторые сотрудники показали результаты, которые не изменялись в течение исследования. Эти показатели дают понять, что данные сотрудники обладают стабильным уровнем концентрации внимания и умеют хорошо регулировать свое поведение.

По итогам исследования было выявлено, что экстремальные ситуации в значительной степени влияют на концентрацию внимания довольно большого количества респондентов, что дает основания для дальнейшего изучения уровня концентрации внимания в различных ситуациях.

Литература

1. Касьянов С.А. Психологические тесты. – М.: Эксмо, 2006. – 608 с.
2. Маклаков А.Г. Общая психология. – СПб.: Питер, 2016. – 583 с.
3. Федотов А.Ю., Медведев И.Н. Эмоциональные состояния, негативно влияющие на профессиональную деятельность сотрудников ОВД, и их преодоление. 2-е изд. – М.: МУ МВД России, 2014 – 140 с.
4. Усатов И.А. Исследование стрессоустойчивости сотрудников компании. Научно-методический электронный журнал «Концепт». – 2017. – Т. 44. – 828 с.
5. Щербатых Ю.В. Психология стресса и методы коррекции. – СПб.: Питер, 2006. – 256 с.

Социальная ответственность личности как компонент профессиональной деятельности

Пудина Е. А.

Московский государственный психолого-педагогический университет
(г. Москва)

Научный руководитель – Чиркина Р.В.

Анализ современных исследований по проблеме социальной ответственности показывает, что в отечественной и зарубежной психологии социальная ответственность рассматривается как формирование и воспитание ответственного отношения; внешние и внутренние формы контроля над деятельностью субъекта с точки зрения выполнения им принятых норм и

правил (внешние и внутренние формы поведения); связь ответственности с вопросом наказуемости; задачи и обязанности личности как пределы долга; выполнение обязательств в условиях совместной деятельности.

По нашему мнению, важно рассматривать ответственность через призму социальных отношений, так как с одной стороны, она определяет поведение личности в соответствии с общепринятыми нормами, а с другой – выбор действий, что подразумевает способность к самоконтролю, саморегуляции и самоограничению.

Рассматривая психологический аспект социальной ответственности, мы считаем, что важным в раскрытии ее понятия является определение ее места в структуре профессиональной деятельности человека, поскольку одним из главных показателей в профессиональной деятельности является ответственное отношение к процессу и результатам труда.

В любой сфере профессиональной деятельности ответственность представляет собой универсальное, востребованное качество личности, детерминирующее эффективность в профессиональной деятельности.

К. Муздыбаев рассматривает социальную ответственность как склонность личности придерживаться в своем поведении общепринятых в обществе социальных норм, исполнять ролевые обязанности и ее готовность дать отчет за свои действия (Муздыбаев К., 2012). Таким образом, ответственность рассматривается как волевое качество личности и регулятор поведения.

К. А. Абульханова-Славская рассматривает ответственность как качество личности, напрямую связанное с ценностными ориентациями и морально-ценностными мотивами, как «самостоятельное, добровольное осуществление необходимости в границах и формах, определяемых самим субъектом, ответственность выступает как идеальное мысленное моделирование субъектом ответственной ситуации, ее пределов и уровня сложности, а затем практического осуществления» (Абульханова-Славская К. А., 1991, с. 110).

В. П. Прядеин, автор методики «Многомерного функционального анализа ответственности», определяет ответственность как «гарантирование субъектом достижения результата собственными силами на основе самостоятельно принятого решения, осознанного долга и совести» (Прядеин, В. П., 2001, с. 7), то есть ответственность представляет собой волевое качество, в значительной степени оказывающее влияние на формирование отношения личности к какой-либо деятельности, в том числе и профессиональной.

Л. И. Дементий и Н. В. Лейфрид рассматривают профессиональную ответственность как свойство личности, отражающее отношение субъекта труда к ее содержанию и результатам, к другим субъектам и самому себе в процессе труда. Ответственность рассматривается как гарантирование личностью достижения результата собственными усилиями при заданном уровне сложности и ограниченном времени с учетом возможных трудностей, то есть овладение целостностью ситуации и построение индивидуальной модели деятельности (Дементий Л. И., Лейфрид Н. В., 2012).

А. В. Белов описывает механизм реализации личной социальной ответственности на различных уровнях. Субъектный уровень социально ответственного поведения определяется мотивационно-целевой сферой. Личностный (психологический) уровень социально-ответственного поведения определяется аффективно-волевой сферой и иерархией личностных смыслов. Третьим уровнем механизма реализации социальной ответственности является практический, непосредственным проявлением которого выступают поступки и реальные достижения (Белов А. В., 2011).

Е. А. Климов рассматривает ответственность через отношение к труду наряду с мотивами, целями, интересами и склонностями. Он выделил психологические признаки, способствующие достижению профессионального успеха, одними из которых является сознательное предвосхищение социально-ценных результатов, осознание их социальной важности и сознательное достижение социально значимых целей (Климов Е. А., 2014).

Н. В. Гришаева говорит об ответственности как о системно-структурном многоуровневом интегральном личностно-деятельностном образовании, позволяющем эффективно реализовывать профессиональные задачи разных уровней сложности; о результате определенного набора знаний, умений и способностей; о способах самоорганизации и организации профессиональной деятельности, личностного и профессионального роста (Гришаева Н. В., 2010).

По мнению В. К. Потемкина социальная ответственность должна рассматриваться как отражение объективно существующей потребности, необходимости согласования ее нормативных признаков, упорядоченности действий работников в процессе труда. Не случайно А. Ф. Плахотный сделал вывод о том, что «совместная деятельность людей» (не зависимо от ее функционального содержания) – это источник ответственности ее участников, а свое предметное выражение она находит в конкретных отношениях ответственной зависимости (Плахотный А. Ф., 1981). Ответственная зависимость участников процесса труда строится на взаимном понимании, регулировании поведения, самомотивации и сомовоспитанности ответственного поведения (Потемкин В. К., 2010).

Д. Холланд, говоря о профессиональном развитии личности, описывает типы комплексных ориентаций личности, выделяет социальную ориентацию, где среди потребностей в общении и решении социальных проблем, важной выступает социальная ответственность (Психологические основы..., с. 127).

В. И. Сперанский отмечает, что без ответственного отношения к своим профессиональным обязанностям невозможна дальнейшая интенсификация профессиональной деятельности, повышения ее эффективности (Сперанский В. И., 1987).

Таким образом, можно сделать вывод, что социальная ответственность личности многоаспектна, выступает как свойство личности и как индивидуально-типологическая особенность, связана с профессиональным потенциалом, личностным развитием, принятием обоснованных решений,

готовностью отвечать за результаты и последствия и ее необходимо изучать как системный компонент профессиональной деятельности.

Литература

1. Абульханова-Славская К. А. Стратегия жизни. – М.: Мысль, 1991. – 299 с.
2. Белов А. В. Социальная ответственность: содержание и механизм реализации: автореф. дис. ... канд. филос. наук. – Волгоград, 2011. – 14 с.
3. Гришаева Н. В. Социально-психологические факторы развития ответственности кадров управления: автореф. дис... канд. психол. наук. – М., 2010. – 22 с.
4. Дементий Л. И., Лейфрид Н. В. Ответственность как детерминанта социальных представлений об успехе и условиях его достижения // Вестник Омского университета. – 2012. – №3. – С. 289-295.
5. Климов Е. А. Психология профессионального самоопределения – М.: Академия, 2004. – 304 с.
6. Кузнецова В. С., Морозова В. С. Формирование социальной ответственности у студентов педагогического вуза // Советская педагогика. – 1985. – № 5. – С. 93-96.
7. Муздыбаев К. Психология ответственности /Под ред. В. Е. Семенова. изд. 2-е, доп. – М.: Либроком, 2012. – 248 с.
8. Прядеин В. П. Ответственность как системное качество личности: учебное пособие. – Екатеринбург: УрГПУ, 2001. – 209 с.
9. Потемкин В. К. Управление персоналом: Учебник для вузов. – СПб.: Питер, 2010. – 432 с.
10. Плахотный А. Ф. Проблемы социальной ответственности – Харьков, 1981. – 191 с.
11. Психологические основы профессиональной деятельности: хрестоматия / сост. и ред. В. А. Бодров. – М.: ПЕР СЭ; Логос, 2007. – 855 с.

12. Сперанский В. И. Социальная ответственность личности: сущность и особенности формирования – М.: МГУ, 1987. – 150 с.

Влияние утомления на психологическое состояние медицинского персонала, работающего в неблагоприятных условиях

Рузняева Е.Д.

Московский государственный психолого-педагогический университет
(г. Москва)

Научный руководитель – Березина Т.Н.

Обзор литературы. Регуляция рабочего поведения невозможна в условиях нагрузки, которая превышает уровень возможностей. Также предельная нагрузка содействует развитию психических состояний, качественно отличающихся друг от друга (Катаев И.В., 2017). Развитие конкретных психических состояний напрямую зависит от интенсивности и длительности рабочей нагрузки, ее разнообразия и автоматизированности. Особенностью профессий типа «Человек - Человек» является их социальный характер, и функциональные состояния таких профессионалов зависят, в том числе, и от их взаимоотношений в коллективе (Березина Т.Н., 2011, 2015). Взаимоотношения с коллегами, взаимоотношения с пациентами – это часть специфической нагрузки медицинских работников. Особенности социальных взаимоотношений могут влиять на функциональное состояние врача, на его эмоциональную составляющую, а также на состояние утомления (Березина Т.Н., 2013).

Существуют и другие неблагоприятные факторы в профессии медицинских работников. Выявленный М.А. Авота низкий и средний индекс работоспособности медицинских работников является результатом контакта с профессиональными вредностями (Баке М.Я., 2002). К ним относятся биологические, эргономические и психоэмоциональные факторы. В числе

основных проблем отрасли называются: низкое финансирование, плохая материально-техническая база лечебных учреждений, несовершенное законодательство здравоохранения, равнодушное отношение исполнительной и законодательной власти, способ и уровень оплаты труда медицинских работников (Вялкова Г.М., 2006).

Вследствие сильных воздействий среды может возникнуть дезадаптация, которая проявляется в нарушениях дисциплины труда, тревожности, негативном отношении к работе, агрессивных чувствах и упаднических эмоциях, а также ригидности и фрустрации. На психологическом уровне утомления проявляются субъективные переживания, такие как неприязнь к окружающим и отвращение к работе (Шакирзянова Е., Бубновская О.В., 2015). Актуальным является своевременное выявление жалоб по поводу самочувствия и психологического здоровья.

Организация исследования. Цель исследования – изучение утомления и его влияния на возникновение негативных психических состояний у медицинского персонала в неблагоприятных условиях.

Методы исследования.

1. Гиссенский опросник, выявляет эмоционально окрашенные жалобы по поводу физического самочувствия.
2. Методика диагностики самооценки психических состояний (тревожность, фрустрация, агрессивность, ригидность) по Г. Айзенку.
3. Опросник для оценки острого физического утомления (Фетискин Н.П., Козлов В.В., Мануйлов Г.М.).
4. Опросник для оценки острого умственного утомления (Фетискин Н.П., Козлов В.В., Мануйлов Г.М.).

Испытуемые: 20 человек, медицинские работники в возрасте 22 – 30 лет, из них 6 мужчин, 14 женщин. Выборка была разделена на 2 группы, выделенные по критерию благоприятности условий работы: имеющие благоприятные условия на работе - 10 человек, имеющие неблагоприятные условия на работе - 10 человек.

Результаты исследования: Мы провели исследование влияния утомления на психологическое состояние медицинских работников в благоприятных и неблагоприятных условиях и получили следующие результаты.

Воздействие неблагоприятных условий в течение дня негативно влияет на физическое и психологическое состояние медицинского персонала: увеличиваются показатели истощения, желудочных и сердечных жалоб, болей в различных частях тела, а также повышается тревожность, фрустрация, агрессивность и ригидность.

Значимые различия между выборками работников в благоприятных и неблагоприятных условиях были выявлены и по индексам физической и умственной усталости после смены.

Полученные данные свидетельствуют о том, что условия работы медицинского персонала являются фактором, обуславливающим эффективность деятельности и удовлетворенность работой. Из этого следует, что при правильной организации труда и минимизации неблагоприятных факторов можно улучшить показатели не только конкретных работников, но и целых отделений.

Мы считаем, что необходимо проводить специальные мероприятия по активации резервных возможностей организма (Березина Т.Н., 2000), что нужно методами психологической коррекции восстанавливать функциональное состояние организма, и что при правильной организации труда и минимизации неблагоприятных факторов можно улучшить показатели не только конкретных работников, но и целых отделений.

Заключение

Подводя итоги, можно сказать, что высокие рабочие требования, низкий контроль и воздействие неблагоприятных факторов могут вызвать нарушение здоровья и повысить риск эмоционального истощения.

Главной причиной снижения физического функционирования медицинского персонала является нерациональная организация труда и

отсутствие должного внимания к минимизации неблагоприятных воздействий, что препятствует достижению высоких результатов, надежности и усердности деятельности.

Мы провели исследование на двух выборках медицинских работников, различающихся по наличию неблагоприятных условий на рабочем месте. Были обработаны и проанализированы результаты проведенного исследования.

В итоге нами была подтверждена гипотеза о том, что утомление медицинского персонала, работающего в неблагоприятных условиях, в течение смены увеличивает показатели психосоматических и психологических жалоб.

На основании исследования мы сформулировали практические рекомендации.

Правильная организация труда и отдыха снизит интенсивность физиологических и психосоматических жалоб. Оптимизация должна выражаться, в первую очередь, в снижении рабочих факторов стресса за счет обеспечения безопасности, создания благоприятного психологического климата и возможности отдыха и восстановления организма.

Важно также научить работников самих справляться со стрессовыми ситуациями с помощью определенных психологических техник. Это позволит снизить напряженность и предупредить последующие негативные состояния.

Литература

1. Баке М.Я. Факторы риска здоровья медицинских работников // Медицина труда и промышленная экология. – 2002. – № 3. – С. 28-33.
2. Березина Т.Н. Альтруистическое поведение и успех в жизни. // Психология и психотехника. – 2011. – № 3 (30). – С. 67-76.
3. Березина Т.Н. Воспитание добра. М.: Спутник+, 2015. – 99 с.
4. Березина Т. Н. Резервные возможности человека. М.: Когито-Центр, 2000. – 112 с.

5. Березина Т.Н. Эмоционально обонятельный язык бессознательных коммуникаций в процессе человеческого общения // Национальный психологический журнал. – 2013. – № 4 (12). – С. 20-30.
6. Вялкова Г.М. Состояние обеспеченности медицинскими кадрами населения Российской Федерации в период 2000-2005 годов // Экономика здравоохранения. – 2006. – №10. – С. 11-13.
7. Катаев И.В., Авраменко В.И., Сальников В.А. Психические состояния, как фактор переносимости нагрузки различной интенсивности // Ученые записки университета им. П.Ф. Лесгафта. – 2017. – № 3. – С. 289-296.
8. Шакирзянова Е., Бубновская О.В. Проблемы диагностики и регулирования утомления как функционального состояния личности // Международный студенческий научный вестник. – 2015. – № 5-2. – С. 237-239.

Психологические особенности речи прокурора в суде

Рязанцева А.А.

Частное образовательное учреждение высшего образования «Московский университет имени С.Ю. Витте» (г. Москва)
Научный руководитель – Харитонов А.С.

При осуществлении уголовного судопроизводства его неотъемлемой частью является государственный обвинитель – прокурор, целью которого является поддержание и отстаивание интересов общества и страны. Под обвинением подразумевается правовая оценка деяний лица, которому вменяется обвинение.

В ходе судопроизводства прокурор осуществляет обвинительную деятельность, направленную на разоблачение лица, совершившего преступление, раскрытие и осуждение обстановки, способствовавшей совершению преступления. Речь государственного обвинителя должна быть

направлена на пути ликвидации причин и условий данного вида преступлений.

В процессе судебного слушания судом прокурор ставит перед собой задачу «раскрытия» личностных пороков преступника, а также его меру антисоциальных наклонностей. Из этого не следует делать вывод, что деятельность государственного обвинителя заключается лишь в обвинительном уклоне. основополагающие его работы и речи в суде состоят из объективности и фактической обоснованности. Прокурор настаивает на судебном преследовании, только если материалами уголовного дела подтверждено совершение преступления. В противном случае, когда следствием не доказаны предъявленные лицу обвинения, государственный обвинитель должен отказаться от содействия по предъявлению обвинения. Обвинительная деятельность прокурора должна соответствовать остальным его обязанностям (Еникеев М.И., 2003).

В обязанности прокурора входит немедленное реагирование на любое нарушение закона, так как его функцией является содействие успешной деятельности суда.

Речь прокурора должна соответствовать конкретным социальным ожиданиям, так как от неё зависит его выступление в суде. Речь должна быть наступательной, но ни в коем случае не стоит путать её с нервозностью и крикливостью. Речь должна быть четкой и грамотной, основанной только на систематизированности конкретных фактов, так как речь прокурора – основа неопровержимых доказательств.

Необходимо выделить критерии речи государственного обвинителя:

- начало (введение);
- пояснение фабулы материалов уголовного дела;
- анализ и оценка доказательств;
- личностная характеристика подсудимого/потерпевшего;
- предложение о мере наказания;
- возмещение ущерба вследствие преступления;
- анализ и пути устранения причин, повлекших за собой

правонарушение;

- заключение.

Задача прокурора «соединить» элементы доказательств и раскрыть их процессуальную допустимость. В том случае, когда обвиняемый не признает за собой совершение преступных деяний, прокурор должен как можно более углубленно изучить доводы обвиняемого и сопоставить их с другими неопровержимыми доказательствами (Еникеев М.И., 2003).

Необходимо обратить внимание, что обвинения, основанные на косвенных доказательствах, требует детального рассмотрения. Цепочка таких доказательств сокрыта и опосредована промежуточными обвинениями. Задача прокурора обличить эти связи.

Для определения особенностей личности обвиняемого и потерпевшего, государственному обвинителю необходимо проявить себя знатоком психологического анализа. При определении личности прокурору необходимо делать акцент не только на десоциализации, но и на её ресоциализацию. «Пройтись за счет подсудимого без сомнения, иногда бывает соблазнительно, особенно в тех случаях, когда обвинитель глубоко убежден в его виновности и возмущен его поступками... но этому соблазну не стоит поддаваться...» (Кони А.Ф., 1967).

Зачастую можно увидеть, как при оценке личности обвиняемого обвинитель использует характеристики, унижающие человеческое достоинство. При оценке личностных качеств прокурору не стоит забывать, что на данный момент перед ним находится лицо, ещё не признанное преступником. Зачастую личность видоизменяется под влиянием жизненных обстоятельств. Обвинителю необходимо делать акцент только на тех личностных особенностях подсудимого, которые способствовали совершению преступления.

Некоторые государственные обвинители неправомерно расширяют обстоятельства, отягчающие ответственность (включая в них противоречивые показания или отказ от показаний), тем самым нарушая закон. В своей речи

прокурору необходимо действовать согласно своему назначению, заключающемуся в осуществлении обвинения от имени государства.

При выступлении обвинителя в суде большое значение принадлежит доведению до судей фактических обстоятельств дела, что в большинстве случаев у многих прокуроров является пересказом событий, закрепленных в деле. Данная необходимость осуществляется только тогда, когда обвинитель настаивает на изменении квалификации состава преступления или возникает несогласие с защитой по фактическим обстоятельствам дела. При разьяснении фактических обстоятельств дела прокурор должен ориентироваться на аналитическую, а не на повествовательную основу. Разбор события преступления обвинителем должен быть нацелен на доказательство того, что преступление было совершено и совершено оно было обвиняемым.

Доказательства должны основываться на правильности выдвигаемого обвинения. Стоит отметить, что такие критерии, как очевидность совершения преступления обвиняемым и признание его вины, не являются для обвинителя поводом для прекращения обязанностей по доказыванию обвинений. Базируясь на совокупности доказательств, у обвинителя складывается внутреннее убеждение в законности выдвинутого им обвинения. В обратном случае ему необходимо отказаться от выдвинутых им обвинений (Еникеев М.И., 2003).

Со стороны защиты прокурору необходимо вести тонкую, психологическую тактику полемики, которая не будет способствовать утрате стратегической позиции прокурора. При разборе ключевых моментов материала дела обвинителю не следует руководствоваться общими убеждениями, указывающими на подтверждение событий в материалах дела. Он обязан проанализировать и дать им свою субъективную и психологическую оценку.

Профессионализм государственного обвинителя отражается не только в его искусстве быть оратором. Так же важно быть мастером в ведении допроса и составлении правильной схемы изучаемого дела, уметь обращать

внимание на присутствующие в нём взаимосвязи и поставить перед собой целенаправленные вопросы – это служит фундаментом речи прокурора. Бессодержательное судебное следствие не может завершиться блестящей речью в судебных прениях.

Литература

1. Еникеев М.И. Юридическая психология. М.: НОРМА, 2003. – 241 с.
2. Кони А.Ф. Собрание сочинений. Т.4. М.: Юрид. лит., 1967. – 126 с.

Психологическое обеспечение восстановления работоспособности в условиях повышенных нагрузок

Темирканова А. Ю.

Московский государственный психолого-педагогический университет
(г. Москва).

Научный руководитель – Березина Т. Н.

В настоящее время множество людей работает в условиях повышенных нагрузок (Денисова Ю.С., 2004). И хотя каждый человек по-разному справляется с ними в силу своих способностей (Березина Т.Н., 2000), в целом можно сказать, что это приводит к снижению работоспособности и продуктивности (Якупова А.А., 2017).

Работоспособность человека характеризуется состоянием здоровья человека, его психическими функциями и нервными процессами, выносливостью и резервами организма (Крушельницкая Я.В., 2003).

Специалисты, работающие в условиях повышенного стресса, имеют более высокие шансы заболеть и у них снижается работоспособность (Leka S., 2004).

Существует множество инструментов для профилактики утомления и снижения уровня стресса, включающие организацию общения (Березина Т.Н.,

2013), аутотренинги и т.д. Одним из новых и многообещающих методов восстановления работоспособности и снижения стресса являются технологии виртуальной реальности (VR) (Pizzoli S., 2019, Березина Т.Н., 2020).

Виртуальная реальность успешно применяется для того, чтобы способствовать расслаблению и избавиться от стресса. Проанализировав литературу, можно найти два главных подхода к достижению этих целей (Pizzoli S., 2019).

Первый подход фокусируется на общей среде, наполненной **расслабляющими** «сценариями», в то время как второй вовлекает пользователя в **активные действия**. Комбинация обоих вмешательств является рекомендуемой и эффективной (Pizzoli S., 2019).

Цель исследования – эмпирически изучить возможность применения VR технологий для снижения утомления и повышения работоспособности лиц, находящихся в условиях повышенных нагрузок (напр., совмещающих работу с учебой).

Методы исследования.

1. Опросник для оценки острого умственного утомления (Леонова А.Б., Савичева Н.Н.). Состоит из 18 утверждений, описывающих признаки утомления. Ответы испытуемых могут быть «да», «да-нет» и «нет».

2. Диагностика ситуативной усталости с помощью теста оптических иллюзий Акиоши Китаока. Состоит из 11 картинок-иллюзий. Чем сильнее степень усталости испытуемого, тем быстрее картинки будут двигаться.

3. Тест «Синдром хронической усталости». Состоит из 12 утверждений – признаков хронической усталости. Ответы «да» и «нет».

4. Методика дифференцированной оценки состояний сниженной работоспособности (ДОРС) А. Б. Леоновой и С. Б. Величковой. Состоит из 40 высказываний, описывающих чувства, которые могут возникнуть во время работы. Содержит 4 шкалы: ИУ утомление, ИМ монотония, ИП пресыщение, ИС стресс.

5. VR-технологии: шлемы виртуальной реальности.

б. Статистические методы: критерий знаков для сопряженных выборок, коэффициент корреляции Пирсона.

Испытуемые: Находящиеся в условиях повышенных нагрузок, (совмещающие работу с учебой) студенты магистратуры. Количество: 30 человек, разделенных на контрольную (15 человек) и экспериментальную (15 человек) группы, 24 женщины и 6 мужчин. Возрастной диапазон: от 22 до 53 лет.

Результаты исследования: Мы провели исследование реакций специалистов после пяти минут использования шлема виртуальной реальности с расслабляющим видеорядом и пяти минут видеоряда, возбуждающего нервную систему.

По результатам сравнительного анализа динамики показателей функционального состояния у испытуемых экспериментальной группы видно, что воздействие методиками виртуальной реальности оказало заметное влияние на показатель утомления у экспериментальной группы, который уменьшился. Также тенденцию к уменьшению значения показывают такие показатели методик, как «Острое умственное утомление», шкала Пресыщения и шкала Стресса. И, согласно критерию знаков, показатель ситуативной усталости и Индекс Монотонии находятся в зоне незначимости, из чего сделан вывод, что воздействие не оказало предполагаемого влияния.

У контрольной группы регистрируется заметное увеличение показателей по шкале Монотония, также тенденция к увеличению следующих показателей: «Острое умственное утомление», Пресыщение и Стресс. Однако по Индексу Утомления мы видим тенденцию к уменьшению (после прослушивания части лекционного занятия) и, как и в случае с экспериментальной группой, показатель «СХУ ситуативная» оказался в зоне незначимости.

Таким образом, воздействие технологиями виртуальной реальности повышает тенденцию к восстановлению работоспособности.

Также был проведен корреляционный анализ, в результате которого стало ясно, что взаимосвязь между синдромом хронической усталости и показателями остальных методик ослабевает после воздействия виртуальной реальностью, в то время как без воздействия взаимосвязь усиливается.

Данные показатели можно интерпретировать следующим образом. Шлемы виртуальной реальности воздействуют на зрительное, слуховое и телесное восприятие. Это позволяет глубоко погрузиться в искусственный мир, что открывает множество возможностей для тренингов и релаксации. Именно поэтому, на наш взгляд, VR-технологии можно рассматривать как весьма многообещающие психологические методы обеспечения восстановления работоспособности.

Благодарности: Автор благодарит научного руководителя, Березину Т.Н.

Литература

1. Березина Т.Н., Бузанов К.Э., Фатьянов Г.В. Позитивная психология виртуальности как направление оптимизации функциональных состояний человека-оператора// Человеческий капитал. – 2020. – № 1 (133). – С.125-138.
2. Березина Т.Н. Резервные возможности человека. М.: Когито-Центр, 2000. – 266 с.
3. Березина Т.Н. Эмоциональнообонятельный язык бессознательных коммуникаций в процессе человеческого общения // Национальный психологический журнал. – 2013. – № 4 (12). – С. 20-30.
4. Денисова Ю.С., Трудовые перегрузки как тенденция в рабочем процессе // Социологические исследования. – 2004. – № 5. – С. 100 -107.
5. Крушельницкая Я. В. Физиология и психология труда. М.: Финансы и статистика, 2003. – 367 с.
6. Якупова А. А. Проблемы восстановления работоспособности персонала в условиях повышенных эмоциональных нагрузок // Научный журнал. – 2017. – №8 (21). – С. 41-49.

7. Leka S., Griffiths A., Cox T. Work organization and stress: systematic problem approaches for employers, managers and trade union representatives 2004. p. 27.

8. Pizzoli S., Mazzocco K., Triberti S., Monzani D., Raya M., and Pravettoni G., User-Centered Virtual Reality for Promoting Relaxation: An Innovative Approach, 2019.

**Связь уровня психологического стресса и склонности к
отклоняющемуся поведению у лиц юношеского возраста, проходящих
срочную службу в армии**

Чеботарева А.Э.

Московский Государственный психолого-педагогический университет
(г. Москва)

Научный руководитель – Коноплева И.Н.

Обязательная военная служба в Вооруженных Силах РФ является специфической средой не только бытовой, повседневной жизни, но и коммуникации, в особенности для юношеского возраста. Физическая нагрузка, дисциплина, подчинение, разлука с близкими и однополый круг общения, с которым человек обязан коммуницировать на протяжении года влечет за собой психологическую нагрузку (Бодров В.А., 2006, с. 14-15). Юношеский возраст особенен не только своими физиологическими изменениями, но и психологическими в особенности, формированием жизненных установок, принципов и профессиональной идентичности, желанием примерять на себя разные социальные роли (Крайг Г., 2000).

Служба в армии становится, в определенном смысле, фактором риска, который может провоцировать не только психологический стресс, но и поведенческие изменения (Караяни А.Г., 2006, с. 92). В данной работе психологический стресс определяется как естественное состояние

психического напряжения, вследствие адаптации к новым условиям (Lazarus R.S., 1966). Отклоняющее поведение будет рассматриваться как устойчивое поведение личности, отклоняющееся от социальных норм, причиняющее реальный ущерб обществу или самому себе, а также сопровождающееся социальной дезадаптацией (Кондрашенко В.Т., 1988). То есть рассматриваются такие формы, как нонконформизм, склонность к риску, импульсивность, агрессивность, склонность к делинквентному поведению, склонность к аддиктивному поведению (Личко А.Е., 1983). Также, проанализировав работы Ю.В. Ключко, Г.В. Зелевской, В.Н. Бородиной о связи склонности к отклоняющемуся поведению и локуса контроля, рассмотрим влияние активного формирования личностных ориентиров на склонность к отклоняющему поведению в условиях военной службы (Бородин В.Н., 2011).

Цель нашей работы – изучить связь уровня психологического стресса и склонности к отклоняющемуся поведению у лиц юношеского возраста, проходящих срочную службу в армии.

Объект исследования – личностные особенности лиц юношеского возраста.

Предмет исследования – уровень психологического стресса и склонность к отклоняющему поведению.

Мы предположили, что существует связь уровня психологического стресса и склонности к отклоняющемуся поведению у лиц юношеского возраста, проходящих срочную службу в армии.

Используемые методики: Определение склонности к отклоняющемуся поведению, автор А.Н.Орел (Клейберг Ю.А., 2004). Оценка субъективной локализации контроля над значимыми событиями, модификация Е.Г. Ксенофонтовой (Ксенофонтова Е.Г., 1999), Шкала психологического стресса PSM-25 (Водопьянова Н.Е., 2010).

В исследование приняло участие 84 респондента. Главный критерий включения в выборку – только военнослужащие, проходящие срочную службу

в армии. В группу вошли юноши от 18 до 23 лет. В экспериментальную группу вошли солдаты со сроком службы до 1-ого месяца, ее численность составила 41 человек; в контрольную группу – свыше 1-ого месяца, численностью 43 человека.

Результаты и обсуждение

Проанализировав результаты по каждой из методик, можно сделать вывод, что в целом военнослужащие, проходящие срочную службу в армии, обладают хорошим уровнем адаптации и социализации к новым условиям среды, для них это не несет сильных эмоциональных потрясений. Также не было выявлено склонности к отклоняющему поведению, но наблюдается тенденция к увеличению уровня склонности, особенно по таким шкалам как агрессивность, импульсивность и склонность к деликвентному поведению с увеличением срока службы, что может говорить о внутреннем напряжении. Также солдаты имеют средний уровень показателя интернальности, что говорит о пассивном желании брать ответственность за свою жизнь. С увеличением срока службы тенденции к увеличению интернальности не наблюдается, то есть военная подготовка не влияет на развитие чувства ответственности у юношей.

В ходе корреляционного анализа с помощью критерия Спирмена были выделены несколько значимых связей в каждой из групп.

Военнослужащие обеих групп имеют значимые (на уровне $p < 0,01$) положительные связи между шкалами: уровнем стресса и общей интернальности (1 группа коэффициент корреляции - 0,99; 2 группа - 0,99), склонности к аддиктивному поведению (1 - 0,92; 2 - 0,99), агрессивности (1 - 0,99; 2 - 0,99), импульсивности (1 - 0,98; 2 - 0,99), нонкомформизма (1 - 0,98; 2 - 0,99), склонностью к риску (1 - 0,99; 2 - 0,99), делинквентному поведению (1 - 0,99; 2 - 0,99).

В обеих группах наблюдается положительная связь (на уровне $p < 0,01$) между шкалами: общей интернальности и склонности к аддиктивному поведению (1 - 0,99; 2 - 0,99), агрессивности (1 - 0,98; 2 - 0,99), импульсивности

(1 - 0,98; 2 - 0,98), нонкомформизма (1 - 0,98; 2 - 0,99), склонностью к риску (1 - 0,99; 2 - 0,99), делинквентному поведению (1 - 0,99; 2 - 0,99).

Следовательно, военнослужащие имеют прямую связь между уровнем психологического стресса и уровнем склонности к отклоняющему поведению. То есть, чем у солдат выше уровень психологического стресса, тем выше склонность к отклоняющему поведению. Также с увеличением уровня интернальности склонность к отклоняющему поведению увеличивается. Данный вывод противоречит работам Ю.В. Ключко, Г.В. Зелевского, В.Н. Бородиной. Возможно, это связано со специфической окружающей среды. Жесткая дисциплинарная среда для юношеского возраста, у которого активно формируются жизненные принципы и ценности, может вызывать внутриличностный конфликт, а из-за полного подчинения и зависимости от старших по званию желание проявить себя и управлять своей жизнью преобладает, а из-за невозможности исполнения проявляется склонность к отклоняющему поведению.

Существует связь между уровнем психологического стресса и склонностью к отклоняющемуся поведению, и общей интернальностью. Значимых различий по двум группам не обнаружено (Т-критерий для независимых переменных). Следовательно, солдаты не могут контролировать происходящее с ними, а в данный возрастной период идет активное формирование жизненных принципов, то есть интернальности, и новые специфические условия жизни напрямую воздействуют на внутреннее состояние молодых людей, провоцируя асоциальные формы поведения.

Военнослужащие не имеют значимых различий личностных особенностей, но наблюдается тенденция к увеличению уровня склонности к отклоняющемуся поведению, возможно, из-за специфических жестко дисциплинированных условиях жизни и невозможности брать ответственность за свои действия, что провоцирует внутриличностный конфликт и внутреннее напряжение. Чтобы справиться со своими внутренними переживаниями и почувствовать свободу в своих действиях,

военнослужащие склонны находить выход в асоциальных формах поведения. Также тенденция к увеличению уровня склонности к отклоняющемуся поведению может проявляться из-за возрастных особенностей, влияющих на активное формирование жизненных принципов и ценностей: среда, которая не позволяет проявлять инициатив, а если солдат решает сделать что-то без приказа, следует наказание, например, «непопулярная» работа и т.д. Во избежание наказания молодые люди выбирают позицию жить «по уставу», что приводит к нонконформизму и смещению или торможению в формировании интернальности, что вызывает внутреннее напряжение, которое провоцирует проявление отклоняющегося поведения. Но при этом существует тенденция к снижению уровня психологического стресса на протяжении военной службы. Так как в первый месяц с новобранцами ведется плотная психологическая работа, молодые люди находятся на КМБ (курс молодого бойца) в отдельном здании, где они находятся под присмотром военных психологов. Данный феномен тормозит проявления отклоняющегося поведения.

Литература

1. Бодров В.А. Психологический стресс: развитие и преодоление. М.: ПЕР СЭ, 2006. – 528 с.
2. Бородина В.Н. Изучение личностной обусловленности девиантного поведения на примере военнослужащих по призыву/ Мир науки, культуры, образования. 2– 011. – № 5 (30). – С. 113-115.
3. Водопьянова Н.Е. Психодиагностика стресса: Практикум. – СПб., 2010. – С. 41-44.
4. Караяни А.Г. Прикладная военная психология. – СПб.: Питер, 2006. – 480 с.
5. Ключко В.Е. Самоорганизация в психологических системах: проблемы становления ментального пространства личности (введение в транспективный анализ. – Томск: Томский государственный университет, 2005. – 174 с.

6. Кондрашенко В.Т. Девиантное поведение подростков: Социально психологические и психиатрические аспекты - Минск: Беларусь, 1988. – 265 с.
7. Конституция Российской Федерации: Энциклопедический словарь / Авт. коллектив: В. А. Туманов, В. Е. Чиркин, Ю. А. Юдин; Руководитель авт. коллектива С. М. Шахрай. — 2-е изд., перераб. и доп. В. А. Тумановым. — М.: Большая российская энциклопедия: Юристъ, 1997. – 320 с.
8. Крайг Г. Психология развития. – СПб.: Изд. “Питер”, 2000. – 992 с.
9. Ксенофонтова Е. Г. Исследование локализации контроля личности – новая версия методики «Уровень субъективного контроля». – Психологический журнал. – 1999. – Том 20. – № 2. – С. 103–114.
10. Определение склонности к отклоняющемуся поведению (А.Н. Орел) / Клейберг Ю.А. Социальная психология девиантного поведения: учебное пособие для вузов. – М., 2004. – С.141-154.
11. Психопатии и акцентуации характера у подростков : монография / А.Е. Личко. – Издание 2-е, дополненное и переработанное. – Л.: Медицина, 1983. – 255 с.
12. Lazarus, R.S. Psychological stress and the coping process. New York: McGraw-Hill, 1966. С. 179.

СУДЕБНАЯ И КЛИНИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ В ЮРИДИЧЕСКОМ КОНТЕКСТЕ

Клинические, социально-психологические и гендерные особенности детоубийств

Гусева Е.Е.

Московский государственный психолого-педагогический
университет (г. Москва)

Научный руководитель – Русаковская О.А.

Сравнивая детоубийства, совершённые отцами и матерями, Н. Friedman (2005) с соавторами получили данные, что у матерей мотивы детоубийств в большинстве случаев альтруистические или остро психотические, к тому же, 72% женщин испытывали значительное влияние стресса. Отцы, совершившие детоубийство, во многих случаях злоупотребляли психоактивными веществами, являлись неквалифицированными или низкоквалифицированными сотрудниками низкооплачиваемых профессий. Со случаями убийства ребёнка отцом были сопряжены случаи бытового насилия, попытки самоубийства. 64% отцов имели психические расстройства, 25% совершили насилие над детьми, которое привело к смерти, 4% совершили убийство по мотивам мести.

Согласно финскому исследованию (Kauppi A., Kumpulainen K., Karkola K., Vanamo T., Merikanto J., 2010), большая часть детоубийств была совершена матерями (59%), меньшая – отцами (38%) и реже всего – отчимами (2%). Психиатрический диагноз имелся у 55% матерей и 74% отцов. Психотическое состояние выявили у 51% матерей и 20% отцов, расстройство личности, осложнённое алкоголизмом или депрессией, у 41% матерей и 67% отцов. Коэффициент интеллекта (IQ) ниже 80 выявлен у 3

матерей и 1 отца. Физическое насилие до совершения убийства отмечалось в 21% случаев со стороны матерей, в 17% со стороны отцов.

Л.С. Сатьянова и В.В. Русина, исследуя женщин, совершивших детоубийство, пришли к выводу о значительном влиянии на совершение общественно опасных действий психопатологических механизмов, расстройств с психотическими состояниями, органического расстройства личности, а также аутоагрессии, нестабильности психосоматического состояния (Сатьянова Л.С., 2011; Русина В.В., 2012).

Нами были проанализированы заключения судебно-психиатрических экспертиз в отношении 10 матерей и 10 отцов, совершивших детоубийство. Эмпирический анализ данных показал отсутствие принципиальных различий между группой отцов и матерей. Значимые различия были выявлены лишь по 2 шкалам: наличие супруга (в группе отцов на 50% больше испытуемых состояли в браке, по сравнению с группой матерей) и по шкале инфантильности (в группе отцов данный показатель равен 0, тогда как в группе матерей он составил 30%).

В обеих группах среди индивидуально-психологических особенностей чаще всего были обнаружены изменения эмоциональной сферы: эмоциональная неустойчивость, либо эмоциональное оскудение; а также ригидность, демонстративность, эгоцентризм, личностная незрелость, недостаточная развитость навыков конструктивного разрешения проблем в сфере межличностных отношений, сниженный фон настроения. Менее всего среди рассмотренных индивидуально-психологических особенностей выражены инфантильность и импульсивность.

Среди социальных факторов обратил на себя внимание тот факт, что практически никто из испытуемых ранее не состоял на учёте в комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав (КДНиЗП), подразделений по делам несовершеннолетних, в органах опеки и попечительства (0% в мужской выборке и 10% в женской), у психиатра (30% и 10% соответственно), у нарколога (10% и 0%). Социально дезадаптированы были

30% отцов и 40% матерей. Материальные трудности испытывали половина испытуемых – 50% отцов и 60% матерей. Больше половины испытуемых помимо детей, ставших жертвой преступления, имели других детей – 70% отцов и 60% матерей. Наличие помогающих родственников было отмечено у 50% отцов и 30% матерей. Практически никто из испытуемых не воспитывался в детских домах или интернатах – 0% среди отцов и 10% (1 испытуемая) среди матерей. К уголовной либо административной ответственности ранее привлекались половина отцов – 50% и 30% матерей. Наличие гармоничных, бесконфликтных отношений в семье отмечалось у 30% отцов и 50% матерей. 40% отцов и 50% матерей, то есть, практически половина испытуемых, в детстве пережили развод родителей. Больше половины отцов (60%) имели работу, среди матерей работали 30%. Практически никто из испытуемых не сталкивался в детстве с жестоким обращением в семье – 0% отцов и 10% матерей.

В группе мужчин преобладают испытуемые, которые не могли полностью осознавать общественную опасность своих действий и руководить ими, они составляют 50% выборки. При этом, лишь 2 из выборки мужчин ранее состояли на учёте у психиатра, у всех остальных (8 человек) заболевание было диагностировано впервые в ходе судебно-психиатрической экспертизы, что указывает на недостаток профилактических мероприятий в социальных институтах.

В женской выборке преобладали женщины, которые могли полностью осознавать характер и общественную опасность своих действий, а также руководить ими (60%). Ранее на учёте у психиатра наблюдалась лишь 1 женщина, что так же указывает на недостаток профилактических мероприятий: у всех остальных женщин заболевание было диагностировано впервые. Такие социальные факторы, как социальная дезадаптация, наличие материальных трудностей, привлечение ранее к административной или уголовной ответственности преобладают в группе женщин, которые могли полностью осознавать характер и общественную опасность своих действий,

а так же руководить ими. На учёте в КДНиЗП ранее состояла лишь одна женщина.

Как правило, в группе подэкспертных, которые могли полностью осознавать характер и общественную опасность своих действий и руководить ими, ведущими оказываются социально-психологические факторы, тогда как в группе подэкспертных, которые не могут полностью осознавать характер и общественную опасность своих действий, а также руководить ими, преобладает влияние клинических факторов.

Из приведённых данных можно сделать вывод, что отсутствуют профилактические мероприятия, которые бы позволяли выявлять на ранних стадиях родителей с психическими заболеваниями, тем самым, вероятно, предотвращая совершение ими общественно опасных действий. В первую очередь с родителями контактируют сотрудники детских дошкольных учреждений, досуговых объединений, школ, медицинских учреждений, а именно: воспитатели, учителя, классные руководители, участковые педиатры и другие специалисты. Более внимательное отношение с их стороны, поддержание контакта с родителями воспитанников и пациентов могли бы помочь на более ранних стадиях выявить факторы риска в семье, предложить помощь, принять необходимые меры.

Литература

1. Русина В.В. Клинико-социальные характеристики женщин с психическими расстройствами, совершивших агрессивные противоправные действия в отношении своих детей // Обозрение психиатрии и медицинской психологии. – 2012. – № 2 [Электронный ресурс]. – URL: http://psychiatr.ru/files/magazines/2012_06_obozr_234.pdf (дата обращения: 26.04.2020).

2. Русаковская О.А., Сатьянова Л.С. Отцы, совершившие детоубийство // Судебная психиатрия: современные проблемы теории и практики: материалы научно-практической конференции с международным

участием под ред. Е.В. Макушкина, Г.А. Фастовцова / Изд. НМИЦП им. Сербского, М., 2018 – С. 136-138.

3. Сатьянова Л.С. Психические расстройства у женщин, совершивших агрессивные правонарушения в отношении своих несовершеннолетних детей (клинический и судебно-психиатрический аспекты): автореф. дис. ... канд. мед. наук. – М., 2011. – 15 с.

4. Anne Kauppi, MD, Kirsti Kumpulainen, PhD, Kari Karkola, PhD, Tuija Vanamo, MA, and Juhani Merikanto, PhD - Maternal and Paternal Filicides: A Retrospective Review of Filicides in Finland - The Journal of the American Academy of Psychiatry and the Law- Volume 38, Number 2, 2010 с 229-237.

5. Hatters Friedman S, McCue Horowitz S, Resnick PJ: Child murder by mothers: a critical analysis of the current state of knowledge and a research agenda. AmJPsychiatry 162:1578 87, 2005.

6. McKee G.R., Shea S.J. Maternal filicide: A cross-national comparison\\ Journal of Clinical Psychology. – 1998. – Vol.54. – pp. 679-687.

К вопросу о направленности мотивационно-потребностной сферы личности при алкоголизме

Ефремова У.Е.

Московский государственный психолого-педагогический университет
(г. Москва)

Научный руководитель – Луковцева З.В.

До сих пор остается недостаточно раскрытым вопрос о механизмах действия мотивационных образований, побуждающих больных к злоупотреблению алкоголем. Классические исследования Б.С. Братуся продемонстрировали, что в ходе развития алкоголизма постепенно разрушается иерархия мотивов, сложившаяся до болезни, причем эта

перестройка сопровождается борьбой мотивов (Братусь Б.С., 1988). Наибольшая острота этой борьбы наблюдается на первых этапах формирования зависимости, далее ведущая мотивация уже устойчиво связывается с употреблением алкоголя. В конечном счёте нарастающие изменения иерархии личностных интересов и ценностей приводят к созданию новой (уже патологической) системы смысло-жизненных ориентаций (Дереча В.А., 2002).

Современные представления о мотивационно-потребностной сфере человека позволяют выделить такие типы направленности, как социальная и асоциальная (Васильев Я.В., Каневский В.И., 2018.). *Социальный тип* говорит о положительном отношении личности к обществу, о том, что ей свойственно вести себя в соответствии с установленными нормами. Дополнительно можно выделить два вида социальной направленности: гуманистический (с положительным самоотношением) и депрессивный (противоположный, характеризующийся неприятием себя). *Асоциальный тип*, соответственно, может быть представлен как эгоистический, которому свойственно положительное самоотношение, и суицидальный, характеризующийся негативным отношением как к себе, так и людям вокруг (Кириенко А. А., 2013).

В исследовании использовались такие методики, как «Мотивация потребления алкоголя» (Завьялов В.Ю., 1986), «Смысло-жизненные ориентации» (Леонтьев Д.А., 2000) «Направленность личности» (Шукевич Я.В., 2015) и Тест для выявления расстройств, обусловленных употреблением алкоголя (AUDIT) (Всемирная организация здравоохранения, 2000)).

База исследования: Психиатрическая клиническая больница №4 им. П.Б. Ганнушкина и Психиатрический стационар им. В.А. Гиляровского. Выборка состояла из 15 пациентов, находящихся на лечении с диагнозом «Хронический алкоголизм», а также 15 психически здоровых испытуемых (группа сравнения). Для минимизации влияния возрастного фактора на

исследуемые характеристики мотивационно-потребностной сферы из числа потенциальных испытуемых исключались лица моложе 25 лет и старше 50 лет.

В результате исследования удалось выявить, что:

1. Мотивационно-потребностная сфера лиц с алкоголизмом не отличается от таковой в норме по степени сложности системы смысложизненных ориентаций.

2. Направленность мотивационно-потребностной сферы личности при алкоголизме не имеет статистически значимых отличий от нормативной, однако при качественном анализе обнаруживает признаки асоциальности (поведенчески это проявляется в конфликтности и агрессивности).

Отличительной личностной характеристикой пациентов с алкоголизмом является тенденция к утрате веры в свои силы и снижению уровня удовлетворенности своей жизнью.

Таким образом, направленностью личности определяются вектор поведения человека, восприятие жизни, постановка целей и т.д. Если в норме этот вектор направлен на достижение определенных жизненных целей, то при алкоголизме – напротив, в сторону употребления алкоголя, ведь соответствующая потребность становится смыслообразующей. Таким образом, здесь мы можем говорить скорее о качественных изменениях направленности личности, чем об упрощении системы мотивов. Направленность личности отражается и на поведении; обладатели асоциальной направленности проявляют сравнительно более агрессивное и девиантное поведение. Это в целом справедливо и для лиц с алкоголизмом. Однако сказанное вовсе не означает, что представители данной нозологической группы ни в каком случае не могут иметь социального характера личности. Наоборот, данные статистики свидетельствуют об отсутствии различий в направленности мотивационно-потребностной сферы психически здоровых лиц и лиц с алкоголизмом. Вероятно, здесь можно искать ответ на вопрос о личностных особенностях, которые способны

служить не только мишенями, но и ресурсами реабилитационного воздействия при алкоголизме.

Литература

1. Братусь Б.С. Аномалии личности. – М.: Мысль, 1988. – 301с.
2. Васильев Я.В., Каневский В.И. Целевая направленность и саморазвитие личности. – *Studia Humanitatis*. – 2018. – №2. – С. 10-14.
3. Востриков В.Е., К. Е. Зеленцов, О. В. Майорова, М. В. Востриков / Методы диагностики алкогольной зависимости. Ленинградский областной наркологический диспансер, Новое Девяткино Ленинградской области; Военно-медицинская академия им. С. М. Кирова, Санкт-Петербург, 2008. – 27с.
4. Завьялов В.Ю. Мотивация потребления алкоголя у больных алкоголизмом и у здоровых // *Психологический журнал*. – 1986. – № 5. – С. 102-111.
5. Дереча В.А. Экзистенциально- гуманистические свойства личности как сущностная ее характеристика// Юбилейная научно - практическая конференция, посвященная 10 - летию факультета мед.психологии СамГМУ. Самара, 2002. С. 26-29.
6. Завьялов, В. Ю. Психологические аспекты формирования алкогольной зависимости / Новосибирск: Наука, 1988. С. 164–183.
7. Кириенко А. А. Асоциальная направленность личности: определение понятия, характеристика, классификация // *Молодой ученый*. – 2013. – №3. – С. 433-438. – URL <https://moluch.ru/archive/50/6093/> (дата обращения: 23.02.2020).
8. Леонтьев Д.А. Тест смысложизненных ориентации (СЖО). 2-е изд. –М.: Смысл, 2000. – 18 с.
9. Леонтьев Д.А. Понятие мотива у А.Н. Леонтьева и проблема качества мотивации. // *Вестник Московского Университета. Серия 14. – Психология*. – 2016. – №2 – С.3-18.

10. Успенская О.А., Шевченко Е.А., Потеемина А.А. Алкоголизм как фактор развития и распространения заболеваний (обзор литературы) // Вестник новых медицинских технологий. Электронное издание. – 2015. – №1. Публикация №3-1. URL: <http://www.medtsu.tula.ru/VNMT/Bulletin/E2015-1/5060.pdf> (дата обращения: 28.01.2020).

11. Шукевич Я.В. Методика для диагностики направленности личности // Вестник Самарской гуманитарной академии. – 2015. – № 2(6) – С. 151 – 163.

12. «The Alcohol Use Disorders Identification Test: guidelines for use in primary care, AUDIT, second edition». Женева, Всемирная организация здравоохранения, 2000.

Психокоррекция когнитивных процессов методом тренинга саморегуляции у мужчин с алкогольной зависимостью

Лановая А.М.

Московский государственный психолого-педагогический университет

(г. Москва)

Научный руководитель – Власова Н.В.

В настоящее время происходят глобальные изменения в экономической, политической и духовной сферах нашей жизни, это не может не влиять на человека как единицу социума. Одним из последствий зачастую становится формирование разных видов зависимостей, которое в свою очередь усугубляет внешние проблемы, с которыми сталкивается человек, лишает его возможности обретения благополучия и достойного уровня жизни.

На сегодняшний день одним из самых распространённых видов зависимости остается алкогольная. Данные Генеральной прокуратуры показывают, что около 30% преступлений совершено в состоянии алкогольного опьянения (Линделл Д., 2019). Делинквентное поведение

личности под воздействием данного психоактивного вещества отличается повышенной агрессией и утерей самоконтроля. Также немаловажно отметить, что по последним данным в 2018 году алкоголь стал причиной смерти около 49 тысяч человек (Федеральная служба государственной статистики, 2020).

Всесторонняя психологическая деятельность и вовлеченность в нее больных – залог избавления пациентов от аддикции. Психокоррекции когнитивных процессов и процессов саморегуляции уделяется большое внимание при проведении групповой и индивидуальной психологической деятельности в наркологии. Психологический тренинг является одной из наиболее популярных форм групповой работы, поэтому его комплексная разработка и грамотное проведение могут помочь выполнить сразу несколько видов задач при работе с алкогольными зависимыми.

Цель нашего исследования состояла в проведении психологической коррекции когнитивных процессов методом тренинга саморегуляции у мужчин с алкогольной зависимостью.

Гипотезой исследования выступает предположение о том, что у мужчин с алкогольной зависимостью, участвующих в тренинге саморегуляции, когнитивные процессы к концу психокоррекционной работы будут обладать более высоким уровнем по сравнению с показателями мужчин, не участвующих в тренинге.

В ходе эмпирического исследования нами было проведено сравнение функционирования когнитивных процессов в экспериментальной и контрольной группах на констатирующем и контрольном этапах эксперимента.

Выборку составили пациенты наркологического отделения и отделения медико-социальной реабилитации Наркологической клиники ННЦН – филиала ФГБУ «НМИЦ ПН» им. В. П. Сербского Минздрава России. Средний возраст респондентов составил $40,6 \pm 7$ лет ($N=51$), установлен диагноз F10.2 «Психические и поведенческие расстройства, вызванные употреблением алкоголя. Синдром зависимости» (МКБ-10), II стадия. Из всех участников

исследования 47% имеют неоконченное высшее образование, 29% оконченное высшее и 24% - среднее специальное. Пациенты, вошедшие в экспериментальную группу (N=20), приняли участие в разработанном тренинге саморегуляции. В контрольную группу вошли пациенты (N=31), которые не участвовали в тренинговой программе, но получали стандартную психологическую помощь на базе наркологического центра.

Для исследования особенностей когнитивной сферы были использованы следующие методы и методики: корректурная проба; субтест «Числовые ряды» из теста интеллекта Векслера; навык письма. Для обработки данных использовался статистический критерий проверки гипотез в пакете SPSS: непараметрический критерий Вилкоксона для двух связанных выборок (данные выборки не имеют нормального распределения, согласно критерию Колмогорова-Смирнова, $p \leq 0,05$).

По результатам проведенного исследования было выявлено, что в экспериментальной группе после психологического воздействия произошли статически достоверные различия на констатирующем и контрольном этапах эксперимента ($p \leq 0.05$) в точности выполнения методики «Корректурная проба» (7 положительных рангов, 0 отрицательных, 13 совпадающих наблюдений): повысилась устойчивость внимания и общая психическая работоспособность, снизилась утомляемость. Также статически значимые различия ($p \leq 0.05$) наблюдаются по субтесту «Числовые ряды»: пациенты показали гораздо более высокие показатели при исследовании кратковременной и рабочей памяти, что подтверждает результаты корректурной пробы о повышении концентрации внимания в экспериментальной группе. Данные изменения можно связать с тем, что в таких психических процессах, как память и внимание, большое значение играет произвольность, на повышение которой и был направлен тренинг саморегуляции. В контрольной группе отчетливо прослеживается тенденция к повышению устойчивости внимания ($p = 0,049$, $p \leq 0.05$). А именно, повысилась точность выполнения корректурной пробы у 8 человек, у 23

осталась без изменений. Данная разница в изменениях по группам подчёркивает значение компонентов саморегуляции в работе когнитивных процессов.

В экспериментальной группе произошли улучшения по общей шкале методики исследования навыка письма, включая критерии дисграфии и смысловое запоминание ($p \leq 0.05$, 11 положительных рангов, 1 отрицательный). При выполнении методики задействуются память, внимание и письменная речь, при этом совместно функционируют слуховой, зрительный и двигательный анализаторы. В связи с этим можно говорить об улучшении таких процессов, как смысловое запоминание, устойчивость и концентрация внимания, что подтверждает результаты других методик.

В контрольной группе особенно стоит отметить статистически значимые различия ($p \leq 0.05$) по критерию «Смысловое запоминание» (10 положительных рангов, 3 отрицательных, 18 совпадающих наблюдений). Так, при выполнении задания испытуемые допустили значительно меньше ошибок, связанных с запоминанием смысловых конструкций, что говорит о повышении устойчивости внимания. Это также положительно характеризует коррекционные программы находящихся на стационарном лечении пациентов.

Таким образом, гипотеза исследования подтвердилась. В экспериментальной группе повысилась устойчивость внимания и общая психическая работоспособность, снизилась утомляемость. Участники тренинга показали более высокие показатели при исследовании кратковременной и рабочей памяти. Повысились показатели динамических и содержательных компонентов гностических функций, улучшилось состояние процессов смыслового запоминания.

Основываясь на результатах проведенного эмпирического исследования, были предложены рекомендации по психологической коррекции алкогольной зависимости. Участие в психокоррекционной программе должно позволить зависимому от алкоголя занять активную

личностную позицию; развить способности к рефлексии; проанализировать свой жизненный путь, его уникальность, с одной стороны, и трудности и проблемы, схожие с ситуацией других участников, с другой стороны; найти эмоциональную поддержку в лице ведущего программы и других участников; приобрести новые практические знания об эффективных способах контроля своего эмоционального состояния, разделить уровни ответственности:

- индивидуально-личностный, как алкогольного зависимого,
- специалиста наркологического центра,
- значимых для зависимого близких.

Литература

1. Линделл Д. Где и как умирают в России от пьянства. – 2019г. [Электронный ресурс]. РИА Новости. Режим доступа: URL: <https://www.rbc.ru/society/08/10/2019/5d920ff29a79472fec0ff4bc>. (дата обращения: 29.04.20).].
2. Федеральная служба государственной статистики [электронный ресурс]: сайт Федеральной службы государственной статистики. – 2020. – Дата обновления: 05.02.2020. – URL: <https://rosinfostat.ru/smernost/> (дата обращения: 25.02.2020).

Критерии распознавания лжи в вербальном сообщении

Нигматуллина А.А.

Московский государственный психолого-педагогический университет
(г. Москва)

Научный руководитель – Бовина И.Б.

Введение

Актуальность данной темы определяется необходимостью апробации зарубежных методов исследования с целью пополнения теоретического и

эмпирического материала для отечественных исследований вербальных маркеров лжи (Енгальчев В.Ф., Кравцова Г.К., Холопова Е.Н., 2016). Также существует потребность в обновлении знаний в данной области науки и практики, так как критерии распознавания лжи находятся в динамике, то есть постоянно обновляются и развиваются благодаря тому, что человеческая психика подвижна и подстраивается к изменяющимся условиям среды (Егоров Д.М., 2015).

Целью данного исследования является выявление психолингвистических критериев, указывающих на ложь в свидетельских показаниях.

В рамках данного исследования была выдвинута следующая **гипотеза**: в отечественной выборке будут наблюдаться не только экстралингвистические маркеры лжи (паузы, междометия), как в зарубежной, но и содержательные (более краткое/подробное изложение деталей происшествия, ошибки в словах).

Научная новизна исследования заключается в предоставлении актуальных данных о критериях распознавания лжи, а также в результате данного исследования проведен сравнительный анализ между выявленными маркерами лжи в отечественной и зарубежной практике.

Процедура эксперимента

Исследование проводилось на базе ФГБОУ ВО МГППУ. В нем приняли участие 60 респондентов, имеющих психологическое образование или обучающихся на психологических факультетах: 54 женщины и 6 мужчин в возрасте от 18 до 50 лет. Из них экспериментальную группу составили 30 респондентов, говорящих ложь, остальные 30 вошли в контрольную группу, где им необходимо было сказать правду.

Для выявления критериев лжи был проведен эксперимент, основанный на ранее проведенном исследовании английских психологов из Портсмутского университета, описанного в статье «Detecting Deceit via

Analysis of Verbal and Nonverbal Behavior» (Vrij O., Edward K., Kim P. Roberts K. P., Bull R., 2000).

Во время эксперимента респонденты были разделены на 2 группы: лжецы и говорящие правду.

Каждому из студентов индивидуально предъявлялось видео с правонарушением, после просмотра которого им было необходимо дать показания об увиденном в соответствии с ролью, которую они получили от экспериментатора. Все показания фиксировались на видео - или аудионосители. Во время дачи показаний респондентам задавали три вопроса:

1. Что делал преступник?
2. Что делала потерпевшая?
3. Что делали люди вокруг?

Для качественной и количественной обработки полученных вербальных сообщений нами был использован метод контент-анализа. Для контент-анализа нами был разработан категориальный аппарат, который соответствует цели и задачам данного исследования.

Эмпирическими индикаторами категорий контент-анализа выступили словосочетания. Были определены пять категорий и четырнадцать подкатегорий:

- 1) экстралингвистический компонент: хезитации (паузы), междометия, повторы;
- 2) синтаксический компонент: незавершенные фразы, несогласованность слов;
- 3) просодический компонент: повышение тембра голоса, понижение тембра голоса, ускорение темпа речи, замедление темпа речи, без изменений;
- 4) содержательный компонент: дополнительные детали, краткое изложение;
- 5) психологический компонент: атрибуция психологического состояния участникам происшествия, субъективная оценка происходящего.

Результаты исследования и их обсуждение

Самой часто встречаемой подкатегорией в экспериментальной и контрольной группах была подкатегория «Междометия» (35,71% и 32,53%). Как самую редко встречаемую подкатеорию в обеих группах можно выделить «Завершенные фразы» (1,43% и 1,72%).

По результатам ϕ - углового преобразования Фишера выделяются такие значимые критерии лжи, как «паузы» ($\phi=3,56$, $p=0,0002$), «незавершенные фразы» ($\phi =4,429$, $p=0,01$), «несогласованность слов» ($\phi=4,429$, $p=0,01$), «повышение тембра голоса» ($\phi=4,419$, $p=0,01$), «ускорение и замедление темпа речи» ($\phi=3,528$, $p=0,01$) , описание «дополнительных деталей» ($\phi=2,342$, $p=0,01$) или наоборот «краткое изложение» событий ($\phi=3,555$, $p=0,0002$), «атрибуция психологического состояния участникам происшествия» ($\phi=3,039$, $p=0,0012$), «субъективная оценка происходящего» ($\phi=2,653$, $p=0,004$).

В выявленных критериях прослеживается неоднозначность вербальных реакций, проявляющихся при сообщении недостоверной информации. У испытуемых в экспериментальной выборке наблюдается снижение и ускорение темпа речи, что может быть связано с разными типами нервной системы, а также возбудимостью и тормозимостью нервных реакций в ответ на стрессор, в нашем случае ситуацию допроса (Фрай, О., 2005).

Наличие ошибок и нарушений в синтаксическом компоненте речи указывает на то, что человек старается контролировать свою речь, продумывает во время дачи показаний, какие сведения сообщать, а о каких лучше умалчивать, однако из-за того, что ситуация допроса является стрессовой, не всегда может быстро выстроить логическую и синтаксически верную мысль.

Неоднозначным моментом является краткость или наоборот большая детализация в описании юридически значимого события и его участников. Излишняя схематичность и ограниченность в показаниях может говорить о том, что допрашиваемому необходимо представить следствию только те сведения, которые выгодны ему. Наоборот подробное описание

свидетельствует о том, что есть необходимость отвлечь допрашивающего от важных деталей дела (Ратинов А.Р., 2001).

Наиболее интересным выступает психологический компонент лжи в вербальном сообщении, так как именно он представляет новизну данного исследования. По результатам проведенного математического анализа можно отметить, что приписывание (атрибуция) психических состояний другим людям, участвовавшим в юридически значимом событии вместе с допрашиваемым, более характерно для лжесвидетельствования. Причиной этому может быть следующее: попытки переключить внимание следователя на другого человека, усиление подробного описания произошедшего для создания нужной лжецу картины, попытки оправдаться или переложить вину на другого.

Заключение

Таким образом, нами были подтверждены уже ранее полученные данные отечественных и зарубежных коллег, которые выделили экстралингвистические критерии лжи, а также обнаружены еще мало изученные критерии, которые можно рассматривать как возможную перспективу будущих исследований. Гипотеза, о том, что будут обнаружены не только психолингвистические, но и содержательные критерии распознавания лжи, подтвердилась, так как нами были обнаружены два новых критерия, относящихся к психологическому компоненту свидетельских показаний.

Полученные данные позволят обновить существующие научные знания и могут стать дополнением к теоретическому и методическому материалу специалистов, занимающихся вопросами юридической психологии, допросов и судебных экспертиз.

Литература

1. Егоров Д. М. Психологическая специфика закономерностей распознавания лжи // Вестн. Том. гос. ун-та. – 2015. – №393. – С. 191-195.

2. Енгальчев В.Ф., Кравцова Г.К., Холопова Е.Н. Судебная психологическая экспертиза по выявлению признаков достоверности/недостоверности информации, сообщаемой участниками уголовного судопроизводства (по видеозаписям следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий): монография – М.: Юрлитинформ, 2016. – 328 с.

3. Ратинов А.Р. Судебная психология для следователей. Научно-практическое руководство – М.: Изд-во: Юрлитинформ, 2001. – 352 с.

4. Фрай О. Детекция лжи и обмана. – СПб.: ПраймЕВРОЗНАК, 2005. – 320 с

5. Vrij O., Edward K., Kim P. Roberts K. P., Bull R Detecting Deceit via Analysis of Verbal and Nonverbal Behavior // Journal of Nonverbal Behavior - № 24 (4) – p. 239-263.

Особенности переживания опыта гендерного насилия подростками с различными психическими расстройствами

Рется С.Э.

Московский государственный психолого-педагогический университет
(г. Москва)

Научный руководитель – Луковцева З.В.

Гендерное насилие (далее – ГН) является системной формой насилия, направленной на человека в связи с его гендерной и/или половой принадлежностью. Оно оказывает существенное влияние как на психическое и психологическое состояние отдельного человека, так и на состояние общественное (Клецина И.С., 2015).

Подростковый возраст является в целом более восприимчивым к психотравмирующим воздействиям (Бадмаева В.Д., 2009; Степанова И.Б., 2011).

Под переживанием понимается субъективное восприятие и отражение человеком внешней ситуации (Василюк Ф.Е., 1984). Соответственно, переживание ГН – это субъективное восприятие и отражение человеком ситуации ГН. В нем можно выделить три основных структурных компонента – аффективный, когнитивный и поведенческий (Вересов Н.Н., 2016). Результатом переживания ГН являются его идентификация и оценка, то есть толкование ГН.

Несмотря на то, что принципиальные механизмы психической деятельности являются универсальными для нормы и патологии (Зейгарник Б.В., 1986), отдельные психические процессы неизбежно искажаются в условиях заболевания. Восприятие и переживание травмирующих событий людьми с психическими расстройствами и без них могут значительно различаться, что определяет содержание необходимой психологической помощи. В современной психологии существуют исследования влияния ГН на развитие психических расстройств, но наблюдается недостаток исследований особенностей переживания такого опыта людьми с психическими расстройствами. Данные по этому вопросу могли бы способствовать повышению качества психологической помощи соответствующей целевой группе. Имеющиеся исследования касаются переживания травматического стресса в целом или же переживания сексуального и физического ГН, не затрагивая многие другие формы последнего (психологическое, экономическое ГН и т.д.) (Васкэ Е.В., 2009; Качаева М.А., 2017).

Необходимость узконаправленных исследований определяется: распространенностью ГН в подростково-юношеской популяции (Степанова И.Б., 2011); нахождением подростков с психическими расстройствами в «группе риска» подверженности ГН; высокой вероятностью развития

реактивных психических расстройств у подростков и юношей после переживания ГН (Ильина С.В., 1998, Качаева М.А., 2017).

Целью исследования является определение качественных особенностей переживания опыта гендерного насилия девочками-подростками с различными психическими расстройствами.

Гипотезы исследования:

1. Распространенность травматического опыта ГН выше среди девушек с психическими расстройствами, чем среди девушек без психических расстройств;
2. Переживание опыта ГН девушками с психическими расстройствами, в сравнении с девушками без психических расстройств, характеризуется такими особенностями как высокая травматичность и значимость опыта ГН при малой опосредованности его личным опытом, наличие экстраординарных и преобладание ярких реакций, высокий уровень идентификации ГН.

Основную группу составили 15 девушек, проходивших лечение в 5-ом психиатрическом отделении ГБУЗ НПЦ ПЗДП им. Г.Е. Сухаревой ДЗМ. Средний возраст испытуемых – 15,8 лет. Распределение по нозологическим категориям: шизотипическое расстройство личности – 1 человек, аффективные расстройства – 6 человек, эмоциональные и поведенческие расстройства – 1 человек, посттравматические состояния – 2 человека, расстройства приема пищи – 6 человек.

Группу сравнения составили 8 девушек без диагностированной психической патологии. Средний возраст испытуемых – 16,2 лет.

На организационно-методическом этапе было проведено заседание локального этического комитета НПЦ ПЗДП им. Г.Е. Сухаревой ДЗМ о рассмотрении вопроса об одобрении проведения данного исследования. По итогам заседания было принято решение о безусловном одобрении планируемого исследования, которое соответствует требованиям GCP и не противоречит медико-этическим нормам.

В рамках данного исследования была продолжена разработка и апробация проективной методики – *«Идентификация ситуаций гендерного насилия»*, используемой с целью оценки качественных особенностей идентификации и толкования ситуаций ГН. Методика представляет собой 11 не связанных сюжетно описаний ситуаций, которые могут иметь место в реальной жизни. 3 из них – примеры конфликтных ситуаций, не имеющих гендерной основы, а 8 других – примеры ситуаций ГН. «Идентификация ситуаций гендерного насилия» частично основывается на «Соотношении пословиц, метафор и фраз» Б.В. Зейгарник, однако модифицирована сходно с проективной методикой на эмпатию Е.В. Шерягиной (мод. Демидовой Л.Ю.) (Зейгарник Б.В., 1986; Демидова Л.Ю., 2013; Рется С.Э., 2019).

По итогам исследования были сделаны следующие **выводы**:

1. Выявлена высокая распространенность травматического опыта ГН среди девушек с психическими расстройствами, которая значительно превышает его распространенность среди нормативной группы девушек;
2. Личный опыт ГН оказывает на девушек с психическими расстройствами большее травматическое влияние, чем на девушек без психических расстройств;
3. Выявлены особенности переживания опыта ГН девушками с психическими расстройствами: высокая значимость и травматичность опыта ГН, высокая выраженность ярких аффективных и поведенческих реакций, наличие экстраординарных реакций, склонность к негативно окрашенной идентификации ГН. Эти результаты свидетельствуют о частичном подтверждении второй гипотезы.

Дальнейшее исследование проблемы представляется перспективным для последующей разработки диагностических, профилактических, психотерапевтических и реабилитационных программ. Выявление и определение особенностей переживания опыта ГН в юношеском возрасте при

различных психических расстройствах значимо для подбора наиболее эффективной медицинской, психотерапевтической и психологической помощи.

Литература

1. Бадмаева В.Д. Последствия сексуального насилия у детей и подростков // Журнал неврологии и психиатрии им. С.С. Корсакова. – 2009. – Т. 109. – №. 12. – С. 34-37.
2. Василюк Ф.Е. Психология переживания. – М.: Изд-во Московского университета, 1984. – 79 с.
3. Васкэ Е.В. Анализ эмоционального реагирования несовершеннолетних потерпевших в ситуациях пролонгированной инцестуальной связи // Российский психологический журнал. 2009. – Т. 6. – №. 3. – С. 42-48.
4. Вересов, Н.Н. Переживание как психологический феномен и теоретическое понятие: уточняющие вопросы и методологические медитации // Культурно-историческая психология. 2016. – Т. 12. – №. 3. – С. 129-148.
5. Демидова Л.Ю., Шерягина Е.В. Возможности и перспективы изучения эмпатии у лиц с аномалиями сексуального влечения [Электронный ресурс] // Психология и право. – 2013. – Том 3. – № 3. – URL: <https://psyjournals.ru/psyandlaw/2013/n3/63784.shtml> (дата обращения: 01.05.2020).
6. Зейгарник Б.В. Патопсихология. – М.: Изд-во Московского университета. – 1986. – 287 с.
7. Ильина С. В. Влияние пережитого в детстве насилия на возникновение личностных расстройств // Вопросы психологии. – 1998. – Т. 6. – С. 65-74.
8. Качаева М.А., Дозорцева Е.Г., Нуцкова Е.В. Отсроченные последствия пережитого домашнего насилия у женщин и девочек

[Электронный ресурс] // Психология и право. – 2017. Том 7. – № 3. – С. 110–126. doi:10.17759/psylaw.2017070309.

9. Клецина И.С., Иоффе Е.В. Гендерный подход в анализе причин проявления насилия в близких отношениях между мужчинами и женщинами // Женщина в российском обществе. 2015. – №1 (74). – С. 4-17.

10. Рется С.Э., Луковцева З.В. Отрицание гендерного насилия: введение в проблему [Электронный ресурс] // Психология и право. – 2019. – Том 9. – № 1. – С. 85–95. doi:10.17759/psylaw.2019090106.

11. Степанова И.Б., Явчуновская Т.М. Подросток и насилие: проблемы и факты // Всероссийский криминологический журнал. – 2011. – №. 4. – С. 50-55.

Понимание понятия «привязанность» студентами факультета «Юридическая психология»

Серова К.Н.

Московский государственный психолого-педагогический
университет (г. Москва)

Научный руководитель – Русаковская О.А

Выпускник, освоивший программу специалитета, должен обладать профессиональными компетенциями, одна из которых включает в себя готовность квалифицированно проводить психологическое исследование в рамках различных видов экспертизы (судебно-психологической, военной, медико-социальной и медико-педагогической экспертизы), анализировать его результаты, формулировать экспертное заключение, адекватное задачам экспертизы и запросам пользователя (ПК-8).

Известно также, что при принятии решения о квалификации тех или иных статей гражданского кодекса и о других судебных решениях экспертные

выводы по делу оцениваются судом наряду с иными доказательствами. Из этого следует, что эксперт-психолог должен уметь четко и обоснованно формулировать экспертное заключение, которое будет являться основой для судебного решения.

Для формирования данной профессиональной компетенции необходимо, чтобы в процессе обучения у будущих специалистов сформировалось представление об экспертных понятиях, без которых невозможно качественно сформулировать экспертное заключение. Экспертные понятия, в свою очередь, должны базироваться на юридических знаниях, одновременно соотносясь с общенаучным психологическим знанием (Grisso T., 2003; Сафуанов Ф.С., 2014).

Согласно ч.3 ст.65 СК РФ, в качестве одного из максимально значимых факторов, который суд должен учитывать при формировании собственного решения в рассмотрении дел о воспитании, выступает привязанность ребенка к родителю (Русаковская О.А., 2011). Русаковская О.А. и Ильина О.Ю. провели исследование, направленное на конкретизацию семантического значения термина «привязанность» у наивных испытуемых и в профессиональных сообществах (Русаковская О.А., Ильина О.Ю., 2018). В данном исследовании было установлено, что семантическое значение термина «привязанность» различается у «наивных испытуемых» и представителей двух профессиональных сообществ: судей и экспертов-психологов. Достаточно существенной является разница в том смысле, который видят в данном феномене судьи и эксперты-психологи. При этом значение, которым наделяют это понятие эксперты-психологи, не соотносится ни с юридическим, ни с общепсихологическим.

Именно поэтому необходимо выяснить, что же вкладывают в понятие «привязанность» будущие эксперты-психологи, и как формируются теоретические научные представления в процессе их обучения.

Целью данной работы является исследование формирования профессиональных понятий у студентов факультета «Юридическая

психология» (специальности «Клиническая психология – патопсихологическая диагностика и психотерапия (в экспертной практике)») на примере понятия «привязанность».

В исследовании приняли участие две группы испытуемых: студенты 2 курса (20 человек) и 5 курса (20 человек).

Испытуемых просили 5 раз закончить фразу: «Я понимаю, что ребенок привязан к родителю, если...».

При обработке ответов были выделены следующие категории:

1) Плохо без/хорошо с (не может долгое время находиться без/остаться в детском саду; ребенок с удовольствием проводит с родителем время и т.п.). Ответы в данной категории дали 65% студентов 2 курса и 75% студентов 5 курса;

2) Хочет общаться, взаимодействовать (спешит поделиться событиями своей жизни; стремится к телесному контакту). Ответы в данной категории дали 35% студентов 2 курса и 55% студентов 5 курса;

3) Доверяет, делится важным, ориентируется на мнение (волнует мнение родителей; прислушивается, спрашивает совета). Ответы в данной категории дали 45% студентов 2 курса и 60% студентов 5 курса;

4) Эмоции (смотрит на родителя с улыбкой; бежит обнять при встрече). Ответы в данной категории дали 10% студентов 2 курса и 40% студентов 5 курса;

5) Совместная деятельность, общие интересы (хочет проводить больше времени с родителями; вместе проводят досуг). Ответы в данной категории дали 15% студентов 2 курса и 45% студентов 5 курса;

6) Ищет помощи (идет к родителю в случае переживаний; просит о помощи в сложных ситуациях). Ответы в данной категории дали 60% студентов 2 курса и 40% студентов 5 курса;

7) Говорит о... (приводит родителя как положительный пример; ребенок гордо рассказывает о своих родителях). Ответы в данной категории дали 30% студентов 2 курса и 25% студентов 5 курса;

8) Считает частью мира (говорит, что родитель его друг; предпочитает общество родителя другим взрослым). Ответы в данной категории дали 20% студентов 2 курса и 15% студентов 5 курса;

9) Любит (очень любит родителя; общаются свободно и искренне, с теплом). Ответы в данной категории дали 10% студентов 2 курса и 20% студентов 5 курса;

10) Копирует (цитирует или моделирует действия родителя; подражает ему). Ответы в данной категории дали 15% студентов 2 курса и 20% студентов 5 курса;

11) Зависит от (зависит от родителей; крепко держится/не отходит). Ответы в данной категории дали 20% студентов 2 курса и 5% студентов 5 курса;

12) Переживает, заботится (заботится о родителе, помогает; выслушивает и поддерживает; стремится оказать помощь). Ответы в данной категории дал 1 студент (5%) 5 курса.

Следует отметить, что по сравнению с 5 курсом, у студентов 2 курса не было выделено такой категории, как «переживает, заботится». Из этого можно сделать вывод, что специфика построения образовательного процесса студентов-психологов способствует формированию их личностной зрелости.

Для определения значимости различий показателей между группами использовался критерий Манна-Уитни. В результате чего статистически значимых различий в понимании понятия «привязанность» между группами выявлено не было ($p > 0,05$).

В данном исследовании также было интересно сравнить, есть ли различия в понимании понятий «привязанность» и «любовь». Для этого студентам 5 курса было предложено окончить фразу: «Я понимаю, что ребенок любит родителя, если...». При обработке результатов нами были выделены те же категории, что и при описании студентами понятия «привязанность».

На основании проведенного исследования можно сделать вывод, что понимание понятия «привязанность» у студентов факультета «Юридическая

психология» и на втором, и на пятом курсах все же схоже с «житейским», и, следовательно, не зависит от процесса профессионального обучения, но зависит от личностной зрелости.

Литература

1. Русаковская О.А., Ильина О.Ю. Понимание «привязанности» наивными носителями языка, судьями и судебно-психологическими экспертами. // Коченовские чтения «Психология и право в современной России». Сборник тезисов участников Всероссийской конференции по юридической психологии с международным участием. – М.: МГППУ, 2018. – С.104-105.
2. Русаковская О.А. Комплексная психолого-психиатрическая экспертиза в судебных спорах о воспитании и месте проживания ребенка: дис. ... канд. мед. наук. – М, 2011. – 222 с.
3. Сафуанов Ф.С. Судебно-психологическая экспертиза: учебник для академического бакалавриата. – М.: Издательство Юрайт, 2014. – 421 с.
4. Grisso T., Borum R., Edens J., Moye J., Otto R. Evaluating Competencies. Boston, MA: Springer Science, Business Media, Inc. 2003. Pp.553.

Форма социального обслуживания лиц с хроническими психическими расстройствами и их гражданско-правовой статус

Чернышова Е.С., Гегенава Г.Г.

Московский государственный психолого-педагогический университет

(г. Москва)

Научный руководитель – Русаковская О.А.

Согласно законодательству, социальное обслуживание может оказываться нуждающимся в нем гражданам в нестационарной, полустационарной и стационарной форме (Закон Об основах социального

обслуживания граждан в Российской Федерации. 2013). Психоневрологические интернаты (ПНИ) – это учреждения стационарного социального обслуживания для лиц, страдающих хроническими психическими расстройствами, которые по состоянию своего здоровья не могут проживать в иных учреждениях социального обслуживания, например, в домах престарелых. В течение нескольких лет в средствах массовой информации активно обсуждается вопрос о том, что условия проживания лиц, страдающих хроническими психическими расстройствами, в данных учреждениях неудовлетворительны (Тюменкова Г.В., 2019). Место, которое должно быть домом для нуждающихся, таковым никак не может считаться: принцип работы ПНИ оказывается больше похожим на принцип работы психиатрической больницы, когда мнение пациента не определяет особенности его ведения; мало учитываются индивидуальные особенности проживающих; во многих учреждениях акцент делается на обеспечение основных жизненных потребностей и поддерживающую лекарственную терапию, а не на социальную реабилитацию (Федермессер А.К., 2019). При этом представители общественных организаций отмечают, что данная ситуация возможна, в том числе, потому что большинство лиц, проживающих в ПНИ, лишены дееспособности и не могут отстаивать свои права на достойную жизнь.

Действительно, по результатам сплошного осмотра, проведенного специалистами ФГБУ «НМИЦ ПН им. В.П. Сербского», более 65% лиц, проживающих в психоневрологических интернатах, признаны судом недееспособными. В ряде регионов признание гражданина недееспособным было обязательным условием помещения его в ПНИ. В то же время психическое состояние, а также уровень социального функционирования более чем 2,5 тыс. граждан, признанных ранее недееспособными, были таковы, что позволили специалистам Центра Сербского рекомендовать рассмотрение в отношении них вопроса о повышении гражданско-правового статуса (Кекелидзе З.И., 2020).

Цель настоящего исследования – оценить клинико-психологические характеристики лиц, проживающих в одном из психоневрологических интернатах Российской Федерации, которым было рекомендовано повышение гражданско-правового статуса, а также лиц, в отношении которых было дано заключение о возможности рассмотрения вопроса о переводе проживающего на нестационарную форму социального обслуживания после предварительной подготовки.

Результаты. Из 93 получателей социальных услуг, признанных недееспособными в отношении 6 было рекомендовано рассмотреть вопрос о повышении гражданско-правового статуса (6,5 % от всех проживающих в ПНИ, являющихся недееспособными). Все проживающие, которым было рекомендовано повышение гражданско-правового статуса, имели психиатрический диагноз «Умеренная умственная отсталость» и в ПНИ были переведены по достижению 18-летнего возраста из детских домов-интернатов для детей с умственной отсталостью, где воспитывались с раннего возраста. Общими клинико-психологическими характеристиками у них были следующие: конкретность мышления; соответствующий легкой умственной отсталости уровень интеллектуального недоразвития; отсутствие отрицательной динамики психического состояния или положительная динамика, проявляющаяся в уменьшении поведенческих нарушений; сохранность ориентировки как в бытовых, так и в социальных вопросах; наличие достаточно адекватных планов на будущее; наличие социальных интересов, занятий, привязанностей; достаточная социальная активность.

Рекомендация перевода после подготовки на нестационарные формы социального обслуживания была сделана в отношении 11 человек (8,5% от всех лиц, проживающих в ПНИ). Среди них были те 6 недееспособных лиц, которым была дана рекомендация повышения гражданско-правового статуса, 2-ое были недееспособны и 3-ое были дееспособны на момент осмотра. Общими клинико-психологическими характеристиками у них были следующие: стабильность психического состояния; упорядоченность в

поведении; сохранная способность к самообслуживанию; наличие бытовых навыков; способность самостоятельно организовывать свою повседневную деятельность (занимались огородом, находили подработку в соседней деревне и т.п.); наличие социальных связей вне ПНИ (у одного из получателей социальных услуг, например, была девушка в ближайшей деревне, с которой он поддерживал отношения на протяжении 4 лет) (Русаковская О.А. и др., 2020).

Таким образом, гражданско-правовой статус лица и форма необходимого ему социального обслуживания в прямой связи не находятся. В связи с этим представляется актуальной разработка как критериев повышения гражданско-правового статуса, так и показаний для предоставления различных форм социального обслуживания лицам, страдающим хроническими психическими расстройствами.

После окончания карантина планируется проведение комплексного психологического исследование всех лиц, проживающих в ПНИ региона, которым рекомендовано повышение гражданско-правового статуса и/или перевод на нестационарную форму социального обслуживания.

Литература

1. Кекелидзе З.И. Доклад на заседании Совета при Правительстве РФ по вопросам поступательного реформирования психоневрологических интернатов и принятия закона о распределении опеки от 19.02.2020. URL: http://www.ng.ru/health/2020-02-25/8_7802_system.html (дата обращения: 01.05.2020).
2. Русаковская О.А., Харитоновна Н.К., Христофорова М.А. Судебно-психиатрическая экспертиза по заявлениям о повышении гражданско-правового статуса получателей стационарных социальных услуг, признанных ранее недееспособными // В сборнике: Практика судебно-психиатрической экспертизы. 2020 (в печати).

3. Тюменкова Г.В., Беляева Т.В. Защищённое жилье и сопровождаемое проживание: формы, проблемы, решения. // Психическое здоровье. – 2019. – № 4. – С. 9-15.
4. Тюменкова Г.В. К вопросу реформирования психоневрологических интернатов // Психическое здоровье. – 2019. – № 9. – С. 11-15.
5. Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации: федер. закон от 28.12.2013 № 442 - ФЗ.
6. Положение о психоневрологическом интернате Министерства социального обеспечения РСФСР.
7. Федермессер А.К. Доклад о ситуации в российских психоневрологических интернатах от 26.06.2019. URL: <https://meduza.io/feature/2019/06/26/sistema-pni-eto-sovremennyy-gulag-dlya-prestarelyh-i-invalidov> (дата обращения: 01.05.2020).

Особенности внутриличностных конфликтов у старшеклассников в состоянии социальной фрустрации

Апостолова Е. А.

Московский государственные психолого-педагогический университет
(г. Москва)

Научный руководитель – Богданович Н. В.

Период ранней юности наиболее подвластен социальным изменениям, так как находится на промежуточном этапе и требует от старшеклассника осознанного планирования своего будущего. Возникающие внутренние противоречия, конфликты в процессе развития и самореализации юноши будут оказывать свое воздействие на то, какими будут его новые взаимоотношения с социумом, место и роль в нем. Переживания противоречий могут трансформироваться в состояние фрустрации, а фрустрируемые ценности стать источником конфликтов. Все это в определенной степени будет откладывать отпечаток на том, как старшеклассник будет себя ощущать в мире взрослых, какой способ поведения и образ жизни он выберет. Данные вопросы актуальны и обуславливают то, как юноши и девушки будут после окончания школы входить в новый мир взаимоотношений, развиваться в нем. Важно не упустить информацию, которая может послужить основой для проявления негативного, девиантного становления старшеклассника в обществе.

Цель работы состоит в том, чтобы выявить особенности внутриличностных конфликтов в состоянии социальной фрустрации старшеклассников.

В данной работе мы рассматривали внутриличностный конфликт с точки зрения соотношения ценности и доступности важных сфер развития личности. Наличие конфликта определяется тем, что желания превосходят возможности и доступность желаемого (Фанталова Е.Б., 2001).

Основная гипотеза исследования - внутриличностные конфликты в ранней юности проявляются в сферах любви, материального обеспечения и свободы, связаны с социальной фрустрацией относительно внешнего вида, социального статуса и кругозора и обуславливают противоречивое и отрицательное отношение к будущему. Выборка исследования состояла из старшеклассников в возрасте 15-18 лет (45 человек, 25 девушек и 20 юношей).

В исследовании использовались следующие методики:

1. Методика изучения внутриличностных конфликтов «Уровень соотношения «ценности» и «доступности» в различных жизненных сферах» Е.Б. Фанталовой. Методика позволяет на основе соотношения «ценности» и «доступности» в мотивационно-личностной сфере личности выделить сферы, в которых проявляется внутриличностный конфликт.

2. Методика изучения поведения индивида в ситуации социальной фрустрации «Вербальный фрустрационный тест» Л. Н. Собчик (для подростков). Данная методика позволяет выявить значимые фрустрируемые ценности со стороны социального окружения: внешний вид, здоровье, характер, благополучие, социальный статус, кругозор и нравственность. Чем больше проявлений обвиняющих реакций, тем более значима фрустрируемая ценность.

3. «Диагностика отношения к прошлому, настоящему и будущему» А. М. Прихожан позволяет рассмотреть отношение старшеклассника к будущему.

Внутриличностный конфликт характеризуется как негативное переживание, вызванное противоречиями во внутренних структурах личности. Он может быть источником для саморазвития или проявляться деструктивными переживаниями. Переживание конфликта сопровождается

эмоциональным напряжением и перестройкой внутренних компонентов личности (Анцупов А.Я., Шипилов А.И., 2004).

Появление внутриличностных конфликтов естественно – юношеская рефлексия и самоанализ открывают старшекласснику новые вопросы и возможности для саморазвития и самореализации. Затрагивая желания, стремления ученика, конфликты могут, в то же время, обуславливать сильные эмоциональные переживания, которые, не находя своего решения, могут быть отреагированы в различных формах поведения юноши (Шемякина, О. О., 2010).

Важную роль в развитии играют социальные фрустрации, которым подвержен старшеклассник. Наличие барьеров в достижении целей, формировании убеждений и взглядов вызывает проявление импульсивных реакций, которые могут иметь в своей основе яркие эмоциональные переживания и агрессивно-обвиняющие тенденции. Детерминантами социальной фрустрации являются условия развития общества, ближайшее окружение старшеклассника и его психологические особенности. Важное условие появления состояния фрустрации – это значимость фрустрируемого объекта (Ермолаева Л.И., 1993). Отрицательные характеристики состояния могут оказать влияние на самооценку юноши, на его положение в системе взаимоотношений. Реагирование в контексте обвинительного и деструктивного поведения может привести к преобразованию механизмов социального контроля, и подобные формы поведения станут для него приемлемыми (Малинина Н.С. и др., 2011).

Период ранней юности поднимает вопрос об отношении юноши к будущему. Для него будущее должно представляться реалистичным и организованным, неоптимальная же жизненная перспектива может привести к негативным последствиям (Лец Ю.А., 2005).

В проведенном исследовании были получены следующие результаты.

Наибольшее количество внутриличностных конфликтов оказалось характерно для таких сфер: любовь, материально-обеспеченная жизнь и

счастливая семейная жизнь. В сфере «свобода» внутриличностные конфликты есть у некоторых старшеклассников, но не в таком большом количестве, как предполагалось. Результаты частично подтверждают гипотезу, а именно, что внутриличностные конфликты наиболее характерны для таких сфер, как любовь и материально-обеспеченная жизнь.

Исследование социальной фрустрации показало наличие обвинительных реакций со стремлением отстоять свою позицию относительно таких ценностей, как социальный статус, характер, благополучие и кругозор. В тоже время, помимо обвиняющих реакций для старшеклассников характерны импунитивные реакции с целью снизить остроту возможного конфликта.

Относительно результатов по отношению к будущему было выявлено примерно в равном соотношении реалистическое отношение и противоречивое. Отрицательного отношения выявлено не было.

Анализ корреляционных связей, проводимый для подтверждения гипотезы, показал, что нет подтверждения взаимосвязи между сферами внутриличностных конфликтов (любовь, материально-обеспеченная жизнь и свобода) и социальной фрустрацией относительно внешнего вида, социального статуса и кругозора. Анализ связей между внутриличностными конфликтами, отрицательным и противоречивым отношением к будущему показал связи только с двумя сферами - «красота природы и искусства» и «свобода», - но данные связи слабые, и они не могут полностью подтвердить гипотезу.

Таким образом, можно сделать вывод, что выдвигаемое предположение не вполне подтверждается в рамках исследования. Однако эти результаты позволяют выдвинуть новые идеи для будущих исследований. Возможно, что внутриличностные конфликты могут быть связаны с состоянием социальной фрустрации, но не напрямую, а под влиянием дополнительных факторов. В тоже время, можно предположить, что представления о будущем не всегда могут иметь отрицательное содержание, если имеются внутриличностные

конфликты, возможно, обнаружится формирование и позитивного отношения. Эти вопросы продолжают составлять актуальность для изучения развития личности в ранней юности.

Литература

1. Анцупов А.Я., Шипилов А.И. Конфликтология: Учебник для вузов. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2004. – 551 с.
2. Ермолаева Л.И. Фрустрация как социально психологический феномен: автореф. дис... канд. психол. наук. – М., 1993. – 23 с
3. Лец Ю.А. Особенности восприятия будущего в старшем школьном возрасте // Педагогика развития: социальная ситуация развития и образовательные среды. – Красноярск, 2005. – 112 с.
4. Малинина Н.С., Парфенов Ю.А., Белов В.Г. Фрустрация как предиктор девиантного поведения у подростков // Ученые записки университета им. П.Ф. Лесгафта. – 2011. – № 11 (81). – С. 26-31.
5. Шемякина О. О. Влияние внутриличностных конфликтов на проявление девиантного поведения на этапе юношеского развития личности // Юридическая психология. – 2010. – № 1. – С. 26-28.
6. Фанталова Е.Б. Диагностика и психотерапия внутреннего конфликта. – Самара: Издательский дом БАХРАХ-М, 2001. – 128 с.

Проект „Local streetwork – offline/online“.

Цель: дерадикализация молодежи

Аруин С.Е.

Московский государственный психолого-педагогический университет
(г. Москва)

Научный руководитель – Чиркина Р.В.

Все больше молодых людей подвергаются опасности быть вовлеченными в процессы радикализации, происходящие, в основном, в социальных сетях. Особая форма социально-педагогической работы должна помочь молодежи найти положительные примеры и выработать необходимые критерии для критического взгляда на широко распространённые схемы исламистских «рекрутеров».

Мартин Фридрих (имя изменено) скорее всего, не узнает о том, насколько удачным был его виртуальный разговор с молодым человеком, с которым он познакомился в одной из групп в Фейсбуке. Однако в одном он может быть абсолютно уверенным, установленный им контакт с Айшей в частной группе, насчитывающей 41182 человек, уже принес ожидаемый результат. Айша (имя изменено) начала с ним частный чат. В этой группе встречаются обычные люди, которые хотят поделиться своим повседневным опытом, как верующие мусульмане, так и интересующиеся исламом. Довольно часто в ряды обыкновенных пользователей проникают адепты Исламского государства (запрещенная в России террористическая организация ИГИЛ) и пытаются оказать влияние на мнение молодежи. В своих публикациях Айша повествует о сомнениях и страхах в отношении религиозных практик, а также о личном опыте пережитого отвержения и дискриминации. Молодые мусульмане чувствуют себя исключенными из немецкого общества. Данная позиция делает их целевой группой для экстремистских исламистов, которые используют подобные образы для знакомства пользователей с радикальными мировоззрениями. Чтобы это влияние не было столь сильным, Мартин Фридрих работает в сети под псевдонимом, находясь в скрытом от общественности месте. Есть только адрес анонимного почтового ящика на немецкой почте. Мартин концентрирует свое внимание на группах, где присутствуют такие названия или понятия, как «Аллах», «мусульманин» или «кровь наших уйгурских братьев и сестер». В чем же заключается особенность разработанного проекта и почему на сегодняшний день подобному виду социальной работы нет альтернатив?

Основной задачей является выявление, локализация и вступление в контакт в социальных сетях сотрудников проекта с подростками и молодыми людьми, проявляющими симпатию к исламистскому экстремизму, или уже радикализированных. А также разработка и тестирование методов преобразования онлайн-контактов в личные (рабочие) контакты с целью проведения превентивных и, при необходимости, дерадикализационных мер.

Инициатор проекта Организация AVP (Признание, Доверие, Перспектива) с 2003 года работает в направлении профилактики в ресоциализации молодых заключенных, а также в области политического образования.

В рамках реализации проекта мы руководствуемся системой категоризации уровней профилактики, установленной Джеральдом Капланом и Робертом Гордоном (Caplan, G., Gordon, R., 1983). Целевая группа находится во вторичной и третичной категории. Вторичная профилактика включает в себя превентивную работу (виртуальную и личную) в группе риска для того, чтобы уже появившиеся связи между экстремистами и молодыми людьми не окрепли. Третичная профилактика предполагает предотвращение не только дальнейшей эскалации и радикализации среди молодых людей, но и связанных с ними правонарушений.

Процессы радикализации в области салафизма в настоящее время происходят в больших масштабах в социальных сетях (Verfassungsschutzbericht NRW, 2018), а также с помощью других технологий виртуальной коммуникации. Предложения экстремистских групп в Интернете, как правило, составляются с учетом вопросов и потребностей потенциально уязвимых молодых людей на популярных у молодежи коммуникационных платформах.

Личные причины обращения к экстремистскому медиа-контенту в социальных сетях и возможной дальнейшей радикализации возникают в социальной сфере индивидуума: семейные проблемы, отсутствие места учебы/работы, отсутствие признания и понимания среди сверстников, а также

переезд/миграция в другой город или страну. Практический опыт показывает, что дерадикализация редко бывает эффективной без прямого контакта с людьми, идеологически нестабильными, и проявляющими интерес к экстремизму. Это свидетельствует о том, что для успешного предотвращения процессов радикализации необходимо сфокусироваться на обеих сферах – виртуальной и реальной.

Проект направлен на молодежь в возрасте от 14 до 27 лет. Молодые люди целевой группы уже проявили симпатию/интерес к радикальной исламистской идеологии, а некоторые из них уже твердо вовлечены в радикализационные процессы и сети, готовые к использованию насильственных методов. В проекте уделяется особое внимание:

- аполитичным молодым людям, часто без конкретного места учебы/работы;
- принимающим активное участие в исламистских и ориентированных на насилие сетях;
- выходцам из мусульманских семей или мусульманского окружения;
- имеющим слабую эмоциональную связь с семьей;
- проявляющим активность в социальных сетях и отвергающим демократические принципы построения государственности.

Характеристики личной жизненной ситуации молодых людей могут включать в себя: дискриминацию, отсутствие места работы/учебы, миграцию, конфликты и непонимание в семье и т.д.

Цели и методы проекта:

1. Мониторинг социальных сетей с целью локализации молодых людей, подверженных идеологической обработке исламистскими группами, и проявляющих, к примеру, нетерпимость к демократическим принципам, или имеющих склонность к поддержке салафитского экстремизма. В 2018 году наши сотрудники зарегистрировали 87 групп в Фейсбуке, в которых активно велась пропаганда и дискуссии исламистско-экстремистского толка. В этих же

группах организации салафистской направленности, хорошо известные в немецком виртуальном пространстве, такие как, например, Realität Islam, вели ежедневную пропагандистскую и идеологическую работу среди участников группы. Как только данные индивидуумы будут идентифицированы, необходимо переходить к налаживанию с ними личных контактов в чатах и мессенджерах.

2. Перевод онлайн-контактов в личные рабочие отношения/контакты между сотрудником проекта и индивидуумом, имеющим экстремистские взгляды, с целью превентивной/дереадикализационной работы. Практика показывает, что дистанцирование от экстремистских группировок и закрепленного ими мировоззрения возможна только путем прямого личного контакта с работником проекта.

3. Интеграция молодых людей из зоны риска в группу для дальнейшего проведения с ними образовательных семинаров/вебинаров с целью изменения мировоззрения и дистанцирования от экстремистской идеологии.

ОНЛАЙН: Виртуальные социальные пространства, в которых активны онлайн-стритворкеры, включают в себя популярные социальные сети, чаты и мессенджеры, используемые исламистскими группами для рекрутинга и вербовки молодых людей: Facebook, Instagram, WhatsApp, Telegram.

ОФФЛАЙН: В Дюссельдорфе и его окрестностях мы фокусируемся прежде всего на мусульманских гуманитарных организациях, мечетях, молодежных клубах, спортивных секциях и школах.

Что в себя включает онлайн-стритворк:

- ежедневное виртуальное присутствие сотрудника проекта во всех популярных социальных сетях и мессенджерах в виде собственных постов/комментариев с целью объяснения опасности исламистской и экстремистской идеологии, а также продвижение демократических принципов. Главные особенности работы в Фейсбуке включают в себя «взаимодействие» и «скрининг». Первый представляет из себя два типа

общения – комментирование в группах и ежедневный пост, часто подкрепленный видеоматериалом или онлайн-статьей для инициирования активной дискуссии. Второй метод «скрининг» ставит целью ежедневный просмотр постов и комментариев в группах для того, чтобы гибко адаптировать собственную стратегию поведения в соответствии с потребностями целевой группы.

Литература

1. Ежегодный доклад Федерального Ведомства по Охране Конституции земли Северный Рейн-Вестфалия // Verfassungsschutzbericht NRW–2018/ Url:
https://www.im.nrw/system/files/media/document/file/VS_Bericht_2018.pdf (дата обращения: 04.05.2020).
2. Caplan, G. (1964). Principles of Preventive Psychiatry (5 Ed.). New York: Basic Books.
3. Gordon, R. (1983). An operational classification of disease prevention. Public Health Reports, 98 (3), 107-109.

Анализ структуры школьной дезадаптации у младших школьников с позиции нейропсихологического подхода

Бекман А.Б.

Московский государственный психолого-педагогический университет
(г. Москва)

Научный руководитель – Луковцева З.В.

Психологические особенности младшего школьного возраста определяются необходимостью адаптации к школьным условиям, с одной стороны, и приближением предподросткового кризиса – с другой. Следует

отметить также, что современная программа общешкольного образования с каждым годом изменяется, усложняется и требует от ученика всё больших усилий, предъявляет требования, с которыми он зачастую не способен справиться в силу своих индивидуальных особенностей (в том числе и негрубых, стертых функциональных нарушений мозговой организации психики). Таким образом, повышается риск возникновения различных форм невротических расстройств, девиантного поведения и других проблем. Особое место здесь занимают проблемы, относящиеся к категории «школьной дезадаптации», которая, по определению Р.В. Овчаровой, есть «совокупность признаков, свидетельствующих о несоответствии социопсихологического и психофизического статуса ребёнка требованиям ситуации школьного обучения, овладение которой по ряду причин становится затруднительным или невозможным» (Овчарова Р.В., 2005). Современная коррекционно-профилактическая практика указывает, что одним из самых эффективных путей преодоления такой дезадаптации выступает реализация нейропсихологического подхода к пониманию причин, механизмов и возможностей оказания помощи ребёнку, испытывающему трудности.

Целью исследования, которое будет описано здесь, стало раскрытие нейропсихологических механизмов, определяющих различные компоненты школьной дезадаптации в младшем школьном возрасте.

В исследовании приняли участие 27 детей (мальчики и девочки), обучающихся в 3-м классе ГБОУ «Школа №342 «Жар-птица» (г. Москва). Возраст испытуемых – 8-9 лет. Оценивались три компонента школьной дезадаптации: когнитивный, эмоционально-личностный, поведенческий.

Диагностический арсенал был представлен следующими инструментами: стандартизированная методика для определения уровня умственного развития младших школьников Э.Ф. Замбацявичене (Истратова О.Н., 2008); методика «Изучение отношения к учебным предметам» Г.Н. Казанцевой (Реан А.А., 2003); методика «Диагностика и критерии оценки неконструктивного поведения детей» М.Э. Вайнера (Вайнер М.Э., 2004).

Перечисленные методики позволили охарактеризовать испытуемых с точки зрения наличия/отсутствия у них школьной дезадаптации (с подробным описанием трех вышеназванных компонентов). Проводилось, кроме того, нейропсихологическое исследование, предполагавшее оценку уровня сформированности ВПФ каждого ребенка.

Результаты исследования. Среди результатов исследования необходимо выделить следующие. В большинстве случаев уровень развития когнитивных функций был средним, а самым распространённым неконструктивным типом поведения оказался конформный. Следует отметить также, что в основном результаты первых двух методик подтверждались данными диагностики эмоционально-личностного компонента школьной дезадаптации.

Когнитивный компонент школьной дезадаптации у обследованных детей характеризовался преобладанием нарушения комбинаторных способностей. Задание на выстраивание логических цепочек по аналогии вызвало трудности абсолютно у всех детей, независимо от уровня умственного развития. Из этого можно сделать вывод о недостаточности уровня развития операций обобщения и словесно-логического мышления. Также распространённой проблемой оказались ошибки фонетико-фонематического характера и нарушения графо-моторных навыков.

Эмоционально-личностный компонент школьной дезадаптации испытуемых можно описать следующим образом: наблюдалось негативное отношение к тем предметам, которые вызывали трудности в процессе их изучения, причем аффективную окраску добавляло отсутствие похвалы со стороны учителя или получения удовольствия от изучения предметов. Такими предметами стали: русский язык, математика, музыка. Также прослеживалась склонность к социальной желательности при даче ответов, отражающих учебную мотивацию.

Поведенческий компонент школьной дезадаптации в целом по выборке характеризовался конформным типом поведения. Основой такого типа

поведения является высокая внушаемость. Соответственно, некоторые ответы по методике эмоционально-личностного компонента, такие как «хочу стать грамотным» или «не хочу подводить свой класс», могут отражать ценности и мировоззрение учителя. Наряду с этим типом поведения присутствует также и демонстративное поведение, проявляющееся в отношениях между учителем и учеником.

10 детей из числа обследованных обладали признаками школьной дезадаптации (основная группа). Наличие последней определялось по низким показателям когнитивного компонента, большому количеству неблагоприятных факторов в эмоционально-личностном компоненте и преобладанием того или иного типа неконструктивного поведения в поведенческом компоненте. Соответственно, остальные дети были отнесены к группе нормы.

Описывая состояние трех компонентов школьной дезадаптации у тех детей, которые были отнесены к основной группе, можно сказать следующее. На первый план выступают проблемы по линии когнитивного компонента дезадаптации, проявляющиеся в нарушениях функций обобщения, выстраивания логических связей, а также фонетико-фонематических процессов и графических способностей. Несколько менее выражены признаки поведенческого компонента дезадаптации, а именно, конформный тип поведения, который проявляется в несамостоятельности, отсутствии критического мышления, абсолютной ориентации на более авторитетное лицо. Наконец, наименее выраженными оказались признаки эмоционально-личностного компонента дезадаптации, а именно, положительное отношение к тем предметам, которые давались легко, и негативное отношение к тем предметам, которые вызывают трудности.

Характеризуя обследованных детей с нейропсихологической точки зрения, мы сделали следующие **выводы**:

1. при преобладании *когнитивного компонента* школьной дезадаптации в нейropsychологическом статусе на первый план выступают функциональная несформированность левой височной области головного мозга и лобных отделов коры.

2. при преобладании *поведенческого и эмоционально-личностного компонента* школьной дезадаптации в нейropsychологическом статусе на первый план выступают функциональная дефицитарность подкорковых образований и функциональная несформированность лобных отделов коры.

Таким образом, можно сделать вывод, что школьная дезадаптация детей напрямую связана с некоторыми нейropsychологическими синдромами отклоняющегося развития (Семенович А.В., 2007), которые возможно исправить с помощью коррекции.

Литература

1. Вайнер М.Э. Игровые технологии коррекции поведения дошкольников. – М.: Педагогическое общество России, 2004. – 95 с.

2. Истратова О. Н. Психологическое тестирование детей от рождения до 10 лет. – Ростов-на-Дону: Феникс, 2008. – 317 с.

3. Реан А. А. Психология подростка. – СПб.: Прайм-Еврознак. – 2003. – 480 с.

4. Овчарова Р.В. Практическая психология в начальной школе – М.: ТЦ «Сфера», 2005. – 240 с.

5. Семенович А.В. Нейropsychологическая коррекция в детском возрасте. Метод замещающего онтогенеза: учебное пособие. – М.: Генезис, 2007. – 479 с.

Особенности коррекционной работы по развитию профессионального самоопределения подростков с девиантным поведением

Белоцерковский Г. Д.

Московский государственный психолого-педагогический университет
(г. Москва)

Научный руководитель – Бусарова О.Р.

В настоящее время профессиональное самоопределение рассматривается как средство достижения человеком успеха в жизни, нахождение социальной роли в обществе и как средство самореализации. Вследствие этого все более актуальным вызовом для общества становится помощь в профессиональной ориентации подрастающего поколения.

В современной социальной педагогике и психологии есть известные работы таких ученых, как К. А. Абульханова-Славская, Е. И. Головаха, Е. А. Климов, И. С. Кон, Л.В. Мардахаева, О.С. Осипова, Н. С. Пряжников, С.Н. Чистякова и мн. др., в которых были разработаны положения и подходы к определению профессионального самоопределения.

Целью нашего исследования стала разработка программы по профессиональному самоопределению подростков с девиантным поведением.

Объект исследования: профессиональное самоопределение подростков с девиантным поведением.

Предмет исследования: коррекционная программа по профессиональному самоопределению подростков с девиантным поведением.

Гипотеза: коррекционная работа с девиантными подростками по развитию профессионального самоопределения является ключевой работой по преодолению социально-психолого-педагогических проблем, социальной дезадаптации и проявления форм девиантного поведения.

Базы исследования: ГБОУ Школа № 324 «Жар-птица» и ГБОУ Школа № 1492 г. Москвы.

Выборку исследования составили 62 обучающихся старших классов; экспериментальная группа: учащиеся, которые состоят на различных видах учета - внутришкольный учет, комиссия по делам несовершеннолетних, органы Министерства внутренних дел (21 человек); 2 контрольные группы: первая - учащиеся, не состоящие на учете (21 человек), вторая – учащиеся, обучающиеся в другой школе и состоящие на различных видах учета - внутришкольный учет, комиссия по делам несовершеннолетних, органы Министерства внутренних дел (21 человек).

Мы проанализировали литературу по проблеме профессионального самоопределения подростков для выявления различных точек зрения на проблему. В анализ вошли исследования разных авторов, которые помогли нам построить научно обоснованную коррекционную работу по профессиональному самоопределению подростков с девиантным поведением.

Профессиональное самоопределение – это сложный и непрерывающийся процесс развития мотивационной, эмоционально-волевой, когнитивной и других сфер личности в отношении к какой-либо профессии и реализации в ней, эффективность которого определяется согласованностью психологических и непсихологических требований и способностей личности к определенной профессии (Климов Е.А., 2010).

Девиантное поведение – это отклоняющаяся форма поведения личности, которая может быть связана с нарушением социальных, правовых, культурных норм, принятых в обществе, или которая может быть связана с проблемами психического здоровья индивида (Шнейдер Л.Б., 2005).

Также нами были изучены различные формы работы психолого-педагогической работы с подростками, которые помогли нам выстроить коррекционную программу (Пряжников, Н. С., 2019, Чистякова С.Н., 2005).

Программа по развитию профессионального самоопределения подростков с девиантным поведением представляла собой цикл из 10 занятий

по 1 академическому часу в неделю, к этому дополнительно было дано 3 занятия, которые проводились на базе московских колледжей, в рамках включения подростков в возможные направления их дальнейшего трудоустройства.

Занятия строились на основе того, что большинство подростков имеют различные представления о профессиях, поступлении в учебные заведения профессионального образования. Применялись тренинговые технологии, профориентационные игры, дискуссии, деловые игры и др. В занятиях учитывалось мнение каждого участника, это было заложено и в названиях занятий («Я хочу», «Я знаю», «Я умею» и т.д.).

Перед началом реализации программы и после её проведения все участники исследования заполнили следующие опросники: «Карта интересов» А.Е. Голомштока, предназначенная для изучения интересов и склонностей школьников старших классов в различных сферах деятельности, и «Склонность к отклоняющемуся поведению» (СОП) А.Н.Орла - опросник, предназначенный для измерения готовности (склонности) подростков к реализации различных форм отклоняющегося поведения. После проведения программы мы обнаружили, что по методике «Карта интересов» средние баллы у экспериментальной группы резко возросли по сферам ИТ (с -52 до 13 б.), технике (с -54 до -18 б.), дизайну (-118 до -70), транспорту (-51 до -31 б.), физической культуре (с -21 до 21 б.) и общественной деятельности (-85 до 26 б.); в тоже время снизился интерес к военным специальностям (с -83 до -86 б.). Повышение средних баллов по данным сферам можно связать с тем, что эти направления мы выбрали в качестве ресурсов подростков для построения коррекционной программы. В тоже время у контрольных групп значимых изменений в результатах нет (данные подтверждены методами математической статистики).

При анализе полученных данных методики СОП А.Н. Орла по критерию Вилкоксона в экспериментальной группе по шкале склонности к нарушению норм и правил произошло статистически значимое снижение показателя ($p <$

0,05). У учащихся с нормативным поведением статистически значимых различий не найдено, а у учащихся с девиантным поведением, которые не участвовали в программе, произошли изменения в положительную сторону по шкале волевого контроля эмоциональных реакций ($p < 0,05$), что можно связать с проводимой в учебном заведении профилактической работой с подростками.

Таким образом, гипотеза о значимости коррекционной работы с девиантными подростками по развитию профессионального самоопределения как ключевой работы по преодолению социально-педагогических проблем, социальной дезадаптации и проявления форм девиантного поведения нами подтверждена.

В нашем исследовании было выяснено, что благодаря четко структурированной программе можно развить профессиональное самоопределение подростка.

Именно возраст старших школьников является периодом уточнения будущего социально-профессионального статуса, поэтому в эти годы необходимо работать над их профессиональным выбором, выстраивать план достижения профессионального выбора (Бусарова О.Р., 2019).

Самым важным является совместный поиск и уточнение у оптанта собственного замысла в выборе профессии в существующих социальных условиях. Наиболее остро встают вопросы о выборе профессии, учебного заведения и выборе подготовительных курсов. Этому стоит посвятить отдельно несколько дней работы, подобрать каждому индивидуально кружок, секцию, найти возможность посещения Дня открытых дверей в учебном заведении.

Также необходимо сделать основной акцент на ценностно-смысловую сторону самоопределения учащихся, например, провести с ними дискуссионную игру-тренинг, деловую игру и т.д. С подростками также стоит отработать навык самопрезентации, который может им помочь в ближайшем будущем (например, на собеседовании в колледже).

Программа, разработанная нами, может быть использована в психолого-педагогической деятельности по профессиональному самоопределению подростков.

Литература

1. Бусарова О.Р. Профориентационная работа с подростками и юношами с девиантным поведением: опыт подготовки специалистов [Электронный ресурс] // Психология и право. – 2019. – Том 9. – № 3. – С. 35–44. – URL: [10.17759/psylaw.2019090303](https://psylaw.2019090303) (дата обращения: 21.04.2020).
2. Климов Е.А. Психология профессионального самоопределения. М.: Академия, 2010. – 312 с.
3. Пряжников, Н. С. Организация и методика производственного обучения: профориентология: учебное пособие для среднего профессионального образования. М.: Издательство Юрайт, 2019. – 405 с. – URL: <https://urait.ru/bcode/445895> (дата обращения: 20.04.2020).
4. Чистякова С.Н. Педагогическая поддержка профессионального самоопределения старшеклассников. М.: Новая школа, 2005. – 216 с.
5. Шнейдер Л.Б. Девиантное поведение детей и подростков. М.: Академический проект, 2005. – 188 с.

Исследование связи самооценки и социометрического статуса у детей младшего школьного возраста

Белякова А.А.

Московский государственный психолого-педагогический университет

(г. Москва)

Научный руководитель – Куприянова Е.А.

Большую часть своей жизни ребенок проводит в группе, в связи с этим у него есть потребность быть принятым в ней, занимать значимое положение.

Представление о себе и самооценка младшего школьника преимущественно строится на оценках учителей, родителей и сверстников (Пирожкова Н.В., 2015). Несомненно, самооценка является важным показателем развития личности (Обухов А.С., 2016). Она определяет уровень стремлений, ценностей, характер отношений в социуме (Носырева С.Н., 2013).

Если в начале первого класса все ученики занимают равное положение, то уже к концу учебного года можно заметить, как положения среди сверстников становятся разными (Надеждин Д.С., 2017). Есть дети, которые легко идут на контакт и занимают лидирующие позиции в группе. И, наоборот, есть дети, которые не очень активны, они могут быть на своей волне, и как бы они ни хотели попасть в статус «предпочитаемых», другие не хотят с ними играть и общаться. Положение ребенка в группе сверстников играет важную роль и нередко становится причиной конфликтов.

Отметим, что обстоятельствами, влияющими на возникновение девиантного поведения, являются неуверенность в себе, низкая самооценка, трудности в общении со сверстниками. Поэтому так важно как можно раньше начать выявлять отклонения и стараться помочь младшим школьникам.

Целью данного исследования является выявление связи самооценки с социометрическим статусом детей младшего школьного возраста.

Основной гипотезой исследования послужило предположение о том, что высокая или средняя самооценка проявляется у детей с высоким социометрическим статусом, а низкая самооценка – у детей с низким социометрическим статусом.

В исследовании участвовали 45 человек, учащиеся 3-х классов (26 мальчиков и 19 девочек, 9-10 лет) школы г. Москвы СЗАО (начальная школа).

В рамках исследования были использованы следующие методы исследования: теоретический анализ и синтез, опрос, проективная методика, статистическая обработка данных при помощи программы IBM SPSS Statistics 22, критерий U-Манна-Уитни для независимых выборок, коэффициент ранговой корреляции Спирмена.

Также были использованы следующие методики: Социометрия Дж. Морено, самооценка Дембо-Рубинштейн, «Рисунок несуществующего животного».

В итоге проведенного исследования можно сделать следующие выводы:

1. По результатам методики социометрии Дж. Морено была выявлена неравномерность распределения социометрических статусов. 27% учащихся в классе имеют социометрический статус «предпочитаемых»; 24% учащихся имеют статус «непринятые»; 22% учащихся имеют социометрический статус «принятых»; 16% имеют статус «отвергнутых»; 11% имеют социометрический статус «звезд». При оценивании своих сверстников дети ориентируются больше на дружбу, основанную на внешних, совместных, объединяющих их интересах.

2. Проанализировав результаты методик исследования самооценки Дембо-Рубинштейн и «Рисунок несуществующего животного», мы сделали следующие выводы: у 60% (27 учеников) уровень самооценки очень высокий, соответствует неадекватному уровню. У остальных 40% (18 учащихся) уровень самооценки высокий и средний, соответствующий адекватной (реалистичной) самооценке у младших школьников. Соответственно, учеников с низким уровнем самооценки в классе нет.

3. По результатам выявления различий по уровню самооценки между группами с высоким социометрическим статусом – «Звезды» и низким социометрическим статусом – «Отвергнутые» получилось, что различия отсутствуют.

4. В результате корреляционного анализа оказалось, что связь между уровнем самооценки и социометрическим статусом младших школьников отсутствует ($p=0,421>0,05$). Однако выяснились гендерные различия по положению в классе: у девочек социометрический статус выше, чем у мальчиков ($p=0,008<0,01$).

Исходя из того, что большинство учащихся третьих классов завышают уровень самооценки, можно предложить некоторые рекомендации для формирования адекватной (реальной) самооценки: чаще включать в групповую работу, чтобы дети выслушивали мнения других, искали компромиссы при возникновении разногласий. Провести работу, направленную на формирование навыка уважения чувств и желаний сверстников (они так же важны, как и собственные чувства и желания), а также умение спокойно относиться к критике (без агрессии).

Результаты проведенных методик не доказывают нашу гипотезу о том, что высокая или средняя самооценка проявляется у детей с высоким социометрическим статусом, а низкая самооценка проявляется у детей с низким социометрическим статусом. Отмечается, что связи между уровнем самооценки и социометрическим статусом нет.

Проанализировав данные результаты исследования, мы можем говорить о том, что многим младшим школьникам свойственен неадекватный (завышенный) уровень самооценки, обусловленный желанием самоутверждения, создать у окружающих более благоприятное впечатление о себе. Несомненно, в этот период у детей есть потребность занять определенное положение в группе сверстников. Можно предположить, что возрастающая значимость мнения сверстников является причиной неадекватности оценки своего места в системе межличностных отношений. Важно отметить, что у младших школьников недостаточно сформированы умения анализировать и рефлексировать, позволяющие адекватно оценивать себя и свои возможности.

Полученные в исследовании результаты позволят разработать комплекс психолого-педагогических рекомендаций для педагогов для своевременного обнаружения и устранения негативных факторов, препятствующих развитию личности в группе сверстников, а точнее, для формирования адекватной самооценки у младших школьников.

Литература

1. Надеждин Д.С. Динамика социометрического статуса школьников в процессе обучения с 1-го по 11-й классы // Вопросы школьной и университетской медицины и здоровья. – 2017. – №2. – С. 25-29.
2. Носырева С.Н. Особенности формирования самооценки у детей // Воспитание школьников – 2013. – №2. – С. 53-56.
3. Обухов А.С. Психология детей младшего школьного возраста: учебник и практикум для бакалавров – М.: Юрайт, 2016. – 583 с.
4. Пирожкова Н.В. Взаимосвязь самооценки младших школьников с их социометрическим статусом [Электронный ресурс] // Концепт: научно-методический электронный журнал. – 2015. – Спецвыпуск № 01. – URL: <http://e-koncept.ru/2015/75045.htm> (дата обращения: 30.04.2020).

Гендерный аспект особенностей поведения в конфликте у подростков

Бурдюгова А.С.

Московский государственный психолого-педагогический университет
(г. Москва)

Научный руководитель – Власова Н.В.

Важным компонентом самосознания личности является гендерная идентичность, которая активно формируется в подростковый период. Подросток начинает осознавать себя как представителя определенного пола, выстраивает свою линию поведения и оценивает её в соответствии с общепринятыми стереотипами о «женском» и «мужском».

Гендерные роли представляют собой один из видов социальных ролей, которые отражают определенные ожидания и выражаются в поведении, а в аспекте культуры – содержатся в рамках определенной половой символики и стереотипах маскулинности и феминности (Клецина И.С., 2009).

Гендерная идентичность представляет собой отождествление себя с определенным полом, отношение к себе как представителю определенного пола. Она вырабатывается индивидом в процессе взаимодействия его задатков социализации, в которой индивид играет активную роль. Он может как принимать, так и отвергать социальные роли и модели поведения, осознавая свою гендерную принадлежность, и в соответствии с ней формирует самосознание, уровень притязаний и т.д. (Бендас Т.В., 2006; Кон И.С., 2004). Все это может провоцировать межличностные и внутриличностные конфликты.

Под конфликтом, как социально-психологическим явлением, принято понимать резкое обострение противоречия, которое проявляется в непосредственном общении людей (Леонов Н.И., 2006). Ситуации установления новых взаимоотношений с окружающими, попытки завоевать эмоциональную независимость от родителей и педагогов нередко перерастают в конфликтные.

Важно обратить внимание на то, как подросток ведет себя в конфликтной ситуации – какие способы разрешения он склонен выбирать. При доминировании неконструктивных способов поведения в конфликте в межличностных отношениях с окружающими могут формироваться реакции, приводящие к неблагоприятным последствиям. Так, при склонности к избеганию подросток может подвергаться издевательствам и насмешкам со стороны сверстников, а при склонности к соперничеству конфликты могут перетекать в ситуации, в которых иногда начинает применяться физическая сила.

Целью данного исследования является изучение связи гендерного аспекта и особенностей поведения в конфликте у подростков.

Основной гипотезой исследования послужило предположение о том, что в зависимости от гендерных особенностей подростки будут по-разному вести себя в конфликтной ситуации.

Выборку исследования составили 76 подростков, учащихся 8 – 11 классов общеобразовательной школы, из них 42% девочек и 58% мальчиков. Возрастной диапазон – 13-18 лет. В соответствии с возрастным фактором, мы поделили выборку на две группы: испытуемые старшего подросткового возраста и испытуемые младшего подросткового возраста. Группу старших подростков составили 44 человека, группу младших подростков – 32 человека.

Для изучения связи гендерного аспекта с особенностями поведения в конфликте в исследовании использовались следующие методики: «Полоролевой опросник» (С. Бэм) для определения степени выраженности маскулинных и фемининных характеристик; «Поведение в конфликтной ситуации» (К. Томас и Р. Килманн, в адаптации Н.В. Гришиной) для определения ведущего типа поведения в конфликтной ситуации; «Личностная агрессивность и конфликтность» (Е. П. Ильин и П. А. Ковалев) для выявления склонности к конфликтности и агрессивности.

Для обработки данных использовались математические методы с использованием программы IBM SPSS Statistics 23: критерий Н-Краскера Уоллиса, критерий однородности Хи-квадрат для двух независимых выборок, корреляционный анализ с применением коэффициента корреляции Спирмена.

Результаты. Распределение гендерных особенностей в группе старшего подросткового возраста: у 24% подростков выражена маскулинность (маскулинный тип), у 21% подростков – феминность (феминный тип) и 55% подростков относятся к андрогинному типу (одинаково выражена маскулинности и феминность). Распределение гендерных особенностей в группе младшего подросткового возраста: у 15% подростков выражена маскулинность (маскулинный тип), у 30% подростков – феминность (феминный тип) и 55% подростков относятся к андрогинному типу. Следовательно, можно отметить, что у подростков самым распространенным гендерным типом является андрогинный, который включает в себя баланс маскулинных и феминных черт.

Если говорить о распределении гендерных типов по полу в каждом возрастном периоде, получились следующие результаты. Старший подростковый возраст: у 58% девочек выявлена склонность к андрогинному типу, у 28% - склонность к феминному типу, а у 6% - к маскулинному типу; 44% мальчиков имеют склонность к андрогинному типу, 33% - к маскулинному типу и 19% к феминному типу. Младший подростковый возраст: у 56% девочек выявлена склонность к андрогинному типу, у 31% - склонность к феминности, а у 13% - к маскулинности; 53% мальчиков имеют склонность к андрогинному типу, 18% - к маскулинности и 29% к феминности. Также статистически подтверждается, что нет значимых различий в распределении гендерных особенностей у мальчиков и девочек, как в старшем подростковом возрасте, так и в младшем. В соответствии с полученными данными, дальнейший анализ проводился по указанным гендерным типам в каждой возрастной группе.

Корреляционный анализ гендерного аспекта особенностей поведения в конфликте показал следующее.

Подростки старшего и младшего подросткового возраста с выраженной феминностью (феминный тип) в меньшей степени склонны к выбору способа конфронтации ($r=-0,463$ при $p<0,01$), настаиванию на своих интересах в конфликтной ситуации, однако в большей степени у них проявляется склонность к приспособлению ($r=0,468$ при $p<0,01$) в конфликтной ситуации и проявлению бескомпромиссности ($r=-0,404$ при $p<0,01$). Это может объясняться тем, что характерными феминными особенностями для них являются «застенчивость», «умение уступать», «тихий голос», «заботящийся о других» и др. Данные черты могут обуславливать склонность к приспособлению, а также низкое проявление склонности к противостоянию в конфликте.

В группе испытуемых младшего подросткового возраста было выявлено, что подростки с выраженной маскулинностью (маскулинный тип) в меньшей степени склонны в конфликтной ситуации к выбору способа

избегания, ухода ($r=-0,421$ при $p<0,01$) и к проявлению обидчивости ($r=-0,314$ при $p<0,05$), однако наиболее склонны к проявлениям подозрительности ($r=0,427$ при $p<0,01$).

Следовательно, гипотеза данного исследования, заключающая в том, что подростки в зависимости от гендерных особенностей будут по-разному вести себя в конфликтных ситуациях, подтверждается.

Полученные в исследовании результаты могут быть использованы для разработки коррекционно-развивающих программ, направленных на формирование конструктивных способов поведения в конфликте для мальчиков и девочек подросткового возраста, с учетом их гендерных особенностей.

Литература

1. Бендас Т. В. Гендерная психология: Учебное пособие. – СПб.: Питер, 2006. – 431 с.
2. Гендерная психология. 2-е изд. / Под ред. И. С. Клециной. – СПб.: Питер, 2009. – 496 с.
3. Кон И. С. Сексология: Учеб. пособие для студ. высш. учеб. Заведений. – М.: Издательский центр «Академия», 2004. – 384 с.
4. Леонов Н. И. Конфликтология: Учеб. пособие. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Издательство Московского психолого-социального института; Воронеж: Издательство НПО «МОДЭК», 2006. – 232 с.

Психологическая профилактика буллинга подростков

Вакуленко А.

Московский государственный психолого-педагогический университет
(г. Москва)

Научный руководитель – Делибалт В.В.

В данной работе мы постараемся описать и систематизировать психологические особенности подростков, находящихся в ситуации травли в онлайн или офлайн среде, чтобы на их основе построить модель психологической профилактики буллинга и кибербуллинга. С одной стороны, в общественном сознании, в том числе через трансляцию СМИ, проблема буллинга представлена на примере отдельных «страшных случаев», которые могут произойти в определенных неблагоприятных ситуациях, тем самым создается впечатление, что вероятность столкновения с травлей в обыденной жизни невелика. С другой стороны, последствия буллинга и кибербуллинга действительно достаточно плачевны, самыми страшными последствиями являются попытки суицидов их жертв, применение оружия в школе, вплоть до убийств. Пятая часть детей России подвергается буллингу еженедельно. Десятая часть российских детей сталкивается с травлей в интернете, а 25% опрошенных детей отмечают, что имеют опыт столкновения с буллингом или кибербуллингом. Этот показатель в европейских странах в два раза меньше, чем в России (Солдатова Г.У., Рассказова Е.И., Нестик Т.А., 2017).

Целью работы является описание и систематизирование психологических особенностей подростков, находящихся в ситуации риска буллинга для моделирования психологической профилактики травли.

Наиболее цитируемым ученым в области исследований травли является Д. Ольвеус. Именно его определение буллинга среди детей и подростков стало общепринятым в международной научной литературе. Он говорит о том, что буллинг является умышленным, систематическим агрессивным поведением, включающим в себя неравенство социальной власти и физической силы (Olweus D., 1987). Ольвеус пришел к выводу, что на ситуацию буллинга влияют не только групповые явления, но и собственные характеристики буллера и жертвы (Olweus D., 1978).

Нам показалось важным сделать акцент на роли выбираемых стратегий поведения и некоторых компонентов эмоционального интеллекта в буллинге. Буллеры и их активные и пассивные сторонники в большинстве своем

одобряют поведение, в котором проявляется доминирование и унижение слабых (Schuster B., 2001). Их можно характеризовать как уверенных в себе, но они также имеют низкие показатели по уровню эмпатии и пониманию эмоций выбранной жертвы. Стратегия избегания травли или пассивное наблюдение за буллингом имеют положительную корреляцию с показателем эмпатии и отрицательную с уверенностью в себе и способностью проявить активность в защите (Pooyhonen V., Juvonen J., Salmivalli C., 2010).

Основной гипотезой исследования послужило предположение том, что компоненты эмоционального интеллекта и копинг-стратегии можно выделить в виде мишени воздействия для профилактики риска травли.

Выборку составили 77 учащихся 6-8 классов Государственного бюджетного общеобразовательного учреждения г. Москвы. Возрастной диапазон – 12-15 лет. (средний возраст – 13,2), подростков женского пола – 49 человек (63,6%), подростков мужского – 28 человек (36,4%).

Выборка была разделена на экспериментальную и контрольную группы на основании методики «Опросник риска буллинга». В экспериментальную группу вошло 38 учащихся с риском буллинга в классе, из них 18 (47,4%) мальчиков и 20 (52,6%) девочек, средний возраст – 13,5 лет. В контрольную – вошло 39 подростков, учащихся без риска буллинга в классе, из них 10 (25,6%) мальчиков и 29 (74,4%) девочек, средний возраст – 13,0 лет.

В исследовании использовались следующие методики: 1. Методика-опросник риска буллинга (ОРБ) Бочавер А.А., Кузнецова В.Б., Бианки Е.М., Дмитриевский П.В., Завалишина М.А., Капорская Н.А., Хломов К.Д. Данный опросник имеет четыре шкалы-индикатора риска травли: шкалы-предикторы небезопасности, разобщенности и шкалы-антипредикторы благополучия и равноправия; 2. Опросник, использующийся в Европейском проекте по вмешательству в ситуацию кибербуллинга, направленный на выявление агрессоров / жертв кибербуллинга; 3. Опросник для психологической диагностики способов совладания со стрессовыми и проблемными для личности ситуациями (Копинг-стратегии Р.Лазаруса), включает в себя 50

утверждений, каждый из пунктов соответствует одному из 8-ми видов копинг-стратегий. 4. Опросник на эмоциональный интеллект (ЭМИн) Д.В. Люсина, с целью диагностики способности к пониманию своих и чужих эмоций и управлению эмоциями. Утверждения объединяются в пять субшкал, которые, в свою очередь, объединяются в четыре шкалы более общего порядка: межличностный ЭИ, внутриличностный ЭИ, понимание эмоций, управление эмоциями, понимание чужих эмоций, управление чужими эмоциями, понимание своих эмоций, управление своими эмоциями, контроль экспрессии.

Были получены следующие результаты:

В группах с риском буллинга и без него примерно одинаковое количество подростков не сталкивались с кибербуллингом и участвовали в нем в какой-то из ролей. Результаты сравнения показателей по типам совладающего поведения и эмоциональному интеллекту у групп с риском буллинга и без показали незначимые различия. На наш взгляд, это может быть связано с степенью выраженности травли в экспериментальной группе.

Были выявлены значимые корреляции между риском буллинга и участием в кибербуллинге: чем выше уровень ощущения небезопасности и разобщенности в группе, тем выше риск столкновения с кибертравлей.

В группе с риском буллинга была замечена значимая обратная корреляция между внутренним эмоциональным интеллектом и шкалами-предикторами травли: небезопасности и разобщенности. Это означает, что небезопасность и разобщенность в группе, свидетельствующие о риске буллинга, связаны с низкой способностью подростков понимать и управлять своими эмоциями. Была отмечена значимая обратная связь между шкалой «управление эмоциями» и шкалой-предиктором буллинга «разобщенность». Это может свидетельствовать о том, что, если группа разобщена, то ее участники имеют низкую способность к управлению эмоциями. Здесь же имеет место прямая связь между участием в кибербуллинге и стратегией дистанцирования и обратная связь с самоконтролем, что может говорить о том,

что подростки, которые сталкиваются с кибербуллингом, часто выбирают стратегию дистанцирования и редко применяют стратегию самоконтроля.

Таким образом, несмотря на то, что значимых различий между группами с риском буллинга и без него не было обнаружено, на что могла повлиять разная степень выраженности и способов проявления травли, было обнаружено, что в группе риска буллинга большая вероятность столкновения с травлей в сети, а также низкая способность понимания и управления своими эмоциями. При столкновении с кибертравлей для подростков характерны выбор стратегии дистанцирования и избегание стратегии самоконтроля. В связи с этим копинг-стратегии и эмоциональный интеллект могут выступать мишенями для профилактики травли в оффлайн и онлайн среде.

Литература

1. Солдатова Г. У., Рассказова Е. И., Нестик Т. А. Цифровое поколение России: компетентность и безопасность. – М.: Смысл, 2017. – 375 с.
2. Olweus, D. Aggression in the schools: Bullies and whipping boys. Washington, DC: Hemisphere (Wiley). 1978. – p. 160-183.
3. Olweus D. Bully/victim problems among school children in Scandinavia. /In J.P. Myklebust, R. Ommundsen (Eds.) – Oslo, 1987. – p. 395-413.
4. Pooyhonen V., Juvonen J., Salmivalli C. What does it take to stand up for the victim of bullying? The interplay between personal and social factors // Merrill Palmer Quarterly. 2010. Vol 56, № 2. p. 143–163. doi: 10.1353/mpq.0.0046.
5. Schuster B. Rejection and victimization by peers: Social perception and social behavior mechanisms // Peer harassment in school: The plight of the vulnerable and victimized /J. Juvonen, S. Graham, ed. New York: Guilford Press, 2001. p. 290 – 309.

Влияние народных игр на дезадаптивное поведение детей старшего дошкольного возраста

Валевич А.А.

Московский государственный психолого-педагогический университет
(г. Москва)

Научный руководитель – Чернушевич В.А.

Проблема дезадаптации все чаще отмечается воспитателями, педагогами, родителями и другими специалистами, которые работают с детьми (Литвиненко Н.В., Гасилина М.А., 2016). Особенно эта проблема актуальна и тревожна для детей дошкольного возраста, так как дошкольный возраст – один из самых важных периодов развития. Именно в нём закладывается базис личности, в том числе её способности к адаптации, нравственное развитие. Новый коррекционно-развивающий метод, разрабатываемый на базе фольклорной игры, может дать необходимый ресурс для работы с теми детьми дошкольного возраста, которые утратили способность успешной адаптации к условиям социальной среды, что обуславливает актуальность выбранной темы.

Объектом исследования является дезадаптивное поведение детей старшего дошкольного возраста. **Предметом** - влияние народных игр на дезадаптивное поведение старших дошкольников. **Цель:** определение влияния народных игр на дезадаптивное поведение детей старшего дошкольного возраста.

Адаптация – приспособление, т.е. приобретение новых для индивида способов существования в новой среде. Дезадаптация, в свою очередь, есть психическое состояние внутренних и внешних отношений, когда статус ребёнка не соответствует тем требованиям, которые выдвигает общество в новой социальной ситуации развития (Коджаспирова Г. М., Коджаспиров А. Ю., 2001, с.33,34). Причинами несоответствия требованиям со стороны

общества и малого набора актуальных способов существовать в той среде, где предъявляются данные требования, могут быть психологические факторы (где корень дезадаптации лежит во внутриличностных особенностях ребёнка), микросоциальные (корень в актуальной среде, где живет ребёнок, которая оказывает на него постоянное воздействие) и биологические факторы (ядро дезадаптации – врожденная или приобретенная патология нервной системы и ВПФ). В нашем исследовании предполагается работа с психической и социальной дезадаптацией ребёнка, так как народная игра, по нашим наблюдениям, оказывает наиболее благоприятное влияние именно на эти виды дезадаптации.

В качестве основных показателей дезадаптивного поведения было решено взять уровень тревожности, гиперактивности и агрессивного поведения, а также социометрический статус и уровень коммуникативных умений. Отклонения от нормы по этим показателям все чаще наблюдаются среди дошкольников и особенно ярко видны в народной игре. Высокий уровень каждого из показателей блокирует возможность ребенка успешно усваивать адаптивные паттерны поведения, а, следовательно, и успешную адаптацию. Старший дошкольный возраст крайне важен для того, чтобы в будущем была сформирована здоровая гармоничная личность, которая достаточно легко сможет адаптироваться к изменяющимся условиям среды. Для этого необходима особая социальная среда, где ребёнок сможет сформировать и развить собственные адаптивные возможности. Нам кажется, что именно народная игра может стать этой социальной средой развития, отвечающей всем требованиям для старших дошкольников.

Любая народная игра содержит в себе определенные модели поведения, ролевые модели, этические нормы и правила, она включает в себя весь опыт предыдущих поколений и обладает особыми элементами, которые оказывают значимое влияние: форма, правила, пение и слова, мелодия, ритм, особенности движения, выбор, роли (Теплова А.Б., Чернушевич В.А., 2019). Народная игра – **безопасная среда**, в которой транслируются различные

жизненные ситуации, с переживаемыми сложными эмоциями и чувствами в них, а также **конструктивные способы** высвобождения внутренней энергии, эмоций и разрешения этих ситуаций с **приобретением новых адаптивных возможностей**.

Содержанием экспериментальной части работы стало проведение серии игровых программ: 12 занятий, по 1 занятию один раз в неделю, в течение 30-40 минут, с конца сентября по конец декабря 2019 года с участниками экспериментальной группы исследования. Для оценки результатов были выбраны **следующие методики**: Методика «Опросник поведения дошкольников» Казанцевой О.А., Сычева О.А., Тютеревой Т.А., «Капитан корабля» Смирновой О.Е., Холмогоровой В.М., методика Р. Тэмбла, М. Дорки и В. Амена, методика «Рукавички» Цукерман Г.А., Таблица наблюдения за ребёнком в игре. Базы данных были составлены в виде сводных таблиц в программе Excel, а статистическая обработка проводилась с помощью программы IBM SPSS Statistics.

Выборку исследования составили воспитанники детских садов, в количестве 197 детей, в возрасте 5-7 (средний возраст 6,1) лет, из них 115 детей вошли в экспериментальную группу и 82 ребёнка в контрольную группу.

На основе полученных результатов были сделаны следующие выводы, подтверждающие все гипотезы: была подтверждена гипотеза о том, что значительное число детей старшего дошкольного возраста имеют трудности в адаптации, дезадаптивное поведение. В нашем случае 79% детей экспериментальной группы и 45% детей контрольной группы, составивших выборку, имеют различные трудности (в т.ч. сочетанные). Подтвердилась гипотеза о том, что народные игры оказывают позитивное влияние на формирование адаптивного поведения, на снижение числа детей с дезадаптивным поведением. А именно, народные игры способствуют тенденции снижения проявлений тревожности, агрессии и гиперактивности, народные игры оказывают положительное влияние на социометрический статус ребёнка в группе (так 10 детей экспериментальной группы из 33 до

игровых программ со статусом «игнорируемый» перешли в группу со статусом «дружба») и на уровень коммуникативных умений старших дошкольников (9 детей из 30 с низким уровнем коммуникативных умений перешли в группы детей с высоким и средним уровнем, в контрольной группе положительной динамики не наблюдалось).

При этом при оценке результатов важно заметить, что чистое время занятий составило 4 часа за весь период наблюдения в месяц в среднем, что достаточно мало. Вероятно, при большем количестве часов игровых занятий была бы большая положительная динамика.

Результаты экспериментальной работы открывают для нас реальные коррекционно-развивающие возможности народной игры. Возможно, если включить в сеансы народной игры родителей детей, то динамика будет еще значительней (дети и родители переносят игровой опыт в другие ситуации детско-родительского окружения - семью, дворовые площадки, праздничные ситуации). Так мы расширяем влияние игрового социо-культурного средового фактора на ценности и поведенческие паттерны, демонстрируемые взрослыми, устанавливаем более понимающие и доверительные отношения между ними. Это может оказать значительное влияние на адаптацию детей к новым условиям и дать родителям новый ресурс к развитию адаптационных способностей детей. Также нам хотелось бы передать народную игру воспитателям, так как они оказывают значимое влияние на детей, которые проводят большую часть времени в ДОО. Опыт общения с воспитателями показал, что, несмотря на желание использовать игровую практику, воспитатели испытывают серьезные трудности в овладении игровым поведением. Эти направление работы планируется развивать в будущем.

Литература

1. Коджаспирова Г. М., Коджаспиров А. Ю. Педагогический словарь: для студ. высш. и сред. пед. учеб. заведений. – М.: Издательский центр «Академия», 2001. – 176 с.

2. Литвиненко Н.В., Гасилина М.А. Тревожность и агрессия как показатели проявлений дезадаптации детей 6 -7 лет к образовательной среде дошкольной организации // Интернет - журнал «Мир науки». –2016. –Том 4. – № 3. – URL: <https://mir-nauki.com/PDF/19PDMN316.pdf> (дата обращения: 30.04.2020).

3. Теплова А.Б., Чернушевич В.А. Коррекционно-профилактический потенциал традиционной игры (планирование экспериментального исследования) [Электронный ресурс] // Психология и право. – 2019. –Том 9. – № 3. – С. 296–309. doi:10.17759/psylaw.2019090321.

Связь уровня социальной фрустрированности и склонности к отклоняющемуся поведению в юношеском возрасте

Гревцева П.М.

Московский государственный психолого-педагогический университет
(г. Москва)

Научный руководитель – Дегтярев А.В.

Социальным условиям отводится важная роль как факторам, непосредственно влияющим на качество жизни личности. Проблемы, возникающие в данной сфере, в психологии принято называть социальной фрустрированностью.

Данный феномен передает эмоциональное отношение человека к занятым в обществе позициям. При оценке своих достижений в различных сферах человек может испытывать некоторый уровень удовлетворенности или неудовлетворенности, однако данные переживания могут иметь противоположные внешние проявления.

Л.И. Вассерман и Е.А. Трифонова определяют социальную фрустрированность как «специфический комплекс переживаний и отношений

личности, возникающий в ответ на действие фрустрирующих факторов» (Вассерман Л.И., Трифонова Е.А., 2012).

Длительное воздействие подобных факторов отрицательно влияет на адаптивные механизмы личности. Отмеченные выше обстоятельства оказывают прямое влияние на качество жизни каждой отдельной личности. Отсюда возникает необходимость в изучении и диагностике уровня социальной фрустрированности.

Юность является решающим возрастом для формирования мировоззрения, основное место в процессе развития которого занимает решение коренных социально-нравственных проблем, касающихся смысла жизни. Поиски ответов на данные вопросы воплощаются в жизненных планах, включающих в себя самоопределение, стиле жизни, уровне притязаний и пр. В этот период юноши стремятся к идентификации. Отсюда появляется повышенный риск социальной фрустрированности (Абрамова Г.С., 2012). В рамках данного вопроса нас заинтересовала проблема влияния социальной фрустрированности на отклоняющееся поведение в юношеском возрасте.

Цель исследования – выявление наличия и характера связи уровня социальной фрустрированности и отклоняющегося поведения в юношеском возрасте.

Было выдвинуто предположение, что существует связь между уровнем социальной фрустрированности и склонностью к отклоняющемуся поведению в юношеском возрасте.

В ходе проведения исследования использовались следующие методики: «Уровень социальной фрустрированности» Л.И. Вассермана, Б.В. Иовлева и М.А. Беребина, «Определение склонности к отклоняющемуся поведению» (А.Н. Орел), опросник уровня агрессивности Басса–Перри, тест «Склонность к зависимому поведению» (В.Д. Менделевич), опросник суицидального риска в модификации Т.Н. Разуваевой.

В исследовании приняли участие юноши и девушки от 18 до 25 лет в количестве 45 человек, из них – 28 девушек и 17 юношей.

Результаты и обсуждение

В ходе первого этапа исследования было выявлено, что большинство опрошенных юношей и девушек имеют низкий уровень социальной фрустрированности. Это означает, что значительная часть испытуемых, в целом, удовлетворены своим социальным и материально-экономическим положением, взаимоотношениями с родными и близкими людьми, с ближайшим окружением, своим здоровьем и работоспособностью.

Количественные измерения уровня склонности испытуемых к различным проявлениям отклоняющегося поведения свидетельствуют, что несмотря на низкий уровень социальной фрустрированности по группе испытуемых, респонденты склонны к проявлениям аддиктивного и делинквентного поведения.

Далее, было проведено деление выборки на две группы. Основанием для подобного деления послужили данные, полученные по методике «Склонность к отклоняющемуся поведению» А.Н. Орла, а именно, результаты по шкале «Склонность к аддиктивному поведению». Среднее значение по шкале в группе испытуемых превышает статистическую норму, при этом у 21 испытуемого наблюдается средний или пониженный уровень склонности к аддиктивному поведению, а у 24 – уровень выше среднего по группе. Испытуемые были разделены на группы с пониженной и повышенной склонностью к аддиктивному поведению. В группе испытуемых с повышенной склонностью к аддиктивному поведению отмечался также повышенный процент испытуемых, отнесенных к неопределенному уровню социальной фрустрированности.

Был проведен статистический анализ данных, полученных в каждой из групп респондентов, с помощью коэффициента ранговой корреляции Спирмена. Он позволил сделать вывод об отсутствии прямой или обратной связи между уровнем социальной фрустрированности и склонностью к отклоняющемуся поведению в группе испытуемых с пониженным уровнем склонности к аддиктивному поведению.

В группе испытуемых с повышенным уровнем склонности к аддиктивному поведению обнаруживается средняя прямая связь уровня социальной фрустрированности со склонностью к преодолению правил и норм (0,42), аддиктивному поведению (0,48), самоповреждающему поведению (0,43), волевым контролем эмоциональных реакций (0,59), индексом агрессии (0,43) и аффективностью (0,43).

Таким образом, данная группа испытуемых склонна к проявлению ненаправленной агрессии, использованию физической силы против других лиц, при малейшем возбуждении склонны проявлять готовность к проявлению негативных чувств. Также в этой группе испытуемых наблюдается доминирование эмоций над интеллектуальным контролем в оценке ситуации, в крайнем варианте реакция на психотравмирующую ситуацию проявляется в блокаде интеллекта.

Опираясь на полученные результаты, можно предположить, что испытуемые, которые в большей степени неудовлетворены какими-либо сферами своей жизни, по причине ослабления механизмов социальной адаптации склонны «уходить» от решения возникающих проблем, им свойственны эмоционально-негативные реакции, контролирующие их поведение, возникновение аддикций и желаний причинения физического вреда самому себе, а также подобные респонденты склонны преодолевать правила и нормы, которые, возможно, являются барьерами на пути к полной удовлетворенности своими жизненными позициями.

Результаты проведенного диагностического исследования частично подтвердили гипотезу о том, что существует связь между уровнем социальной фрустрированности и склонностью к отклоняющемуся поведению в юношеском возрасте, так как подобная связь статистически подтвердилась только в группе испытуемых с повышенной склонностью к аддиктивному поведению.

Основываясь на полученных результатах, можно заключить, что оказание психологической помощи лицам юношеского возраста с умеренным

и повышенным уровнем социальной фрустрированности должно быть направлено на снижение склонности к аддиктивному и агрессивному поведению, в том числе аутоагрессивному, а также на развитие навыков стрессоустойчивости и контроля эмоциональных реакций. При проведении подобной работы важно учитывать имеющиеся личностные ресурсы у каждого юноши и девушки.

Обнаружение повышенной склонности к аддиктивному поведению при низком уровне социальной фрустрированности в юношеском возрасте открывает перспективы для дальнейшего исследования данной темы. Неразрешенными остаются вопросы о возникновении склонности к аддиктивному поведению, которая сильно выражена именно в юношестве. Интересным также остается вопрос о значении гендерного аспекта при изучении связи уровня социальной фрустрированности со склонностью к отклоняющемуся поведению в юношеском возрасте.

Изучение данных вопросов в дальнейшем может послужить теоретической основой разработки действенных профилактических мер, направленных на снижение возникновения склонности к агрессивным, аддиктивным и делинквентным формам поведения среди современных юношей и девушек.

Литература

1. Абрамова Г.С. Возрастная психология. – М.: Академия, 2012. – 672 с.
2. Вассерман Л.И. Трифонова Е.А., Социально-психологические факторы в формировании сферы здоровья личности // Обозрение психиатрии и медицинской психологии. – 2012. – № 3. – С. 3 - 8.

Особенности правосознания в юношеском возрасте

Добрякова А. Р.

Московский государственный психолого-педагогический университет

(г. Москва)

Научный руководитель – Богданович Н. В.

На современном этапе развития общества идут дискуссии насчет того, имеет ли наша молодежь собственную активную правовую позицию, которую отстаивает в различных формах, или преобладают пассивные настроения, и молодые люди не имеют собственного мнения даже по поводу острых социальных проблем, что говорит нам об актуальности изучения уровня правосознания молодежи и понимания его структуры с учетом возрастных особенностей для наиболее эффективного разрешения этого вопроса и развития правового общества в России.

Можно назвать раннюю и позднюю юность сензитивными для формирования правосознания. Этот возрастной период наполняет до этого чисто теоретические знания в сфере права личностными смыслами, ценностями, личным опытом. Находясь в положении нестабильного социального статуса, некой “маргинальности” молодые люди склонны отвергать существующие порядки, воспринимать сложившиеся нормы как устаревшие и не могущие в полной мере удовлетворить их потребности в самоопределении и самовыражении. В ранней юности небольшой жизненный опыт может препятствовать анализу и прогнозу правовых последствий своих действий в социуме. Недостаток осведомленности в правовом контексте может приводить к совершению правонарушений, которые молодыми людьми не расцениваются как таковые, и это повышает риск противодействия правоохранительным органам, усиливает непонимание и конфронтацию с правовой системой.

Целью нашего исследования было выявить особенности правосознания в младшем и старшем юношеском возрасте. Также мы считаем важным рассмотреть особенности восприятия справедливости и правовой активности. Представляя собой особую ценность в человеческих взаимоотношениях, справедливость выступает регулятором поведения и непосредственно накладывает отпечаток на оценочное восприятие права. Правовая активность личности непосредственно отражает поведенческий компонент правосознания.

Методологической основой для исследования послужили теоретические и эмпирические работы таких авторов, как А. Р. Ратинов, О. А. Гулевич, Дж. Тапп, Ф. Левин, С. Московиси, Е. О. Голынчик, М. Шмидт, А. В. Петровский, К. А. Абульханова-Славская.

Выборку составили 60 респондентов:

- 30 - студенты московских вузов в возрасте 18-23 лет;
- 30 - учащиеся московских школ в возрасте 15-17 лет.

Нами были использованы следующие методики:

1. Спонтанные ассоциации к предложенным понятиям и Незаконченные предложения использовались для выявления обыденных социальных представлений о законе, правоохранительных органах, правонарушении, преступлении и справедливости.

2. Опросник “Чувствительность к справедливости” М. Шмидта. Данная методика позволила рассмотреть чувствительность к справедливости в зависимости от ролей, занимаемых человеком в ситуации несправедливости.

3. Опросник Дж. Тапп и Ф. Левина был использован нами для определения уровня правового развития.

4. Цветовой тест отношений способствовал выявлению того, с какими понятиями у респондентов объединяются понятия из правовой сферы и формируют наиболее близкие связи.

5. Для исследования правовой активности нами были использованы проективные ситуации.

Выявленные особенности правосознания, такие, как преимущественно критическая оценка работы правоохранительных органов и судебной системы (превышение ими полномочий, неэффективность, коррумпированность); восприятие существующих законов как несправедливых, формальных, требующих изменений; неравенство людей перед законом во многом согласуются с международными исследованиями (Гулевич О. А., Голынчик Е. О., 2003) и скорее являются культурально обусловленными.

В обеих возрастных группах доминирует уровень правового развития правоподдержание (согласно модели Тапп/Левина). Иными словами, респонденты полагают, что следование законам необходимо для поддержания общественного порядка. Возможность нарушения закона, противоречащего моральным принципам (как всеобщим, так и лично каждого человека) допускает более половины респондентов старшего юношеского возраста (в младшем юношеском возрасте только треть).

Понятие «Справедливость» чаще ассоциируется со словами «Честность», «Равенство», «Правда». Справедливый закон характеризуется как работающий по отношению ко всем одинаково, равно учитывающий потребности, интересы, права всех людей и особенности ситуации.

При анализе проективных ситуаций нами было сформулировано предположение, что поведение индивида (касающееся вмешательства в ситуацию нарушения закона, то есть правовая активность) зависит от двух параметров: тяжести/легкости совершаемого правонарушения; близости отношений между совершающим их человеком и самим респондентом.

Действительно, было выявлено, что количество активных действий в обеих возрастных группах возрастает:

- ▶ в ситуациях, когда являются свидетелями нарушения прав знакомого человека (даже если ситуация небезопасна);
- ▶ в ситуациях, предполагающих серьезные последствия для пострадавшего (даже незнакомого);

▶ в ситуациях, когда легкое правонарушение совершает знакомый респонденту человек, чаще возникают попытки пресечь его действия (совершение аналогичных действий незнакомцем игнорируется);

▶ в ситуации, предполагающей нарушение своих прав органами правопорядка, больше половины намерены отстаивать свои права в вышестоящих инстанциях ради привлечения виновника к ответственности;

▶ в ситуации, когда есть возможность незначительно нарушить закон, чтобы помочь другу (незнакомцу, наоборот, откажут).

Количество активных действий снижается:

▶ если респонденты являются свидетелями преступления, совершенного знакомым, препятствие его действиям встречается реже; большинство упоминали серьезный разговор с другом и как своеобразную санкцию - прекращение общения.

Небольшое количество испытуемых высказалось за активные действия, направленные на изменение несправедливого закона, так как большинство полагает свое вмешательство бесполезным и ничего не решающим в современных реалиях.

В целом, можно отметить, что для младшего юношеского возраста (15-17 лет) характерно более «шаблонное» смысловое наполнение правовых терминов, формальные характеристики. Возможно, это связано с тем, что в этом возрастном периоде ценностно-смысловая сфера находится еще в процессе формирования и вследствие небольшого жизненного опыта правовая сфера воспринимается отдаленно, как нечто чужое и непонятное (тем более индивиды еще ограничены в выражении своих гражданских прав по причине несовершеннолетия). Старший юношеский возраст более ориентирован на проявление правовой активности, так как имеет для этого больше возможностей.

Литература

1. Гулевич О. А., Голынчик Е. О. Правосознание и правовая социализация. Аналитический обзор. – М.: Международное общество им. Л. С. Выготского, 2003. – 270 с.

Связь саморегуляции, самоорганизации и замещающего поведения старших подростков

Долгих Т.М.

Московский государственный психолого-педагогический университет

(г. Москва)

Научный руководитель – Власова Н.В.

Замещающее поведение подростков – острая проблема современного мира, вместе с тем данное понятие появилось сравнительно недавно, и исследований, посвященных данной проблеме, крайне мало. Изучение связи отдельных компонентов самоорганизации и саморегуляции с тремя конкретными формами замещающего поведения может помочь под новым углом взглянуть на существующие проблемы и увидеть новые пути их решения.

Цель: изучить связь между самоорганизацией, саморегуляцией и замещающим поведением старших подростков.

Объект: феномены самоорганизации, саморегуляции и замещающего поведения в старшем подростковом возрасте.

Предмет: связь между самоорганизацией, саморегуляцией и замещающим поведением старших подростков

Гипотеза: существует связь между самоорганизацией, саморегуляцией и замещающим поведением старших подростков, для подростков с такими формами замещающего поведения, как «деструктивность», «отстранение» и «оппозиция», характерен низкий уровень самоорганизации и саморегуляции.

Методы исследования: I) Теоретический анализ научной литературы; II) Эмпирические методы: 1) Опросник «Стиль саморегуляции поведения – ССПМ» В. И. Моросановой; 2) Опросник «Диагностика особенностей самоорганизации» А.Д. Ишкова (ДОС); 3) «Методика изучения замещающего поведения» (МИЗП); III) Методы математической статистики.

Теоретический анализ научной литературы показал, что все три изучаемых феномена не являются однозначными и понимаются авторами различно. В данном исследовании замещающее поведение будет изучаться с опорой на взгляды Е.В. Лосинец, согласно которым, замещающее поведение – это система социально обусловленных действий, организующих активность личности на снятие внутреннего напряжения. Е.В. Лосинец выделяет три формы замещающего поведения «отстранение», «оппозицию» и «деструктивность». (Лосинец Е.В., 2016).

Саморегуляция рассматривалась в исследовании с позиции, предложенной О.А. Конопкиным и В.И. Моросановой (Моросанова В. И., Бондаренко И. Н., 2015), а самоорганизация в контексте интегрального подхода А.Д. Ишкова (Ишков А.Д., 2004), с использованием соответствующих моделей.

Выборку составили 85 человек (43 девушки и 42 юноши) в возрасте 16-18 лет, учащиеся общеобразовательных школ г. Москвы.

Наиболее значимые результаты: общий уровень саморегуляции подростков, согласно результатам ССПМ, соответствует среднему показателю (29,88). Общий уровень самоорганизации, согласно результатам опросника ДОС, соответствует повышенному показателю (62,7), наиболее развиты «волевые усилия» (69,6) и «целеполагание» (68,9), наименее развита коррекция (54,8), что свидетельствует о достаточной способности подростков организовывать и регулировать свою деятельность, но вместе с тем и о наличии возможных сложностей с отдельными навыками. Показатель замещающего поведения находится на границе среднего и повышенного (6,01), также на границе среднего и повышенного показателя находятся

«отстранение» (6,06) и «оппозиция» (6,07), «деструктивность» (5,38) развита средне. Данные показатели являются достаточно тревожными и говорят о выраженности проблемы замещающего поведения у подростков

С использованием коэффициента ранговой корреляции Спирмена были найдены следующие связи.

Выявлены обратные связи между замещающим поведением и следующими шкалами опросников ДОС и ССПМ: «целеполагание» (ДОС) ($\rho=-0,307$, $p<0,01$), «коррекция» (ДОС) ($\rho=-0,319$, $p<0,01$), «волевые усилия» (ДОС) ($\rho=-0,340$, $p<0,01$), «моделирование» (ССПМ) ($\rho=-0,475$, $p<0,01$), «оценивание результатов» (ССПМ) ($\rho=-0,331$, $p<0,01$), а также получена прямая связь между замещающим поведением и самостоятельностью (ССПМ) ($\rho=0,397$, $p<0,01$).

Шкала «Отстранение» имеет средние обратные связи, как с общим уровнем самоорганизации ($\rho=-0,500$, $p<0,01$), так и с общим уровнем саморегуляции ($\rho=-0,402$, $p<0,01$), а также со всеми шкалами опросника ДОС, кроме шкалы «анализ ситуации»: «волевые усилия» ($\rho=-0,589$, $p<0,01$), «целеполагание» ($\rho=-0,547$, $p<0,01$), «коррекция» ($\rho=-0,490$, $p<0,01$), «планирование» ($\rho=-0,318$, $p<0,01$), «самоконтроль» ($\rho=-0,297$, $p<0,01$). Также данная шкала имеет обратные связи с тремя шкалами опросника ССПМ: «моделирование» ($\rho=-0,461$, $p<0,01$), «оценивание результатов» ($\rho=-0,378$, $p<0,01$), «гибкость» ($\rho=-0,327$, $p<0,01$).

Шкала «оппозиция» имеет только слабую отрицательную связь со шкалой «оценивание результатов» ССПМ ($\rho=-0,293$, $p<0,01$), и среднюю положительную связь со шкалой ССПМ «самостоятельность» ($\rho=0,429$, $p<0,01$).

Шкала «деструктивность» имеет среднюю отрицательную связь со шкалой ССПМ «моделирование» ($\rho=-0,461$, $p<0,01$), и слабую положительную связь со шкалой ССПМ «самостоятельность» ($\rho=0,337$, $p<0,01$).

Как видно, именно склонность к отстранению наиболее связана с проблемами самоорганизации и осознанной саморегуляции. Так, подростки,

склонные постоянно откладывать важные дела и принятие решений, отказываться от ответственности, отстраняться от реальных людей и обстоятельств, переключаться на незначимую или менее значимую деятельность, характеризуются проблемами с постановкой и удержанием целей, планированием деятельности, учётом значимых обстоятельств и оценкой собственных возможности и достижений, коррекцией своих целей и планов.

Также можно отметить, что подростки, склонные к «оппозиции», проявлениям негативизма, грубости, излишнему упрямству, игнорированию потребностей окружающих и противопоставлению себя другим, так же в большей степени склонны к неверному оцениванию своих достижений, эффективности действий и могут не обращать внимания на уже допущенные ошибки или повторять их. В то же время учащиеся, склонные к проявлению «деструктивности», также слабее владеют навыком моделирования: чаще неверно оценивают существующую ситуацию, собственные возможности и ограничения, чаще опираются на надуманные факты.

Кроме того, интересной является положительная связь «оппозиции» и «деструктивности» с самостоятельностью. Полученная связь требует более подробного изучения и дополнительных исследований для надежных выводов об особенностях самостоятельности данных групп подростков.

Выводы:

1) испытуемые имеют преимущественно средний уровень саморегуляции, повышенный уровень самоорганизации, показатель замещающего поведения на границе среднего и повышенного;

2) выявлены значимые связи между замещающим поведением, самоорганизацией и саморегуляцией.

Выдвинутая изначально гипотеза частично подтвердилась, подростки, склонные к замещающему поведению, особенно к такой его форме, как отстранение, имеют также более низкое развитие различных структурно-функциональных компонентов самоорганизации и саморегуляции, вместе с

тем была выявлена и положительная связь между «самостоятельностью» и такими формами замещающего поведения, как «оппозиция» и «деструктивность». В дальнейшем, для изучения возможного влияния самоорганизации и саморегуляции на замещающее поведение подростков возможно проведение экспериментального исследования.

Таким образом, на основе полученных данных, можно констатировать, что развитие самоорганизации и осознанной саморегуляции через различные методы – тренинги, отдельные приемы и упражнения могут быть включены в профилактику и коррекцию замещающего поведения подростков.

Литература

1. Ишков А.Д. Учебная деятельность студента: психологические факторы успешности: Монография. – М.: Издательство АСВ. – 2004. – 224 стр.
2. Лосинец Е. В. Теоретическое обоснование структурных компонентов замещающего поведения подростков // Актуальные проблемы психологического знания. – 2016. – №. 1. – С. 99-107.
3. Моросанова В. И., Бондаренко И. Н. Диагностика саморегуляции человека. – М.: Когито-Центр, 2015. – 304 с.

Влияние социально-психологического тренинга на уровень тревожности и совладающее поведение в старшем подростковом возрасте

Ефимочкина К.М.

Московский государственный психолого-педагогический университет

(г. Москва)

Научный руководитель – Дегтярёв А.В.

По словам И.В. Фокиной, проблема экзаменационной тревожности стала наиболее актуальной для нашего времени, что связано с переходом 1 января 2009 года единого государственного экзамена в штатный режим. Автор

утверждает, что новая форма сдачи экзаменов способствует увеличению стрессов, тревоги, эмоциональных срывов, страха перед сдачей единого государственного экзамена. Старшеклассники находятся в постоянном напряжении, психологической перегрузке перед предстоящим контролем знаний, ведь на этих результатах будет основываться получение аттестата, дальнейшее поступление в вуз, социальное одобрение (Фокина И.В., 2014).

Согласно результатам исследования, проведенного И.Г. Крохиной и К.Р. Сидоровым, основными причинами школьной тревожности являются учебная нагрузка (объем домашней работы и количество учебных занятий в день), сложный материал для изучения, проверка знаний в различных формах (в т.ч. экзамены). Наиболее стрессогенным для учеников является фактор экзаменационной проверки знаний (Сидоров К.Р., Крохина И.Г., 2013).

Е.П. Ильин говорит об экзаменационном стрессе как о частной форме стресса психического, который является психотравмирующим фактором и может предвещать экзаменационные неврозы (Ильин Е.П., 2011).

Высокий уровень стресса присутствует не только в подростковом возрасте и связан не только с экзаменационным периодом. По мнению Р. Сапольски, стресс сопровождает нас всюду. «С точки зрения эволюции животного мира постоянный психологический стресс – это недавнее изобретение, и он главным образом характерен для людей и других социальных приматов. Кроме того, мы можем испытывать очень сильные эмоции, провоцирующие соответствующее возбуждение в теле (в т.ч. чувство тревоги и стресса) исключительно на основании собственных мыслей» (Сапольски Р., 2019).

Иными словами, психологический стресс стал нормой для современного человека, а вот способы его эффективного и «беспоследственного» переживания еще не освоены и не являются нашей ежедневной привычкой. Для старшеклассников тревога и стресс стали бессменными спутниками, но их копинг-стратегии сформированы еще недостаточно. Совершенно логичным выходом из сложившейся ситуации

является детальное изучение феноменов тревожности, стресса и стрессово-совладающего поведения, а также обучение подростков навыкам эмоциональной регуляции и копинг-стратегий, например, в форме социально-психологического тренинга.

Целью исследования является анализ влияния социально-психологического тренинга на уровень тревожности и совладающее поведение в старшем подростковом возрасте.

Гипотезой исследования выступает предположение о том, что социально-психологический тренинг способствует нормализации уровня ситуативной тревожности.

В соответствии с поставленной целью и гипотезами исследования были проведены формирующий эксперимент, психодиагностические замеры и последующий анализ полученных эмпирических данных.

Формирующий эксперимент был организован в форме групповой тренинговой работы, адаптированной к условиям общеобразовательного процесса. Тренинговая программа была рассчитана на 9 часов, занятия проходили один раз в неделю, в течение 9 недель. Каждое занятие было продолжительностью в 1 час. Диагностическое исследование было проведено до начала и после окончания тренинговой программы как с экспериментальной, так и с контрольной группами.

В ходе тренинговых занятий подросткам предлагалось освоить различные психологические техники и подходы: техники релаксации, техники телесно-ориентированного консультирования, дыхательные методы, применимые для различных стрессовых ситуаций, а также некоторые техники арт-терапии, помогающие стабилизировать эмоциональное состояние, и отдельно демонстрировалась техника прогрессивной мышечной релаксации Э. Джекобсона.

Анализ результатов исследования был разделен на количественный и качественный. Количественный анализ состоял из выявления значимых различий между выборками и проводился с использованием t-критерия

Стьюдента для несвязных выборок для уровня значимости 0,05. Качественный анализ основывался на наблюдении за участниками тренинга и изменениями их эмоционального состояния в ходе и по завершению тренинговой программы.

Статистический анализ результатов исследования позволяет говорить о значимых отличиях только в уровне ситуативной тревожности у экспериментальной и контрольной групп. Уровень ситуативной тревожности в экспериментальной группе до тренингов значимо выше, чем после тренинговой программы. Кроме того, согласно нормативам методики Спилбергера-Ханина, средние показатели СТ в экспериментальной группе в 1 замере относятся к высокому уровню, а во 2 - к умеренному. Социально-психологический тренинг даже в условиях общеобразовательного процесса способствует повышению уровня стрессоустойчивости и нормализации уровня ситуативной тревожности.

Также были отмечены интересные изменения, к которым не чувствительны статистические критерии. Например, можно говорить о наличии тенденции к уменьшению использования стратегии «избегание» и об увеличении использования стратегии «решение проблем» в экспериментальной группе после прохождения тренинговой программы.

Данные результаты подтверждают гипотезу исследования, – психологический тренинг способствует снижению уровня ситуативной тревожности через развитие различных психологических ресурсов совладания в старшем подростковом возрасте.

Качественные наблюдения за динамикой экспериментальной группы в течение всего периода взаимодействия показали следующее. Первоначально участники экспериментальной группы не имели четких представлений о проблеме стресса и тревожности, а по завершению программы уровень осведомленности в данной области значительно вырос. Двое участников смогли предложить собственные способы преодоления тревоги и стресса, сконструированные на основе изученного материала, а также участники

экспериментальной группы в конце тренинговой программы легко самостоятельно составили список рекомендаций по самопомощи при тревожных и стрессовых состояниях для дальнейшего использования. Участники тренинговой программы отмечали, что стали лучше распознавать и дифференцировать свое тревожное состояние, относиться к нему более внимательно и применяли уже изученные способы нормализации эмоционального состояния. Школьный психолог также отмечал улучшение в общем состоянии класса во время и после завершения программы.

Уместно также пофантазировать о перспективах развития темы. По нашему мнению, разработка и внедрение психологических программ и тренингов, направленных на развитие у учащихся так называемых «soft skills», - перспективное и востребованное направление деятельности. Темп жизни ускоряется, информационный поток увеличивается, учебная нагрузка (особенно в старшей школе) увеличивается, требования к старшеклассникам растут, поэтому возможность развивать дополнительные навыки у школьников имеет высокую практическую значимость и актуальность.

Таким образом, можно сказать, что у современной школы есть запрос на работу с тревогой и стрессом, связанными с экзаменационным периодом, но вопрос разработки и внедрения новых технологий работы с экзаменационной тревожностью и стрессом остается открытым. Разработанная нами тренинговая программа показала свою эффективность и может быть инструментом для работы в образовательном учреждении.

Литература

1. Ильин Е.П. Психология индивидуальных различий. – СПб: Питер, 2011. – С. 22–46.
2. Сапольски Р. Психология стресса. – 3-е изд. – СПб.: Питер, 2019. – 480 с.
3. Сидоров К.Р., Крохина И.Г. Исследование причин тревожности учащихся // Новое образование. – 2013. – № 1. – С. 42–51.

4. Фокина И.В. Специфика профилактической работы психолога с экзаменационной тревожностью у старшеклассников в условиях общеобразовательной школы // Перспективы Науки и Образования. – 2014. – № 10. – С. 106-110.

Потенциал личности подростка как профилактика девиантных поступков

Жильцова Н.

Московский государственный областной университет (г. Москва)

Научный руководитель – Шульга Т.И.

Проблема девиантного поведения подростков в настоящее время стоит очень остро в связи с тем, что меняются современные идеалы подростков, представления о будущем нечеткие, смутные, жизненные планы меняются очень быстро (Шульга Т.И., Филатов А.В. 2017.).

В психологических исследованиях подросткового возраста обращается внимание в большей степени на успешных подростков, их достижениях и т.д. Намного реже изучаются причины личностного развития подростков, проживающих в семьях, которые формируют их потенциал для сопротивления неблагоприятным ситуациям, умению выживать в своей семье и т.д. Наиболее продуктивным в изучении подростков с девиантным поведением психологи считают социально-личностный подход, основанный на принципе комплементарности, то есть дополняемости взаимодействия разных факторов, выделяя при этом одним из главных - личностные факторы. Многие подростки находятся в конфликтных ситуациях с родителями в семье, имеют разные отношения с отцом и матерью, что чаще и является мотивацией к проявлению девиантного поведения. Подросток хочет соответствовать требованиям общества, образовательной организации, группы сверстников, но не может этого сделать. Для этого есть много причин, и поэтому он

осуществляет поиск в социуме наиболее приемлемой группы, которая поддержит его и оценит как соответствующего их требованиям. Одной из таких групп является девиантная группа, которая обеспечивает поддержку, поощряет за проявление девиантного поведения, уменьшает контроль за собой, снижает саморегуляцию.

Для подростка важно уметь отстаивать свою позицию, прежде всего, в семье. Для этого он делает отдельные попытки высказывать свое мнение, несогласие с позицией родителей, родственников, что и приводит к конфликтам.

Согласно А.Г. Маклакову (2001), психологические особенности человека составляют его личностный адаптационный потенциал, в который включаются следующие характеристики:

1. нервно-психическая устойчивость, уровень развития которой обеспечивает толерантность к стрессу;
2. самооценка личности, которая является ядром саморегуляции и определяет степень адекватности восприятия условий деятельности и своих возможностей;
3. ощущение социальной поддержки, обуславливающее чувство собственной значимости для окружающих;
4. уровень конфликтности личности, опыт социального общения.

И.А. Короткова, В.А. Кулганов, Л.С. Шенберг (2005) оценивают адаптационный потенциал личности как совокупность индивидуально-психологических признаков, уровень развития которых, соответственно, определяет границы потенциала и вероятность успешной адаптации к широкому диапазону факторов внешней среды.

По мнению С.Т. Посоховой (2001), адаптационный потенциал является интегральным образованием, объединяющим в сложную систему социально-психологические, психические, биологические свойства и качества, актуализируемые личностью для создания и реализации новых программ поведения в измененных условиях жизнедеятельности.

По мнению Леонтьева Д.А. (2011, 2018) личностный потенциал — это потенциал саморегуляции, система индивидуальных различий, связанных с успешностью управления психологической энергетикой. Саморегуляция — это универсальный объяснительный принцип активности, направляемых целями желательного. Основа саморегуляции — механизм целесообразной коррекции активности в движении от менее благоприятных к более благоприятным результатам. Это движение, которое постоянно управляется нашим контактом с реальностью.

Адаптационный потенциал - показатель уровня приспособляемости организма человека к различным и меняющимся факторам внешней среды. Это важнейший физиологический показатель жизнедеятельности под влиянием стресс-факторов (физическая, умственная работа, сдвиги атмосферного давления, температуры и т.п.). При этом формируется новое адаптивное поведение индивида, обеспечивающее наиболее благоприятное приспособление организма к этим факторам. Адаптационный потенциал делится на три уровня: индивидуальный, личностный и субъектно-деятельностный.

Мы предположили, что подростки, воспитывающиеся в семьях, могут иметь сформированный адаптационный личностный потенциал, который помогает им удерживаться в рамках просоциального поведения. В нашем исследовании мы изучали личностный потенциал подростков, проживающих в семьях. Всего принимало участие 32 подростка – 16 девочек и 16 мальчиков. Основными методами были «Карта наблюдений» Д.Стотта и Методика изучения личностной тревожности А.М.Прихожан.

Проведенное исследование позволило выявить различия между мальчиками и девочками по ряду показателей, которые составляют их личностный потенциал. У девочек более высокие значения по недостатку социальной нормативности (при $p < 0,05$), неуверенности в одобрении взрослых, что выражается в разных формах негативизма, нежелании нравиться взрослым, безразличии и отсутствии заинтересованности в бесконфликтных

отношениях. Это может говорить о том, что у подростков уже сформирована определенная степень независимости. При этом у девочек более заметно выражены следующие личностные качества: агрессивность, которая проявляется в повышенной психологической активности, стремлении к лидерству, даже с применением силы, общей тревожности, самооценочной тревожности, эмоционального компонента взаимодействия со сверстниками, стремлении быть эмоционально принятыми в своем окружении. (Все показатели имеют уровень различий при $p < 0,05^*$) При этом показатель стремление к материальному благополучию оказался наиболее выраженным (при $p < 0,01^{**}$), что свидетельствует о выраженном желании выглядеть красиво, одеваться модно, выделяться среди других по внешности.

Можно предположить, что склонность к девиантному поведению опирается на потенциал личности, который включает прежде всего недостаток социальной нормативности у мальчиков, высокий уровень общей тревожности и их эмоциональное состояние. Независимо от состава семьи, типа семейного воспитания, академической успешности мальчики менее сопротивляются сложившейся ситуации, более верят в то, что они не соответствуют требованиям родителей, что и заставляет их искать себе группу сверстников, которая их поддержит. К такой группе подростки относят прежде всего группу девиантной направленности, которая является более притягательной по оценке членов данной социальной группы и входящих в эту группу подростков.

Проведенное исследование позволило сделать следующие выводы:

1. Системообразующим показателем адаптационного личностного потенциала у подростков, воспитывающихся в семье, является недоверие к близким людям, которое обеспечивает нормативное поведение девочек, по сравнению с поведением мальчиков.
2. У девочек-подростков показатели саморегуляции, освоение социальных норм и тревожности связаны между собой, что составляет их адаптационный

личностный потенциал, который способствует противостоянию как ситуативным, так и поведенческим воздействиям.

Литература

1. Гордеева Т.О., Леонтьев Д.А., Осин Е.Н. Вклад личностного потенциала в академические достижения // Личностный потенциал: структура и диагностика / под ред. Д. А. Леонтьева. М.: Смысл, 2011. – С. 642–668.

2.Иванова Т. Ю., Леонтьев Д. А., Осин Е. Н., Рассказова Е. И., Кошелева Н. В. Современные проблемы изучения личностных ресурсов в профессиональной деятельности // Организационная психология. – 2018. № 1. – С. 85–121.

3.Кулганов В.А., Шенберг Л.С., Короткова И.А. Исследование адаптационного потенциала личности у подростков и молодежи // Материалы научно-практической конференции «Ананьевские чтения - 2005» / Под ред. Л.А. Цветковой, Л.М. Шипициной. – СПб., 2005. – С.578-580.

4.Маклаков А.Г. Личностный адаптационный потенциал: его мобилизация и прогнозирование в экстремальных условиях // Психологический журнал. – 2001, том 22, №1. – С. 16-24.

5. Посохова С.Т. Психология адаптирующейся личности: монография. - СПб, 2001. – 234с.

6. Шульга Т.И., Филатов А.В. Особенности отношения девиантных подростков к матерям //Вестник МГОУ Серия: Психологические науки. – 2017. – №3. – С. 38-50.

Вербальная агрессия и личностная тревожность у детей старшего дошкольного возраста

Захарова А.В.

Московский государственный психолого-педагогический университет

(г. Москва)

Проблема детской агрессии в последние годы стала одной из наиболее широко обсуждаемых, что находит отражение в многочисленных публикациях на эту тему (Колосова С.Л., 2004; Фурманов И.А., 1996; Смирнова Е.О., 2009; Щербинина Ю.В., 2018; Бютнер К., 1991; Ширяева Л.В., 2009 и др.).

Для специалистов, занимающихся вопросами обучения, развития и воспитания, проблема проявления агрессии у детей представляет высокую актуальность и значимость в контексте разработки и применения новых методов предупреждения и профилактики агрессивного девиантного и антисоциального поведения детей и подростков.

Старший дошкольный возраст наиболее чувствителен к воздействию профилактических мер, поскольку в этот возрастной период формируется мотивационно-потребностная сфера личности (Божович Л.И., 1968), возникают первичные этические инстанции (Эльконин Д.Б., 2007). У ребенка 6-7 лет возникает высокая потребность в общении со взрослыми и сверстниками (Смирнова Е.О., 2012). Старший дошкольный возраст - это период внеситуативно-личностного общения (Лисина М.И., 1997), в котором ребенок познает мир социальных отношений. Для детей старшего дошкольного возраста социальное пространство служит источником формирования самосознания и оценки себя как активного участника социального взаимодействия.

В старшем дошкольном возрасте дети теряют свою непосредственность, что становится источником дополнительных тревог, страхов, неуверенности в собственных силах и возможностях. Повышенная тревожность детей в данный возрастной период отмечена многими специалистами. Есть мнение, что тревожность развивается у тех детей, которые испытывают внутренний конфликт, порожденный завышенными требованиями взрослых, что характерно для современной ценностной парадигмы, ориентированной на высокие достижения и конкурентную борьбу. В свою очередь, повышенная

тревожность и неуверенность в собственных силах у детей является одним из факторов поведенческих проблем и социальной дезадаптации.

На становление когнитивной, эмоционально-волевой и нравственной сфер в дошкольном возрасте большое влияние оказывает речевая деятельность. В старшем дошкольном возрасте идет активное развитие диалогической речи, которая служит источником отражения психических процессов у детей и их эмоционального состояния. Дети 6-7 лет начинают чаще проявлять агрессивное поведение в вербальной форме, так как проявление физической агрессии жестко пресекается взрослыми и является крайне неприемлемой формой реагирования.

Принимая во внимание данные основания, мы выдвинули предположение о связи повышенной личностной тревожности у детей старшего дошкольного возраста и интенсивности проявления агрессии в вербальном поведении. В свою очередь, коррекция повышенной личностной тревожности у детей старшего дошкольного возраста и развитие осознанности поведения и речи способствует снижению проявления агрессии в вербальном поведении и формированию новых способов агрессивного реагирования, приобретающих социально-желательные формы.

Мы провели пилотное исследование, выборку которого составили дети из старшей группы детского сада г. Москвы, в количестве 26 человек (14 девочек и 12 мальчиков). Трое детей данной группы имеют особенности развития.

Для диагностики личностной тревожности детей испытуемой группы нами были использованы: проективная методика «Рисунок несуществующего животного» и тест тревожности, авторы Р. Тэмпл, М. Дорки, В. Амен.

Для установления интенсивности проявления агрессии в вербальном поведении детей на первом этапе мы поставили задачу выделить индикаторы вербальной агрессии и их параметры. На втором этапе главной задачей было наблюдение за детьми в процессе их учебной и игровой деятельности.

Результаты диагностики уровня тревожности у детей обследуемой группы оказались неожиданными. Было выявлено 42% детей с повышенной тревожностью, 58% детей со средним уровнем тревожности. Также у 45% детей с повышенной тревожностью отмечена повышенная гиперактивность и трудности самоконтроля. У детей со средним уровнем тревожности лишь у 13% отмечены трудности самоконтроля и повышенная гиперактивность.

Выделив индикаторы агрессии в вербальном поведении, мы установили, что у детей старшего дошкольного возраста с повышенной тревожностью вербальная агрессия имеет реактивный характер и выполняет функцию защиты. Чаще всего она проявляется в форме прямой вербальной агрессии и обиды в сочетании с проявлением прямой физической агрессии. У детей с повышенной тревожностью отмечена повышенная интенсивность проявления вербальной агрессии (более пяти эпизодов в час). Реализация вербальной агрессии у детей с повышенной тревожностью происходит в форме протеста, обиды, ответной словесной агрессии, крика, агрессивных фантазий, жалоб, отказа давать ответы или в целом продолжать игру или общение.

Данное исследование требует проверки и увеличения выборки для получения более объективной картины выявленной связи между уровнем тревожности и интенсивностью проявления агрессии в вербальном поведении детей старшего дошкольного возраста.

Тем не менее, на данном этапе мы уже можем сделать выводы о том, что у детей в старшем дошкольном возрасте наблюдается повышенная тревожность, которая в сочетании с гиперактивностью и низким уровнем самоконтроля влияет на интенсивность проявления агрессии в вербальном поведении, что может послужить фактором риска развития социальной дезадаптации и девиантного поведения.

Предупреждение и профилактика развития социальной дезадаптации и девиантного поведения у детей требует раннего вмешательства на этапе формирования самосознания, мотивационно-потребностной сферы,

формирования первичных этических инстанций и морально-нравственных норм.

Для снижения тревожности и интенсивности проявления агрессивного поведения у детей старшего дошкольного возраста рекомендовано развивать у них навыки осознанного поведения и речи, формировать чувство общности с другими, желание видеть и понимать сверстников, развивать навыки самоконтроля, эффективного общения и взаимодействия.

Литература

1. Божович Л.И. Личность и её формирование в детском возрасте. – М., Просвещение, 1968. – 447 с.
2. Бютнер К. Жить с агрессивными детьми: Пер. с нем. / К. Бютнер. – М.: Педагогика, 1991. – 144 с.
3. Колосова С.Л. Детская агрессия. – СПб: «Питер», 2004. – 224 с.
4. Лисина М.И. Общение, личность и психика ребенка. / Под редакцией Рузской А.Г. - М.: Издательство «Институт практической психологии», Воронеж: НПО «МОДЭК», 1997. – 384 с.
5. Прихожан А.М. Тревожность у детей и подростков: психологическая природа и возрастная динамика. - М.: Норма, 2011. – 446 с.
6. Смирнова Е.О. Агрессивные дети: психологические особенности и индивидуальные варианты // Педагогический практикум. - 2009. – С. 28-35.
7. Смирнова Е.О. Общение дошкольников с взрослыми и сверстниками. Учебное пособие. - М.: «Мозаика синтез», 2012. – 220 с.
8. Фурманов И.А. Детская агрессивность: психодиагностика и коррекция. – Минск: Изд-во: Ильин В.П., 1996. – 192 с.
9. Ширяева Л.В. Агрессивный ребенок в группе // Воспитатель ДОУ. – 2009. - № 3. – С. 115 – 117.
10. Щербинина Ю.В. Русский язык: речевая агрессия и пути ее преодоления: учебное пособие. – 3-е изд., стер. – М.: Флинта, 2018. – 224 с.

11. Эльконин Д.Б. Детская психология: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. – 4-е изд., стер. – М.: Издательский центр «Академия», 2007. – 384 с.

**Социально – психологическая профилактика виктимного
поведения в старшем подростковом возрасте**

Каськова К.С.

Московский государственный психолого-педагогический университет
(г. Москва)

Научный руководитель – Чернушевич В.А

Наша работа посвящена вопросу эффективности применения социально-психологического тренинга в целях профилактики виктимного поведения в старшем подростковом возрасте.

Ведущая деятельность в подростковом возрасте – «интимно-личностное общение» со сверстниками, следовательно, на данном жизненном этапе центральной потребностью будет выступать потребность в общении. От степени и качества удовлетворения этой потребности напрямую зависит развитие личности человека, а виктимное поведение препятствует становлению ведущей деятельности. Поэтому одним из условий эффективности профилактических действий является обучение подростков конструктивным коммуникативным навыкам и поведенческим нормам взаимодействия с другими людьми, иными словами, повышение их компетентности в общении.

Важный момент в изучении виктимного поведения – осознание самой сущности этого явления: это не монолитная, неделимая характеристика, а системная совокупность различных психологических факторов: фрустрации, личностной агрессивности и конфликтности, тревожности и др. (Андроникова О.О., 2005). Поэтому профилактика не может быть направлена

непосредственно на «виктимное поведение». Она будет воздействовать на его составляющие, в нашем случае – в рамках коммуникативного процесса.

Наиболее успешным способом профилактики виктимного поведения может послужить социально-психологический тренинг (Бубнова И.С., Терещенко А.Г., 2014). Применение тренинга в работе с подростками является очень ресурсным и эффективным, главным образом за счет самой обстановки и характера взаимодействия участников между собой и с психологом. Разберем эти утверждения на конкретном примере из практики: выполнения подростками тренингового упражнения «Арка» в рамках общего процесса социально-психологического тренинга (Грецов А.Г., 2008).

Этап формирования команд тренером, а не в произвольном порядке (как это происходило на предыдущем занятии) вызвал у ребят протест. Их реакции были разными, но все они так или иначе могут быть отнесены к проявлениям виктимного поведения. Кто-то проявлял вербальную агрессию по этому поводу – это агрессивность; кто-то был обеспокоен неравномерным составом команд или отсутствием в команде друга – здесь проявляются тревожность и фрустрация соответственно. Это и натолкнуло на размышления о возможности применения тренинга в работе с виктимным поведением. Следующим этапом было непосредственно изготовление «арки» в командах, однако перед этим участникам была дана обратная связь: «У нас далеко не всегда есть выбор: занятия, партнера по делу, в жизни бывают разные ситуации, и к этому надо быть готовыми». Заключительный этап – проведение итогового шеринга, в ходе которого каждый подросток проговаривал, что было трудным, что помогало или, наоборот, препятствовало разрешению трудностей; какие эмоции возникали в ходе выполнения заданий тренинга. На этом этапе были получены следующие высказывания: «Мне было сложно, потому что я боялась, что у нас ничего не получится»; «Я хотела быть в команде с другими ребятами, мне было сложно в этой»; «Мне было трудно не ругаться с Н.». Итак, мы видим, что общим является переживание тренинговой ситуации как трудной, но сопряженной с проявлением указанных выше чувств

(факторов виктимного поведения). В дальнейшем таких проявлений становилось все меньше, о чем мы узнали от самих подростков, которые дали объяснение изменениям. Один из подопечных истолковал причину изменения так: «Я запомнил Ваши слова о сложной жизни и поэтому просто делал то, что нужно». Однако подавляющее большинство подростков отметили, что они «запомнили свои переживания и попробовали с ними справиться». Отсюда следует, что в ходе тренинга с целью профилактики виктимного поведения должна создаваться сложная коммуникативная ситуация, в которой активизируются его проявления (тревожность, агрессивность, фрустрация), которые, в свою очередь, должны осознаваться и проговариваться подростками.

Приведенный нами пример реализации тренингового метода при работе с подростками наглядно демонстрирует его действенность, однако необходимо также рассмотреть условия эффективности этого метода конкретно в сфере профилактики виктимного поведения. В первую очередь, необходимо понимать, что при работе должна быть задействована зона ближайшего развития, а это предполагает определенное распределение «обязанностей» между подростками и психологом. Так, в ходе тренинга происходит, главным образом, саморазвитие подростка в сфере коммуникации: он самостоятельно, в процессе выполнения заданий и рефлексии осознаёт, какие факторы препятствуют развитию коммуникативных навыков, как он может на них повлиять, и что доставляет больше всего затруднений. Психолог же выступает в роли «координатора усилий»: он помогает и дает обратную связь (как в описанном примере), если это необходимо. Важным условием является и его позиция по отношению к подопечным: психолог должен быть не «над», а «рядом», то есть общаться на равных, такое выстраивание социального пространства позволяет выстроить доверительные отношения, а также избежать возникновения у подростков нежелательной в данном случае ассоциации психолога с учителем (мы не учим, а помогаем).

Что касается непосредственно тренинговых занятий, главное в их содержании – создание в рамках основных упражнений затруднительной ситуации, которую подросток разрешает, используя собственные личностные ресурсы и коммуникативные навыки. Помимо самих упражнений необходимо проведение шеринга (Вачков И.В., 2007). В ходе него участники делятся своими переживаниями, чувствами и эмоциями, возникшими в процессе выполнения того или иного задания. Проговаривая всё это вслух, подросток более явно, чётко осознает факторы, препятствующие или, наоборот, способствующие разрешению определённой ситуации. Осознав, что мешало ему в этом упражнении сегодня, он будет стараться не допускать подобного в другом упражнении завтра, а со временем сможет перенести этот опыт в решение трудных ситуаций в реальной жизни. Если убрать из тренинга шеринг, он потеряет свой смысл, и вместо эффективной профилактической работы получится интересное внеурочное времяпрепровождение.

Также внимание стоит уделять групповому обсуждению темы встречи. Например, если встреча посвящена конфликтности, тренер может задать вопрос: «Как вы считаете, что такое конфликт?» и дать возможность каждому представить группе своё понимание явления. Когда все участники выскажутся, психолог обобщает ответы: «Да, вы правы, действительно...»; и приводит определение: «конфликтность – это...». Можно задавать вопросы, касающиеся применения знаний о явлении в жизни, по типу: «Для чего, по вашему мнению, нужно уметь решать конфликтные ситуации?». Это необходимо, прежде всего, для того обеспечения более глубокого погружения участников в суть тренингов.

Таким образом, эффективный социально-психологический тренинг, направленный на профилактику виктимного поведения в старшем подростковом возрасте должен быть выстроен по принципу, который можно обозначить как принцип «погружения и преодоления». Разрешая трудные ситуации в ситуации тренингового занятия, учащиеся развивают

коммуникативные навыки и совершенствуют навык рефлексии, что в конечном итоге может быть применено в реальной жизненной ситуации.

Литература

1. Андронникова О. О. Психологические факторы возникновения виктимного поведения подростков: дис.... канд. психол. наук. – Новосибирск, 2005. – 213 с.
2. Бубнова И.С., Терещенко А.Г. Проблема виктимного поведения подростков и его социально-педагогическая профилактика // Психология в экономике и управлении. – 2014. – №1. – С.89-93.
3. Вачков И.В. Психология тренинговой работы. М.: Эксмо, 2007. – 416 с.
4. Грецов А. Г. Тренинг креативности для старшеклассников и студентов. – СПб: Питер, 2008 – 208 с.

Развитие эмоционального интеллекта и его связь с склонностью к девиантному поведению у юношей и девушек

Кочетков М.О.

Московский государственный психолого-педагогический университет
(г. Москва)

Научный руководитель – Богданович Н.В.

В настоящее время человечество переживает удивительный период своего времени, когда мир меняется настолько быстро, что мало кому удастся следить за всеми развивающимися технологиями. Наука движется вперед огромными шагами, что приводит к повышению образовательного ценза, а соответственно повышается ценность интеллекта. Мир находится под влиянием культа рациональности, а чувственной стороне человека редко уделяется внимание, особенно в среде непсихологов. Чувственность же может

расцениваться людьми как слабость, а рациональное мышление, холодный расчет – желанная черта многих людей.

Обратимся к определению интеллекта, которое дал Д. Векслер: интеллект – это «способность действовать целенаправленно, мыслить рационально и эффективно справляться с жизненными обстоятельствами». «Эффективно справляться с жизненными обстоятельствами» или эффективное общение с окружающими и есть тот социальный конструкт, который со временем «испарился» из понимания интеллекта, который сейчас в основном понимается всеми, как умение решать задачи и находить кратчайший путь в их решении.

Именно эмоциональный интеллект описывает тот социальный конструкт, чувственное восприятие, которое так важно для человека. По определению отечественного ученого Д.В. Люсина, эмоциональный интеллект – это совокупность способностей для понимания своих и чужих эмоций и управления ими.

Также существует понятие «социальный интеллект», которое ввел Э.Торндайк. Данное понятие по своему смыслу очень близко к понятию «эмоциональный интеллект». По определению Г. Олпорта, социальный интеллект – это особый “социальный дар”, обеспечивающий гладкость в отношениях с людьми, продуктом которого является социальное приспособление, а не глубина понимания. Ту самую глубину понимания, которая свойственна человеческим отношениям, описывают понятием «эмоциональный интеллект»

Развитие эмоционального интеллекта особенно важно в юношеском возрасте, так как в этот период человек переходит во взрослость (смена социальной ситуации развития – переход к самостоятельности), устраивает свое будущее. В юношеском возрасте человек поступает в университет, устраивается на работу, и все это связано с человеческим общением. Важно научиться понимать, что чувствует сам человек, проходя через все эти трудности. Также важной частью является осознанность человека, что

позволяет лучше понять и прочувствовать важность такого понятия, как «эмоциональный интеллект». Как можно заметить, все это связано с устройством будущей жизни, поэтому развитие эмоционального интеллекта так важно в этот период жизни.

Материалы и методы исследования

Экспериментальную выборку составили две группы: контрольная и экспериментальная. Экспериментальная группа состояла из 17 человек (6 юношей, 11 девушек) в возрасте от 18 до 20 лет. Контрольная группа соответствует экспериментальной, то есть состоит также из 17 человек (6 юношей, 11 девушек) в возрасте от 18 до 20 лет.

Для проведения эксперимента были использованы следующие методики:

1. Тест эмпатии И.М. Юсупова;
2. Диагностический опросник для выявления склонности к различным формам девиантного поведения (ДАП-П);
3. Тест эмоционального интеллекта Д.В.Люсина (ЭМИН);
4. Методика диагностики уровня развития рефлексивности, опросник А.В. Карпова.

Методы, используемые в данной работе:

- теоретический анализ литературы по теме;
- формирующий эксперимент;
- психодиагностические методы;
- математический анализ эмпирических данных.

Ход исследования

В 2020 году было проведено исследование. По нашему предположению, повышение эмоционального интеллекта должно снизить риски девиантного поведения. Для проверки данной гипотезы был проведен психологический тренинг.

Ход данного исследования можно разделить на три этапа:

1. Проведение входной диагностики, в которой использовались выбранные методики.
2. Проведение психологического тренинга.
3. Проведение повторной (выходной) диагностики.

Проведение входной и выходной диагностики проводилось на первом и последнем занятии. Это было сделано для того, чтобы минимизировать различия в средовом факторе, для увеличения достоверности полученных результатов.

Было проведено девять встреч длительностью 2 – 2,5 часа. Встречи проходили раз в неделю три месяца. Для построения и проведения психологического тренинга была выбрана четырехфакторная модель П. Сэловейя и Дж. Мэйерса. Данная модель включает в себя следующие факторы:

1. Идентификация эмоций (способность воспринимать, понимать и различать (подлинные и искусственные) эмоции, а также адекватно выражать их).
2. Использование эмоций для повышения эффективности мышления и деятельности (способность использовать эмоции для направления внимания, анализа разных точек зрения, а также вызывать эмоции, которые могли бы способствовать разрешению сложившихся обстоятельств).
3. Понимание эмоций (способность понимать эмоции комплексно, то есть понимать связи между эмоциями, понимать причины эмоций и их смены).
4. Управление эмоциями (снижения интенсивности отрицательных эмоций, осознание эмоций, включая неприятные эмоции, а также способность справляться с эмоционально насыщенными ситуациями без подавления вызванных эмоций).

Результаты и обсуждение

В контрольной группе результаты входной и выходной диагностики почти не различаются, то есть значимых различий нет. Также нет значимых различий при сравнении экспериментальной и контрольной групп при

первичной диагностике. Однако, сравнивая результаты повторной диагностики контрольной и экспериментальной групп, можно увидеть значимые различия по следующим шкалам:

1. Внутриличный эмоциональный интеллект, который значительно выше у испытуемых в экспериментальной группе.

2. Также шкала «МУ» (управление чужими эмоциями) показывает значимые различия между контрольной и экспериментальной группами (рост наблюдается у экспериментальной группы).

3. Шкала «ВП» (понимание своих эмоций) показывает значимый рост данного параметра в экспериментальной группе.

4. В экспериментальной группе выросли показатели и по результатам методики «Диагностика уровня развития рефлексивности, опросник А.В. Карпова»

Опираясь на полученные результаты, можно говорить о положительной тенденции в экспериментальной группе по другим шкалам методики Д.В. Люсина «ЭМИН». Также в экспериментальной группе, в отличие от контрольной, наблюдаются тенденции снижения показателей отклоняющегося поведения по таким параметрам, как аддиктивное, делинквентное поведение и суицидальный риск.

Выводы

1. После проведения тренинговой программы, направленной на развитие эмоционального интеллекта, по результатам методики ЭМИН можно сделать вывод, что результаты по группе в среднем увеличились: межличностный эмоциональный интеллект и управление эмоциями увеличились; внутриличный эмоциональный интеллект и понимание эмоций увеличились на несколько стенов. Также увеличился и общий результат по методике ЭМИН.

2. Также после проведения психологического тренинга было выявлено, что риск девиантного поведения в среднем по группе понизился, в

частности уменьшились показатели по шкалам аддиктивного поведения, делинквентного поведения, шкале суицидальных рисков.

3. По завершению тренинговой программы уровень рефлексивности увеличился более чем у половины испытуемых.

4. По результатам проведенной работы можно сделать вывод, что уровень эмпатии в экспериментальной группе увеличился у более чем 80% участников.

Нарушения привязанности, тревога и одиночество у лиц юношеского возраста с интернет-зависимостью

Ларина Е.Д.

Московский государственный психолого-педагогический университет
(г. Москва)

Научный руководитель – Делибалт В.В.

Активный переход общества в информационную эру откладывает весомый отпечаток на жизнедеятельность людей. Использование сети Интернет качественно меняется с каждым годом, в частности, в вопросах социального взаимодействия (Карабанов А. П., Шарковский Д. М., 2018). В связи с этим, остро встает вопрос о распространении интернет-зависимости как одной из форм аддиктивного поведения (Смирнов А.В., 2015). В свою очередь, теория привязанности как одно из глубинных направлений изучения аддиктивного поведения описывает зависимость как результат ранних нарушений близости ребенка со значимым взрослым (Боулби Дж., 2004).

Целью исследования стало изучение особенностей нарушения привязанности, проявления одиночества и социальной тревоги как факторов, детерминирующих интернет-зависимость в юношеском возрасте.

Основной гипотезой исследования послужило предположение о том, что склонность к интернет-зависимости в юношеском возрасте имеют связь с

нарушением привязанности к матери, переживанием социальной тревоги и одиночества.

Также выделены частные гипотезы:

1. Есть связь между склонностью к интернет-зависимости и тревожно-избегающим типом привязанности к матери.
2. Переживание социальной тревоги более выражено у лиц со склонностью к интернет-зависимости.
3. Переживание одиночества более выражено у лиц со склонностью к интернет-зависимости.

Методологической основой исследования стали подходы к пониманию феномена привязанности Дж. Боулби, М. Эйнсворт, К. Фрэйли, С.Спайкер, Г. Г. Филипповой; феномена интернет – зависимости И. Голдберг, К. Янг; феномена одиночества Е. А. Манаковой, Д.В. Труевцева; феномена социальной тревоги О.А. Сагалаковой.

Методы и методики исследования:

1. Теоретический анализ;
2. Эмпирические методы (анкетирование, тестирование):
 - 1) Авторская анкета, направленная на сбор социально-демографических данных респондентов
 - 2) Тест интернет-зависимости Кимберли Янг (перевод и модификация В.А. Буровой)
 - 3) Опросник «Привязанность к матери взрослого в детстве» Г.Г. Филипповой.
 - 4) «Опросник социальной тревоги» О.А. Сагалакова, Д.В. Труевцев
 - 5) «Опросник переживания одиночества» Е.А. Манакова
3. Методы статистического анализа (описательная статистика; критерий Колмогорова-Смирнова, критерий Манна-Уитни, критерий ранговых корреляций Спирмена, критерий Краскала-Уоллиса).

Обработка результатов исследования проводилась в программном обеспечении SPSS Statistics Version 22.

В исследование приняли участие 109 человек в возрасте от 16 до 23 лет, средний возраст 19,7 лет, 39 респондентов мужского пола и 70 женского. 85% респондентов проживают в Москве, 15% - в других городах России. 66% респондентов воспитывались в полной семье, 34% воспитывались только одним из родителей, чаще матерью.

По результатам методики, направленной на исследование интернет-зависимости:

- 70% респондентов не имеют склонности к интернет-зависимости, данные респонденты являются обычными интернет-пользователями;
- 27% респондентов имеют склонность к интернет-зависимости, что говорит о наличии проблем, связанных с использованием интернета;
- 3% респондентов имеют выраженную форму интернет-зависимости, что означает наличие грубых нарушений, связанных с использованием интернета.

При анализе корреляционных связей между склонностью к интернет-зависимости и компонентами привязанности к матери в детстве найдена значимая прямая средняя по силе связь с тревогой по отношению к матери (0,326 при $p=0,01$), связь между дистанцированием по отношению к матери и интернет-зависимостью наблюдается на уровне тенденции (0,197 при $p=0,05$).

Склонность к интернет-зависимости имеет значимую среднюю по силе прямую связь со всеми проявлениями социальной тревоги (при $p=0,01$): общий уровень социальной тревоги (0,614), страх отвержения (0,524), избегание непосредственного контакта (0,552), страх быть в центре внимания (0,570), в субъективно экспертных ситуациях (0,482), страх критики (0,451).

Склонность к интернет-зависимости имеет значимые прямые средние и слабые по силе связи со всеми проявлениями переживания одиночества (при $p=0,01$):

Слабые связи: «отрицание переживания одиночества» (0,297), «переживание одиночества как временного вынужденного явления» (0,284).

Средние связи: «переживание одиночества как негативного чувства» (0,369), «одиночество как результат страха брать ответственность за других» (0,385), «физическое одиночество вследствие собственной непривлекательности» (0,372).

Наибольшую выраженность имеет связь склонности к интернет-зависимости с переживанием духовного одиночества «как отсутствие поддержки, понимания» (0,507).

Поиск значимых различий в группах респондентов со склонностью к интернет-зависимости и обычных интернет-пользователей показал, что:

1. Тревога по отношению к матери более выражена в группе респондентов со склонностью к интернет-зависимости.
2. Все аспекты социальной тревоги значимо более выражены в группе респондентов со склонностью к интернет-зависимости
3. Большая часть проявлений одиночества значимо более выражены в группе респондентов со склонностью к интернет-зависимости

Поиск значимых различий в группах респондентов с различными типами привязанности показал, что:

1. Интернет-зависимость более выражена в группе респондентов с тревожно-избегающим типом привязанности относительно группы с надежным типом привязанности.
2. Нет значимых различий в проявлениях социальной тревоги в группах респондентов с различными типами привязанности.
3. Некоторые проявления одиночества значимо более выражены в группе респондентов с тревожно-избегающим или избегающим типами привязанности относительно надежного типа.

Таким образом, на основе теоретического анализа и полученных эмпирических данных можно предположить, что ранние нарушения

привязанности к матери являются детерминантом склонности к интернет – зависимости. Нарушения привязанности как следствие ранней фрустрации потребности в безопасности порождают тревогу, в частности социальную, а попытки справиться с данной тревогой через уход в виртуальную реальность дополнительно подкрепляются чувством отчужденности, в первую очередь от близких, а в последствие и в целом от социума.

Практическая значимость исследования заключается в возможности использования полученных результатов в индивидуальной и групповой психологической работе, в составлении тренинговых и коррекционных программ, при индивидуальном и семейном психологическом консультировании.

Литература

1. Боулби Дж. Создание и разрушение эмоциональных связей / Пер. с англ. – М.: Академический проект, 2004. – 232 с.
2. Карабанов А. П., Шарковский Д. М. Современное состояние проблемы измерения интернет-зависимого поведения // Известия Иркутского государственного университета. Серия Психология. –2018. – Т. 26. – С. 53–62.
3. Смирнов А. В. Базовые психологические компоненты аддиктивного поведения в структуре интегральной индивидуальности: дис. ... д-ра психол. наук. – Екатеринбург, 2015. – 489 с.

Связь эмоционального интеллекта, копинг-стратегий и особенностей воспитания в подростковом возрасте

Наниджанян Т.К.

Московский государственный психолого-педагогический университет

(г. Москва)

Научный руководитель – Дегтярев А.В.

Подростковый возраст по своей сути является переломным периодом в жизни ребенка, переходным от детства к взрослости. В это время происходят бурные изменения во многих сторонах жизни подростка. Подросток начинает чувствовать себя взрослым и хочет, чтобы окружающие люди видели и признавали его таким, он хочет быть независимым и самостоятельным, постепенно начинает отдаляться от родителей, уделяя больше внимания общению со сверстниками. Все эти моменты приобретают для подростка особую значимость, поэтому он прикладывает усилия, чтобы реализовать свои потребности. Но так как не всегда и не во всех случаях так получается, то подросток начинает испытывать напряжение. В связи с этим на первый план выходят особенности семейного воспитания, уровень развития эмоционального интеллекта и применяемые копинг-стратегии. Важно то, как ребенок воспринимает своих родителей, чувствует ли он, что они его принимают и поддерживают, может ли он обратиться к ним за помощью в трудные моменты своей жизни, ведь несмотря на то, что подросток начинает отделяться от них и проводить больше времени в кругу сверстников, родители все равно должны оставаться опорой для него. Теплые и доверительные отношения способствует развитию высокого уровня эмоционального интеллекта и формированию адаптивных стратегий преодоления, что в свою очередь может помочь подростку в преодолении своих проблем.

Целью нашего исследования является выявление связи между особенностями воспитания, эмоциональным интеллектом и копинг-стратегиями в подростковом возрасте.

Основной **гипотезой** исследования является предположение о том, что существуют связи между особенностями эмоционального интеллекта, совладающего поведения и особенностями семейного воспитания в подростковом возрасте.

В исследовании применялись следующие методики: “Тест эмоционального интеллекта” Люсина (Люсин Д. В., 2006), опросник “Способы

совладающего поведения” Лазаруса (Битюцкая Е. В., 2015), опросник “Подростки о родителях” (Вассерман Л.И., 1995).

Экспериментальные данные обрабатывались методами математической статистики: критерий согласия Колмогорова-Смирнова, коэффициент корреляции Спирмена. В исследовании приняли участие 41 человек, 14 мальчиков и 27 девочек, в возрасте от 13 до 17 лет.

В ходе корреляционного анализа между методиками “Способы совладающего поведения” и “Подростки о родителях” были получены данные о наличии прямой связи между Директивностью и Бегством-Избеганием ($p < 0,05$), а также Директивностью и Поиском социальной поддержки ($p < 0,05$). Это может быть связано с тем, что поведение матери не позволяет ребенку почувствовать теплоту и заботу с её стороны, в результате чего, во-первых, подросток начинает искать поддержку во внешнем окружении, а во-вторых, искать способы быстрого снижения напряжения.

Между параметрами Непоследовательность и Принятие ответственности была выявлена прямая связь ($p < 0,05$). Можно предположить, что подросток, видя, что не может найти в матери помощника в решении своих проблем, так как её отношение может меняться от полного отвержения до принятия, вынужден становиться в субъектную позицию при решении своих проблем.

Полученные при корреляционном анализе связи между шкалами методик “Тест эмоционального интеллекта” и “Подростки о родителях” говорят о наличии прямой связи ($p < 0,05$) между параметрами Позитивный интерес и Управление эмоциями. Можно предположить то, что из общения с матерью подросток черпает продуктивные способы управления своими эмоциональными реакциями.

Также была выявлена отрицательная связь ($p < 0,05$) между параметрами Директивность и Контроль экспрессии. Это может быть связано с тем, что Директивность подразумевает жесткий контроль со стороны матери за

поведением подростка, а это в свою очередь может вызывать реакции протеста у подростка.

Полученные при корреляционном анализе связи между шкалами методик “Тест эмоционального интеллекта” и “Способы совладающего поведения” говорят о наличии отрицательной связи ($p < 0,01$) между копинг-стратегий Бегство-избегание и такими показателями эмоционального интеллекта, как Управление своими эмоциями, Контроль экспрессии, Управление эмоциями, Внутрличностный эмоциональный интеллект. Эти результаты могут служить подтверждением данных, полученных в исследовании А.Г. Гладких (Андреева И.Н., 2012). В её исследовании была обнаружена отрицательная связь между управлением эмоциями и эскапизмом.

Также была выявлена отрицательная связь ($p < 0,05$) между показателем Конфронтация и показателем Контроль экспрессии. Можно предположить, что при развитом уровне контроля экспрессии, который подразумевает способность управлять внешними проявлениями своих эмоций, не происходит реализации конфронтационного копинга, в основе которого лежит эмоциональное возбуждение с доминирование эмоции злости и досады.

Полученные результаты демонстрируют нам наличие прямой связи ($p < 0,01$) между копинг-стратегией Положительная переоценка и такими показателями эмоционального интеллекта, как Понимание чужих эмоций, Управление чужими эмоциями, Управление своими эмоциями, Межличностный эмоциональный интеллект, Понимание эмоций, Управление эмоциями и Общий уровень эмоционального интеллекта. Полученные данные подтверждают мнение И.Н. Андреевой (Андреева И.Н., 2012) о том, что человек с развитым эмоциональным интеллектом может анализировать проблемные ситуации не столько как источник трудностей, сколько как стимул для личностного развития, поэтому человек может легко переключиться с негативных переживаний на поиск эффективного способа преодоления проблемной ситуации.

Таким образом, можно отметить ведущую роль матери в процессе развития эмоционального интеллекта и формирования копинг-стратегий, являющихся важными ресурсами подростка. Теплота и близость матери в отношениях с подростками являются предикторами благополучия в эмоциональной сфере. В то же самое время жесткий контроль со стороны матери предсказывает использование неконструктивных стратегий совладающего поведения. Интересно также отметить, что в исследовании не были выявлены значимые связи между отцовским воспитанием и показателями эмоционального интеллекта и копинг-стратегий. В качестве возможной причины можно назвать дистанцирование отца от процесса воспитания, что требует дальнейшего изучения. Так же интерес в этом отношении приобретает изучение подростков, воспитывающихся в неполных семьях.

Литература

1. Андреева И.Н. Азбука эмоционального интеллекта. – СПб.: БХВ-Петербург, 2012. – 288с.
2. Битюцкая Е. В. Опросник способов копинга: методическое пособие. – М.: ИИУ МГОУ, 2015. – 80 с.
3. Вассерман Л.И., И.А. Горьковая И.А., Ромицына Е.Е. Психологическая методика «Подростки о родителях» и ее практическое применение – М.: ФОЛИУМ, 1995. – 56 с.
4. Люсин Д. В. Новая методика для измерения эмоционального интеллекта: опросник ЭМИн // Психологическая диагностика. – 2006. – № 4. – С. 264-278.

Профилактика девиантного поведения старших подростков посредством народной игры

Никитина В.К.

Московский государственный психолого-педагогический университет

(г. Москва)

Научный руководитель – Чупракова Н.Н.

В современном мире проблема девиантного поведения старших подростков все еще является актуальной. Девиантное поведение включает в себя широкий спектр форм и видов, например – проявление агрессии и аутоагрессии, аддиктивное поведение и др. В данной работе рассматриваем проблему с точки зрения социально-психологической дезадаптации старшего подростка. Нельзя забывать про инфантилизацию общества. Человек в современном мире боится брать ответственность за свои поступки, из-за чего и происходит позднее взросление. Чем старше человек, тем тяжелее на него повлиять, поэтому важно проводить профилактику отклоняющегося поведения еще с раннего возраста.

В форме народной игры наиболее благоприятно и мягко можно воздействовать на необходимые параметры. В данном случае с помощью фольклорных игр мы корректируем возможное отклоняющееся поведение старших подростков в сторону благоприятных паттернов поведения, так как в играх содержится множество компонентов (нормы и правила, культурные ценности и пр.). Ресурсность народных игр в работе с подростками заключается в том, что важнейшие человеческие качества передаются не напрямую, а через содержание правил и традиций (Ляхин Р.А., 2008). Народные игры – важный инструмент обучения, воспитания, развития старших подростков. В народных играх содержится потенциал для успешной социальной адаптации старших подростков, так как в них развиваются коммуникативные навыки, переживаются в безопасных условиях страхи, одиночество и т.д. (Стельмах О.Д. с соавт., 2013).

Эмпирическая часть исследования была проведена на базе МГППУ. Выборку исследования составили 52 человека, студенты 1 курса факультета «Юридическая психология» (возраст 17-18 лет). Целью нашего исследования

стало определение влияния народных игр на личностные особенности старших подростков, а именно – на склонность и готовность к девиантному поведению, с целью его профилактики.

Исследование состояло из трёх этапов. На первом этапе экспериментальной и контрольной группе были предложены методики для выявления такой личностной особенности старших подростков, как агрессивность («Тест Руки» Э. Вагнера), а также склонности к девиантному поведению (Методика диагностики склонности к отклоняющемуся поведению (СОП), Орел А.Н.) (шкалы: склонность к нарушению норм и правил, аддиктивному поведению, самоповреждающему и саморазрушающему поведению, агрессии и насилию, волевого контроля эмоциональных реакций). На втором этапе исследования в экспериментальной группе на протяжении 4 месяцев раз в неделю проводились игровые занятия. Игровая программа содержала в себе 7-8 игр. На третьем этапе была проведена повторная диагностика по тем же параметрам для определения изменений.

По результатам нашего исследования можно сделать вывод о том, что игровые занятия благоприятно влияют на личностные особенности старших подростков, они становятся более приверженными нормам и правилам. Склонность старших подростков к агрессии и насилию снизилась. После игрового взаимодействия установки к социальному взаимодействию у большинства преобладают над агрессивными тенденциями в общении. В процессе игр приобретаются коммуникативные навыки, развиваются конструктивные паттерны поведения. При попадании в ситуацию фрустрации старший подросток учится справляться с собственными переживаниями в безопасной среде. Старшие подростки стали менее склонными к самоповреждающему и саморазрушающему поведению.

Полученные результаты можно использовать в дальнейших направлениях исследования проблемы девиантного поведения старших подростков и влияния народных игр на личностные особенности подростков. В ходе работы была определена следующая перспектива: длительная работа с

подростками в форме игровых занятий, особенно с группой подростков с девиантным поведением, и изучение взаимосвязи других личностных особенностей с отклоняющимся поведением.

Результаты, полученные в данной работе, можно применять на практике при работе с детьми и подростками в школе.

Литература

1. Лахин Р.А. Социально-нравственное воспитание детей и подростков средствами народной игры // Сибирский педагогический журнал. 2008. №3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialno-nravstvennoe-vospitanie-detey-i-podrostkov-sredstvami-narodnoy-igry> (дата обращения: 26.04.2020).

2. Стельмах О.Д., Ступина В.Н., Чернушевич В.А. Народная игра как средство профилактики девиантного поведения в условиях урбанизации // Муниципальное образование: инновации и эксперимент. 2013. №3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/narodnaya-igra-kak-sredstvo-profilaktiki-deviantnogo-povedeniya-v-usloviyah-urbanizatsii> (дата обращения: 26.04.2020).

Исследование жертв буллинга

Пырскова М.А.

Московский государственный психолого-педагогический университет
(г. Москва)

Научный руководитель – Русаковская О.А.

Одним из распространённых видов насилия среди детей является буллинг – агрессивное поведение, направленное на другого человека, который отличается от большинства какими-нибудь внешними или личностными качествами (Olweus, D., 1993; Волкова Е.Н., Гришина А.В., 2013, Ермолова Т.

В., Савицкая Н. В., 2015; Петросянц В.Р., 2011). Буллинг построен на дисбалансе сил, где агрессор всегда превосходит свою жертву, и речь идёт не только о физической силе, но и об интеллекте, популярности, красоте и т.д. Буллинг имеет длительный характер, может проявляться как физическим насилием, так и вербальной агрессией, наносит психологический урон человеку, отражаясь на дальнейшей жизни и психическом здоровье людей, причастных к травле. При этом положение о том, что буллинг может вызывать психические проблемы, являясь, на первый взгляд очевидным, как и любое другое утверждение нуждается в доказывании, которое осложняется тем, что на возникновение психических проблем, помимо буллинга, влияют другие факторы: генетика, экология, окружение и воспитание. Изучение форм проявления буллинга, особенностей личностей всех участников травли очень важно для разработки мер по его выявлению и предупреждению. Традиционно структура буллинга включает «жертв», «агрессоров», «помощников», «свидетелей» и «защитников» (Бочавер А.А., Хломов К.Д., 2013; Глазман О.Л., 2009). Несмотря на то, что, как правило, основной акцент в исследованиях делается на детях, являющихся жертвами буллинга, целесообразно изучение структуры буллинга в полном объеме, так как без понимания целостной картины изучение индивидуальных особенностей жертв буллинга будут поверхностными.

Цель исследования – проведение предварительной оценки буллинга в одном из классов общеобразовательной школы.

Материал исследования: взаимодействие 25 учащихся 3-го класса одной из московских школ в ходе школьной деятельности.

Методы исследования: скрытое, целенаправленное, частично включенное наблюдение.

Организация исследования: в течение одной учебной недели экспериментатор осуществлял наблюдение за поведением, эмоциональным состоянием и взаимодействием детей друг с другом и учителем. Классный руководитель и администрация школы были проинформированы о целях

исследования, дали согласие на его проведение. Детям экспериментатор был представлен учителем-практикантом, записывающим протокол урока. Наблюдение осуществлялось в течение всех учебных дней, на всех уроках и переменах. В протокол наблюдения вносилось описание всех конфликтных или провоцирующих ситуаций с описанием поведения детей-участников и учителя (например, высказывания учителя, акцентирующие внимание учеников на неуспехе или индивидуальных особенностях кого-либо из учащихся). Описывались конкретные проявления вербальной или невербальной агрессии. Начиная с 3-го дня исследования экспериментатором на переменах организовывались групповые игры, предусматривающие взаимный выбор детьми друг друга (например, «Ручеёк»). Готовность детей участвовать в совместной игре, их выборы в ходе игры, высказывания, особенности поведения и эмоционального реагирования также фиксировались в протоколе. На основании первичных протоколов по каждому учащемуся выделены следующие параметры, которые подсчитывались по каждому из дней и за весь период наблюдения: агрессивные высказывания детей в отношении данного ребенка; агрессивные высказывания ребенка в отношении других детей; агрессивные действия детей в отношении данного ребенка; агрессивные действия ребенка в отношении других детей; негативные высказывания учителя в отношении ребенка; взаимодействие с несколькими детьми; взаимодействие с одним ребенком; отказ от взаимодействия с несколькими детьми; отказ от взаимодействия с одним ребенком; иницируемый ребенком контакт с учителем; иницируемый ребенком контакт с экспериментатором; иницируемый учителем/экспериментатором контакт с ребенком.

Результаты. Выявлено 5 учащихся, наиболее часто подвергающихся агрессии как со стороны сверстников, так и учителя (количество агрессивных высказываний со стороны детей от 3 до 9 за неделю, количество агрессивных действий в отношении ребенка от 1 до 7 за неделю, количество негативных высказываний со стороны учителя от 3 до 7). Выявлено 4 ребенка, которые

наиболее часто являются «агрессорами», 4 «помощника агрессора» и 8 «свидетелей». Не выявлено детей, принявших бы на себя роль «защитника». Установлено, что из 5 детей, которые наиболее часто подвергались агрессии в той или иной форме, двое сами проявляли агрессию и провоцировали конфликтные ситуации («агрессивные жертвы»), трое сами агрессию не проявляли и не давали отпора обидчикам («покорные жертвы»). Установлена большая роль учителя в поддержании сложившихся в классе отношений и сформировавшегося буллинга путем действий, направленных на привлечение внимания учащихся к неукладу других учеников. Так, на одном из уроков учитель, заметив неопрятную тетрадь у одной из учениц, сделал ей замечание, а после того, как она выразила недоумение по этому поводу, взял у нее портфель и начал доставать оттуда вещи, демонстрируя всем, какие они грязные и сломанные, в том числе продемонстрировал ученикам лежащий на дне портфеля испорченный банан. Дети кричали «фуу», закрывали носы, с девочкой до конца урока не разговаривали. Девочка выглядела расстроенной, сдерживала слезы.

Проведенное исследование позволило предварительно выявить существующую в классе структуру буллинга. В дальнейшем нами планируется проведение лонгитюдного 3-летнего исследования, направленного на выявление индивидуально-психологических особенностей, эмоционального состояния, самооценки участников буллинг-структуры, а также на разработку коррекционной программы. Распознавать буллинг и бороться с ним необходимо в любых группах, начиная с его зарождения в школах. Для этого необходимо: понимать причины возникновения буллинга, верно и как можно раньше определять участников, своевременно применять меры, направленные на прекращение буллинга. Тогда в будущем, без буллинга как явления, жизнь детей станет спокойнее и здоровее.

Литература

1. Бочавер А.А., Хломов К.Д. Буллинг как объект исследований и культурный феномен // Психология. Журнал Высшей школы экономики. – 2013. – Т. 10. – № 3. – С. 149–159.
2. Волкова Е.Н., Гришина А.В. Оценка распространенности насилия в образовательной среде школы // Психологическая наука и образование. – 2013. – Том 18. – № 6. – С. 19–28.
3. Глазман О.Л. Психологические особенности участников буллинга // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. – 2009. – № 105. – С. 159–165.
4. Ермолова Т.В., Савицкая Н.В. Буллинг как групповой феномен: исследование буллинга в Финляндии и скандинавских странах за последние 20 лет (1994—2014) [Электронный ресурс] // Современная зарубежная психология. – 2015. – Т. 4. – № 1. – С. 65—90. – URL: <http://psyjournals.ru/jmfp/2015/n1/76177.shtml> (дата обращения: 30.04.2020).
5. Ермолова Т. В., Савицкая Н. В. Буллинг как групповой феномен: исследование буллинга в Финляндии и скандинавских странах за последние 20 лет (1994—2014) [Электронный ресурс] // Современная зарубежная психология. – 2015. – Т. 4. – № 1. – С. 65—90. – URL: <http://psychlib.ru/mgppu/periodica/szp012015/SZP-0651.htm> (дата обращения: 30.04.2020).
6. Лэйн Д. А. Школьная травля (буллинг) // Детская и подростковая психотерапия / под ред. Д. Лэйна и Э. Миллера. СПб., 2001.
7. Петросянц В.Р. Проблема буллинга в современной образовательной среде // Вестник Томского государственного педагогического университета. – 2011. – № 6. – С. 151–154.
8. Olweus, D. Bullying at school. What we know and what we can do [Electronic resource] – Oxford: Blackwell, 1993.

Связь уровня суверенности психологического пространства и стратегий совладания в юношеском возрасте

Рейн М.В.

Московский государственный психолого-педагогический университет
(г. Москва)

Научный руководитель – Власова Н.В.

Современный мир характеризуется коммуникативными и информационными перегрузками, и человек, находящийся в таком мире, сталкивается с риском воздействия деструктивных идей в принятии противоправных ценностей. Так, при осуществлении преступлений, связанных с экстремистской деятельностью, часто используются различные способы вербовки и манипуляции, являющиеся наиболее действенными в отношении лиц, легче поддающихся психологическому управлению и координированию. В связи с данными условиями, наличие границ между собой и окружающим миром является ресурсом для сохранения психологического благополучия и предупреждения развития девиантного поведения.

Конструкт психологической суверенности формируется и развивается у человека в течение всей жизни, однако, наиболее значимым является опыт из детства (Нартова-Бочавер С.К., 2014). В результате столкновения человека с внешними воздействиями происходит обобщение полученного опыта либо защиты собственных границ, либо неудачи в их отстаивании. При сохранной суверенности взаимодействие человека с миром представляет собой взаимный обмен информацией, в противном случае возникает риск внешнего воздействия на установки и эмоции человека. В связи с этим, суверенность психологического пространства определяет не просто индивидуально-психологические особенности человека, но и особенности его межличностного взаимодействия.

Человек с депривированной суверенностью испытывает постоянное воздействие внешних факторов, и в связи с невозможностью защиты собственных границ, данные воздействия являются для него стрессогенными. В связи с этим он вынужден формировать соответствующие стратегии совладания, способствующие снижению негативных воздействий.

Среди классификаций копинг-стратегий выделяется базовое разделение на проблемно-ориентированные и эмоционально-ориентированные (Морозова Т.Ю., 2014). Проблемно-ориентированный тип копинг-стратегий подразумевает активные действия, направленные на конструктивное преобразование ситуации, вызывающей стресс. Второй же тип стратегий совладания предполагает регуляцию эмоционального состояния субъекта. Несмотря на то, что субъективно первый тип копинг-стратегий воспринимается как более адаптивный и конструктивный, эмоционально-ориентированный копинг помогает переживать и отреагировать негативные переживания, возникающие вследствие фрустрирующих ситуаций. Так, эффективность и адаптивность копинг-стратегий определяется на основе специфики ситуации, в которой находится субъект (Рассказова Е.И., Гордеева Т.О., 2011).

Единственная стратегия совладания, которая фактически во всех ситуациях оценивается как неконструктивная – стратегия избегания. Этот копинг подразумевает уклонение от внешних стрессогенных воздействий, проявляющееся в отрицании наличия проблемы, отвлечении, уходе в фантазии.

К моменту наступления юношеского возраста наиболее значимым аспектом становится личностная зрелость, определяющаяся наличием копинг-стратегий, продолжающих развиваться в течение юношеского возраста, а также сформированных ценностей, мировоззрения, устойчивых от внешних воздействий посредством суверенности психологического пространства (Буслаева Е.Л., 2010).

На основе вышеуказанных теоретических положений, нами была сформулирована цель исследования – выявление связи между предпочитаемыми копинг-стратегиями и уровнем суверенности психологического пространства в юношеском возрасте.

В рамках эмпирического исследования были применены методики «Суверенность психологического пространства» (С. К. Нартова-Бочавер), «Диагностика межличностной зависимости» (Р. Гиршфильд, адаптация О. П. Макушиной), «Диагностика доминирующей стратегии психологической защиты в общении» (В. В. Бойко), «Методика для психологической диагностики способов совладания со стрессовыми и проблемными для личности ситуациями» (Р. Лазарус, адаптация Л. И. Вассермана). Для обработки данных применялся коэффициент корреляции Спирмана и статистический критерий Манна-Уитни.

Выборку составили 86 человек (49 женщин и 37 мужчин) в возрасте 18-25 лет, проживающие в г. Москве.

На основании полученных данных было выявлено, что сниженные показатели общего уровня психологической суверенности демонстрируют 30% испытуемых. Снижение показателей выявлено в сферах суверенности физического тела – 28% респондентов, суверенности территории – 22%, суверенности вещей – 12%, суверенности привычек – 23%, суверенности социальных связей – 20%, суверенности ценностей – 21%.

В соответствии с результатами диагностики стратегий совладания было выявлено, что стратегия избегания является предпочтительной и как защита в общении (39%), и как копинг-стратегия (14%). Повышенный уровень применения стратегии избегания как способа совладания со стрессовыми ситуациями демонстрируют 27% выборки.

Наименьшим образом в выборке проявляется стратегия поиска социальной поддержки, 27% демонстрируют низкий уровень использования данной стратегии. Таким респондентам не свойственно разрешение проблемы

при помощи привлечения внешних ресурсов и ориентация на других людей для получения сочувствия и помощи.

Согласно данным сравнительного анализа Манна-Уитни, между группами респондентов с низкой и с нормативной суверенностью выявлены значимые различия по предпочтению копинг-стратегий избегание (выше у испытуемых со сниженной суверенностью, $p=0,014$) и поиск социальной поддержки (выше у испытуемых с нормативной суверенностью, $p=0,033$).

Полученные данные соответствуют результатам корреляционного анализа, свидетельствующими о наличии статистически значимой отрицательной связи стратегии избегания со шкалами суверенности психологического пространства ($R=-0,382$ при $p=0,001$), суверенности физического тела ($R=-0,342$ при $p=0,001$), суверенности территории ($R=-0,271$ при $p=0,01$), суверенности привычек ($R=-0,291$ при $p=0,001$), суверенности социальных связей ($R=-0,337$ при $p=0,001$), суверенности ценностей ($R=-0,331$ при $p=0,001$).

Результаты исследования свидетельствуют о том, что юноши и девушки со сниженной психологической суверенностью, неспособные отстаивать границы между собой и внешним миром, предпочитают в стрессогенных ситуациях стратегию избегания. Им свойственен уход от ответственности, отсутствие активных действий по разрешению ситуации. Для них является затруднительным поиск поддержки от окружающих людей, поскольку мир кажется им небезопасным, отношение к людям характеризуется подозрительностью и неуверенностью.

На основе проведенного исследования можно констатировать, что для профилактики сниженной суверенности и отдельных ее показателей необходимо осуществлять коррекционную работу в сфере расширения диапазона применяемых копинг-стратегий. Работа в данном направлении поможет выстраиванию прочных личностных границ, способствующих осознанию себя, своих ценностей, установок, а также противостоять деструктивным внешним воздействиям.

Литература

1. Буслаева Е.Л. Ценностные ориентации современной молодежи // Социальное положение детей, подростков и молодежи в современном обществе материалы Всероссийской научно-практической конференции: в 2-х частях. // Институт социально-экономических исследований Уфимского научного центра РАН. 2010. – С. 159-162.
2. Коптева Н.В. Онтологическая уверенность и психологическая суверенность // Мир науки, культуры, образования. – 2010. – Т. 3. – № 22. – С. 223–227.
3. Морозова Т. Ю. Изучение особенностей копинг-поведения в юношеском возрасте // Системная психология и социология. – 2014. – №9. – С. 23–25.
4. Нартова-Бочавер С.К. Психологическая суверенность и особенности межличностного общения // Социальная психология и общество. – 2014. – Том 5. – № 3. – С. 42–50.
5. Рассказова, Е.И., Гордеева, Т.О. Копинг-стратегии в психологии стресса: подходы, методы и перспективы // Психологические исследования: электрон. науч. журн. – 2011. – № 3 (17). – С. 33 – 34. – URL: <http://psystudy.ru/index.php/num/2011n317/493rasskazo#r3> (дата обращения: 30.04.2020).

Связь склонности к интернет-зависимости с особенностями детско-родительских отношений в подростковом возрасте

Розанова В.А.

Московский государственный психолого-педагогический университет
(г. Москва)

Научный руководитель – Бусарова О.Р.

Интернет-технологии стали определять реальность современной личности. Среди негативных социальных и психологических последствий, на которые оказывает влияние интернет, есть так называемый феномен «интернет-зависимости», который стал предметом научных дебатов в течение последних 20 лет (Малыгин В.Л., Хомерики Н.С., Искандирова А.Б., Смирнова Е.А., 2010). Чрезмерное использование интернет-технологий иногда приводит к аддиктивным формам поведения, которые деструктивно влияют на социальное, межличностное взаимодействие.

Основная группа интернет зависимых – это дети подросткового возраста. Е.А. Смирнова, А.Б., Сорокина, Е.О. Смирнова, С.Н. Скворцова и другие пишут о том, что интернет-аддикция и семейные формы взаимоотношений, стили воспитания имеют определенную связь (Карабанова О.А., 2017). Поэтому важное научно-исследовательское значение имеет анализ детско-родительских отношений, негативное влияние интернета на личность подростка. Эти факторы определяют необходимость профилактики интернет-зависимости в подростковой среде.

Цель исследования – определить наличие связи показателей интернет-зависимости и детско-родительскими отношениями.

Гипотеза исследования: существует связь между интернет-зависимостью подростков и типом детско-родительских отношений.

Исследование проводилось на базе ГБОУ СОШ № 1210. В исследовании приняли участие 50 подростков (учащиеся 7-х классов). Средний возраст составил 13 ± 1 лет, число мальчиков и девочек в выборке было равным.

Исследование проводилось в три этапа. На первом этапе была определена степень склонности подростков к интернет-зависимости. Для этой цели использовался тест Кимберли Янг на интернет-зависимость (модификация В.А. Лоскутовой). Таким образом, обследуемые были поделены на две группы: чрезмерно увлеченные интернетом и склонные к интернет-зависимости. «Обычных пользователей» по шкале Кимберли Янг в выборке не

оказалось. Второй этап заключался в исследовании типов детско-родительских отношений со стороны отца и матери с помощью методики «Поведение родителей и отношение подростков к ним Е. Шафер» (Подростки о родителях) и опросника «Взаимодействие родитель-ребенок» (И.М. Марковская). На третьем этапе проводилась статистическая обработка результатов, формулировались выводы и рекомендации. С помощью программы SPSS Statistics 22 при сравнении показателей использовался непараметрический метод корреляции Спирмена.

Предварительные результаты. Исследование показало положительную значимую корреляционную связь между интернет-аддикцией и следующими показателями детско-родительских отношений: «директивностью», «враждебностью», «фактором критики», «шкалой нетребовательности», «шкалой отвержения». Таким образом, чем выше показатели враждебности, фактор критики, директивность, тем более выражены показатели интернет-зависимости.

Также определена отрицательная корреляционная связь между интернет-зависимостью и «шкалой автономности по отношению к ребенку» со стороны матери и отрицательная корреляционная связь между интернет-зависимостью и шкалой «отвержение ребенка» родителем со стороны отца.

Таким образом, полученные результаты свидетельствуют о том, что если родители находят общий язык с подростком, отзываются на его проблемы, то уровень интернет-зависимости будет ниже. Следовательно, существует связь между интернет-зависимостью подростков и детско-родительскими отношениями.

На основании эмпирических результатов исследования была разработана авторская программа профилактики интернет-зависимости в среде подростков для родителей, целью которой является формирование конструктивных навыков взаимодействия родителей с интернет-зависимыми подростками.

Программа предполагает проведение мини-лекций о психофизиологическом развитии подросткового возраста, проведение блока психологических консультаций, направленных на разрешение сложных ситуаций общения с подростками, вопросам воспитания, а также обучение психолого-педагогическим технологиям взаимодействия, общения с детьми-подростками.

Успешная реализация программы предполагает нормализацию детско-родительских отношений и, как следствие, снижение факторов семейных отношений, приводящих к интернет-аддикции подростков.

Литература

1. Интернет-зависимое поведение у подростков. Клиника, диагностика, профилактика / В.Л. Малыгин, А.Б. Искандирова, Н.С. Хомерики [и др.]. – М.: Изд-во «Мнемозина», 2010. – 136 с.
2. Карбанова О.А. Детско-родительские отношения и практика воспитания в семье: кросс-культурный аспект // Современная зарубежная психология. – 2017. – Том. 6. – № 2. – С. 15-26. doi:10.17759/jmfp.2017060202.

Индивидуально-психологические особенности и поведение подростков в социальных сетях

Рузьяк Т.О.

Московский государственный психолого-педагогический университет
(г. Москва)

Научный руководитель – Дозорцева Е. Г.

Жизнь большинства современных подростков протекает как в реальном, так и в виртуальном мире. Социальные сети стали местом их самопрезентации, самореализации, формирования идентичности. Интернет дает подростку возможность проживания иных ролей по сравнению с реальностью, формирования нового образа «Я». В то же время Интернет-среда

предоставляет пространство для рискованного поведения, а чрезмерное погружение в нее грозит Интернет-зависимостью. Психологические аспекты деятельности подростков в сети Интернет, в социальных сетях стали в последнее время предметом многих исследований. Так, изучались феномен виртуальной идентичности (Солдатова Е.Л., Погорелов Д.Н.), девиантное поведение и Интернет, склонность к аутоагрессивному поведению у подростков (Солдатова Г.В., Дозорцева Е.Г., Соколова М.В., Погорелов Д.Н. и др.). Начаты исследования взаимосвязи личностных особенностей подростков с их поведением в виртуальном пространстве (Рубцова О.В., Панфилова А.С., Смирнова В.К. и др.). Вместе с тем, мало внимания уделялось связям индивидуально-психологических особенностей подростков с поведенческими рисками и представлением себя в социальных сетях, что обусловило проведение нашего исследования.

Целью данного исследования являлось определение индивидуально-психологических особенностей, связанных с рискованным поведением и характером самопрезентации в социальных сетях. Гипотеза состояла в том, что определенные индивидуально-психологические особенности связаны как с рискованным поведением, так и характером самопрезентации в социальных сетях.

Материалом исследования стали данные опроса 40 юношей и девушек в возрасте 16-17 лет, учеников старших классов средней школы.

Устойчивые психологические черты у подростков определялись с помощью индивидуально-типологического опросника (ИТО) (Собчик Л.Н., 2003). Для выявления специфических черт агрессии использовался опросник А. Басса – М. Перри (ВРАQ-24 в модификации Ениколопова С.Н., Цибульского Н.П., 2007).

Конкретные проявления рискованного поведения подростков в социальных сетях выявлялись при помощи специально созданной анкеты (Рубцова О.В., Посакалова Т.А.). Степень вовлеченности в активность в социальных сетях и сети Интернет в целом устанавливалась путем

использования шкалы интенсивности пользования социальными сетями (The Facebook intensity scale, FIS) (Ellison et al., 2007; перевод О. В. Рубцовой и Т. А. Посакаловой.) и шкалы интернет-зависимости Чена (CIAS) (Chen et al., 2003; адаптация Малыгина с соавт., 2011).

Характеристики самопрезентации в социальных сетях оценивались с помощью опросника «Представление себя в Интернете» (Presentation of Online Self Scale, POSS) (Fullwood et al., 2016, перевод О. В. Рубцовой и Т. А. Посакаловой) и шкалы ясности концепции «Я» (Self-Concept Clarity Scale (SCCS) (Campbell et al., 1996).

Статистическая обработка данных проводилась при помощи непараметрических методов (коэффициент корреляции Спирмена, статистическая значимость устанавливалась на уровне $p < 0,001$).

Анализ полученных корреляционных связей между показателями методик показал следующее. Максимальное количество связей с характеристиками поведения и самопрезентации подростков в сети и обнаружилось у такой индивидуально-психологической особенности, как тревожность (ИПО). При этом среди конкретных проявлений рискованного поведения в сети Интернет (данные анкеты) с ней оказались положительно связанными лишь показатели такого вида поведения, как ведение бесед на темы, которые вызвали бы у подростков смущение в реальной жизни. Тревожность коррелирует также с положительным знаком с трудностями проявления себя в реальном мире, неустойчивостью представления о себе и стремлением построить идеальное «Я» в социальных сетях (POSS, SCCS). Значимые корреляции связывают тревожность и с параметрами интернет-зависимости (CIAS). Следует отметить также положительную связь с интернет-зависимостью такой индивидуально-психологической особенности, как враждебность (ВРАQ-24). Напротив, отрицательные связи с чрезмерной погруженностью в активность в сети Интернет, имеют спонтанность и экстраверсия.

Таким образом, полученные данные свидетельствуют о том, что

деятельность в социальных сетях может иметь для подростков с тревожными чертами, трудностями в реальном мире, неустойчивостью представления о себе компенсаторное значение, раскрепощая их и позволяя проявлять себя иначе, чем в реальности. В том случае, когда эта деятельность становится чрезмерной и формируется интернет-зависимость, тревожность сочетается с враждебными чувствами по отношению к другим, что создает сложный психологический комплекс. Эти обстоятельства следует иметь в виду при работе с подростками с интернет-зависимостью.

Литература

1. Ениколопов С. Н., Цибульский Н. П. Психометрический анализ русскоязычной версии Опросника диагностики агрессии А. Басса и М. Перри // Психологический журнал. – 2007. – № 1. – С. 115—124.
2. Малыгин В.Л., Феклисов К.А., Искандирова А.С., Антоненко А.А., Смирнова Е.А., Хомерики Н.С., Интернет-зависимое поведение. Критерии и методы диагностики. Учебное пособие. — М.: МГМСУ. — 2011. – 32 с.
3. Рубцова О.В., Панфилова А.С., Артеменков, С.Л. Исследование взаимосвязи личностных особенностей игроков подросткового и юношеского возраста с их поведением в виртуальном пространстве (на примере групповой компьютерной игры «DOTA 2») // Психологическая наука и образование. – 2018. – Том 23. – № 1. – С. 137–148.
4. Собчик Л. Н. Диагностика индивидуально типологических свойств и межличностных отношений. – СПб: Речь, 2003. – 96 с.
5. Соколова М.В., Дозорцева Е.Г. Склонность к аутоагрессивному поведению у подростков и информация, потребляемая ими в интернете (Соколова М.В., Дозорцева Е.Г. Психология и право. 2019. т. 9. № 1. С. 22-35.) [Электронный ресурс], <https://elibrary.ru/item.asp?id=37133044> (дата обращения: 07.04.2020).
6. Солдатова Е.Л., Погорелов Д. Н. Феномен виртуальной идентичности: современное состояние проблемы // Образование и наука. –

2018. – Т. 20. – № 5. – С. 105-124.

7. Campbell JD, Trapnell PD, Heine SJ, Katz IM, Lavallee LF, Lehman DR. Self-concept clarity: Measurement, personality correlates, and cultural boundaries. *Journal of Personality and Social Psychology* 1996, 70(1):141-156.

8. Chen, S.-H., Weng, L.-J., Su, Y.-J., Wu, H.-M., & Yang, P.-F. (2003). Development of a Chinese Internet Addiction Scale and Its Psychometric Study. *Chinese Journal of Psychology*, 45(3), 279–294.

9. Ellison NB, Steinfield C, Lampe C. The benefits of Facebook “friends:” Social capital and college students’ use of online social network sites. *Journal of Computer-Mediated Communication* 2007, 12(4):1143-1168.

10. Fullwood C, James BM, Chen-Wilson CJ. Self-concept clarity and online self-presentation in adolescents. *Cyberpsychology, Behavior and Social Networking* 2016; 19(12):716-20. Epub 2016/11/11.

**Психолого-педагогические технологии и методы работы с подростком
как фактор формирования смысложизненных ориентаций и
внутренней позиции личности**

Сабрекова Т.В.

Московский государственный психолого-педагогический университет
(г. Москва)

Научный руководитель – Аникина В.Г.

Подростковый возраст является переходным этапом превращения ребенка во взрослого человека и является одним из важных в процессе становления личности. Именно на этом этапе человек ведет активную переоценку тех ценностей, установок, приоритетов, которые были заложены ему значимыми взрослыми ранее. Он в прямом смысле слова ищет себя, и гарантией уверенного вступления во взрослую жизнь для него являются: сложившийся образ «я», система актуальных ценностей, мотивов, образ

своего ближайшего будущего, цели и намерения, наконец, конкретный план действий для реализации поставленных целей.

Важно отметить, что современный мир нельзя назвать стабильным, он постоянно меняется, меняются его требования к растущему поколению, приоритеты, эталоны успешности. В данной ситуации подростку сложно выбрать путь «раз и навсегда», с другой стороны возможностей и путей развития у будущих взрослых сейчас больше: кто-то поступает в ВУЗ, кто-то открывает свой бизнес, кто-то едет получать образование за границей. При этом у отдельных ребят такая свобода выбора и широкий спектр направлений могут вызывать еще больше тревоги и чувства неустойчивости. Выборов много, а надо выбрать один, свой. Новый уровень ответственности с присущим подросткам максимализмом про «все или ничего» создают большое психологическое и физическое напряжение, которое порой выливается в повышенную тревожность, а у кого-то в депрессии и панические атаки.

Существующая ситуация осложняется еще и тем, что на данный момент в России практически полностью отсутствует регулярная, профессиональная форма психологической и информационной поддержки старших подростков, находящихся в ситуации выбора жизненной траектории. Квалификации и знаний даже очень заботливых родителей не хватает, чтобы помочь своим детям определиться и снизить нарастающее напряжение.

На данный момент существует много тренингов и психологических программ для подростков, даже при школе, но по большей части они все краткосрочные и больше ориентированы на тесты, где идет работа по определению профориентации и возможного пула профессий. Нам же кажется, что для того, чтобы подросток нашел свой уникальный путь, ему необходима глубокая психологическая и длительная работа, где он сможет разобраться в своих актуальных ценностях, желаниях и возможностях, построит модель будущего и смоделирует будущий план действий.

Целью нашего исследования являлась разработка психолого-педагогических технологий формирования смысложизненных ориентаций и внутренней позиции личности у современных подростков, то есть создание программы поддержки старших подростков в выборе будущей жизненной траектории, оценка эффективности этой программы и создание рекомендаций для специалистов, занимающихся данной или смежными темами. **Основная гипотеза** заключалась в том, что разработанная психологическая программа работы с подростками позволит более четко сформировать у них образ своего будущего и выстроить более целостную структуру его развивающейся личности.

Теоретическими основаниями исследования стали теории развития личности: гуманистический подход (Роджерс К., 1999); гештальт-подход (Перлз Ф., 2007); культурно-исторический подход (Выготский Л. С., 1983); теория о внутренней позиции личности Л.И.Божович (Божович Л.И., 2008); представление о детерминантах развития личности и проблеме смысла жизни Д.А.Леонтьева (Леонтьев Д.А., 1999); теория логотерапии В.Фракла (Франкл.В., 1998); теория поля К.Левина (Левин К., 2017) и динамики группы гештальт-подхода. Для анализа современной ситуации развития подростков были взяты публикации современных психологов-практиков, специалистов по работе с подростками (Бочавер А.А., Жилинская А.В., Хломов К.Д, 2016), (Хломов К.Д, 2014).

В исследовании были использованы такие методики, как методика Д.А.Леонтьева «Смысложизненные ориентации» (СЖО); сочинение на тему «Мое будущее глазами настоящего»; дневник изменений (авторская разработка); интервью «Результаты программы»; оценочная методика «Круг навыков».

Нами была разработана психологическая программа «СМЫСЛЫ», которая включала в себя двенадцать занятий по два часа. Занятия должны были проходить раз в неделю. Длительность проведения всей программы составляла три месяца.

В программе участвовало семь подростков 14-17 лет, 5 девочек и 2 мальчика. Программа была проведена с ноября 2019 по март 2020 года.

Программа «Смыслы» была направлена на реализацию следующих целей:

- Осознание и формулировка подростками своих актуальных ценностей
- Формулирование подростками своих целей/ намерений/ жизненных направлений
- Начало конкретных действий подростков для продвижения к своим целям
- Разработка подростками своих уникальных проектов, которые они хотели бы претворить в будущем
- Снижение тревоги подростков по поводу своего будущего
- Формирование у подростков уверенности, чувства собственной самооценности, определенности в жизни.

Программа состояла из трех частей:

- в первой предполагалось помочь ребятам осознать свою самооценку, определить и структурировать свои ключевые качества, склонности и интересы;
- во второй – вспомнить, сформулировать и, если нужно, уточнить формулировки своих актуальных ценностей, сформировать идеи и цели на будущее, придумать идею будущего проекта (под проектом подразумевалась стыковка личных интересов, ценностей подростка с запросами, потребностями мира и общества);
- в третьей – практической части программы – реализовать проект или часть проекта, презентовать результаты, осознать полученный опыт.

Результаты исследования

Программа была реализована в полной мере, однако идти четко по плану не получилось – не успели пройти третью, практическую часть. Был замечен интересный феномен в группе – несмотря на то, что все подростки пришли за тем, чтобы разобраться в себе и определиться со своим будущим,

глубокое погружение в себя, в том числе - свои ценности - вызвали у ребят сопротивление, и энергия группы стала стремительно падать. Пришлось пару занятий потратить на то, чтобы проявить это сопротивление, понять, почему оно возникло, найти в этом процессе ресурс. Ребята успели презентовать идеи своих проектов, реализации же проекта не получилось.

Большая часть информации была проанализирована методом «обоснованной теории» - одним из наиболее популярных методов, применяемых в качественных исследованиях при работе с текстом.

В целом, у подростков снизилась тревога по поводу своего будущего (куда поступать/кем быть/какое направление выбрать и т.п.); сформировалась уверенность, более ясный образ себя, появилось чувство собственной самооценности и определенности в жизни.

Литература

1. Бочавер А.А., Жилинская А.В., Хломов К.Д. Перспективы современных подростков в контексте жизненной траектории [Электронный ресурс] // Современная зарубежная психология. – 2016. Том 5. – № 2. – С. 31–38. doi: 10.17759/jmfp.2016050204.
2. Божович Л.И. Личность и ее формирование в детском возрасте. Издательство «Лабиринт», 2009. – 400 с.
3. Выготский Л.С. Мышление и речь. Психологические исследования, — Издательство "Лабиринт", М., 2019. – 368 с.
4. Левин К. Теория поля в социальных науках, 2019. – 313 с.
5. Леонтьев Д.А. Психология смысла: природа, структура и динамика смысловой реальности. – М.: Смысл, 2019. – 584 с.
6. Леонтьев Д.А. Личность в непредсказуемом мире // Методология и история психологии. 2010. Том 5. Выпуск 3. – 182 с.
7. Перлз. Ф. «Гештальт-подход и свидетель терапии», 2019. – 207 с.
8. Роджерс К. Консультирование и психотерапия, 1999. – 512 с.

9. Франкл В. Логотерапия и экзистенциальный анализ. Статьи и лекции, 2020. – 344 с.
10. Хломов К.Д. Подросток на перекрестке жизненных дорог: социализация, анализ факторов изменения среды развития [Электронный ресурс] // Психологическая наука и образование psyedu.ru. – 2014. – Том 6. – № 1. – С. 2–10. doi:10.17759/psyedu.2014060102.

Связь уровня правосознания с выбором компьютерной игры

Самойлова А.М.

Московский государственный психолого-педагогический
университет (г. Москва)

Научный руководитель – Шпагина Е.М.

Актуальность исследования заключается в том, что в настоящее время увлечение компьютерными играми получает всё большее распространение как один из видов деятельности у подростков. При этом, сам феномен влияния компьютерных игр на личность остается малоизученным.

Во-первых, потому что сфера индустрии компьютерных игр сама по себе развивается очень стремительно, в связи с чем даже последние проведенные исследования через пару лет могут потерять свою актуальность.

Во-вторых, на настоящий момент феномен компьютерной игры слабо изучен с точки зрения психологической науки, и не существует достаточно полной теоретической разработки феномена психологии компьютерной игры и её влияния на личность.

Также существующие исследования такого влияния показывают противоречивые результаты, но многие авторы говорят именно о негативном влиянии компьютерных игр (Войскунский А. Е., 2013).

Цель исследования – выявление и изучение связи уровня правосознания с выбором компьютерной игры у подростков.

Объект исследования – правосознание у лиц подросткового возраста.

Предмет исследования – связь уровня правосознания с выбором компьютерной игры у подростков.

Гипотезы исследования:

1. Существуют различия в уровне правосознания между подростками, не играющими в компьютерные игры, играющими в не жестокие компьютерные игры и играющими в жестокие компьютерные игры.

2. Подростки, выбирающие игры с жестокими действиями протагониста, обладают низким уровнем правосознания.

3. У подростков, играющих в компьютерные игры, наблюдается связь между уровнем агрессии и уровнем правосознания, имеющая различный характер в зависимости от типа игры.

В качестве определения правосознания нами было взято определение М.И.Еникеева. Правосознание – сфера общественного, группового и индивидуального сознания, связанная с отражением правозначимых явлений и регуляцией правозначимого поведения; совокупность взглядов, знаний, выражающих отношение людей, социальных групп, общества к праву и законности, их представления о должном правопорядке, о правомерном и неправомерном (Еникеев М.И., 2004).

Также нами было выдвинуто собственное определение компьютерной игры на основании анализа исследований данного феномена (Батенова Ю.В., 2012). Видеоигра (компьютерная игра) — игровая деятельность, осуществляемая в виртуальной интерактивной модели реальности, которая представляет собой условную ситуацию, обладающая предметом и мотивом деятельности, а также, особой системой действий.

В качестве основных методов сбора данных использовались методы анкетирования и опроса при помощи следующих методик (Дворянчиков Н.В. и др., 2017):

1. Тест правового и гражданского сознания Л.А.Ясюковой
2. Тест «Склонность к девиантному поведению» (Э.В. Леус, А.Г. Соловьев)
3. Личностный опросник агрессивности Басса-Перри (BPAQ)
4. Анкета для выявления лиц, играющих в компьютерные игры, и предпочитаемого типа игр.

В исследовании приняли участие 44 человека, ученики московских школ в возрасте от 10 до 18 лет, среди которых 26 девочек и 18 мальчиков.

Нами были полученные следующие результаты:

1. Отсутствуют значимые различия в уровне правосознания между подростками, не играющими в компьютерные игры, подростками, играющими в не жестокие компьютерные игры, и подростками, играющими в жестокие компьютерные игры. Сравнение трех выборок на данном этапе проводилось с помощью критерия Краскела-Уоллиса.

2. У подростков, играющих в жестокие и не жестокие игры, преобладает слабый и средний уровень правосознания.

На этом этапе вначале нами проводилась проверка распределения уровня правосознания подростков, играющих в жестокие игры на равномерность распределения с помощью критерия Хи-квадрат. Было выявлено несоответствие распределения нашей выборки с ожидаемым однородным распределением, по характеру распределения на графике было видно смещение распределения уровня правосознания в сторону низких и средних значений, что соответствует слабому и среднему уровню правосознания.

Затем для того, чтобы определить, характерно ли данное распределение только для подростков, играющих в жестокие игры, нами было проведено сравнение данного распределения в приведенной выше выборке с распределением уровня правосознания у подростков, играющих в не жестокие игры. Результаты показали отсутствие значимых различий в распределении

уровня правосознания в зависимости от предпочитаемого типа игры. Возможны следующие варианты объяснения подобного результата:

1) Правосознание в рассматриваемом нами возрасте не сформировано в принципе;

2) Подобные результаты обусловлены малой выборкой.

В пользу последнего говорит графическое распределение данных, где было показано, что у игроков, не играющих в жестокие игры, преобладают в большинстве средние значения уровня правосознания, в отличие от играющих в жестокие игры, где средних и низких значений примерно поровну.

Для того, чтобы проверить есть ли связь между уровнем агрессии и уровнем правосознания у разных групп играющих подростков, нами было проведено сравнение значений коэффициента корреляции Спирмена между показателями агрессивных реакций, полученных по методике Басса-Перри, уровнем агрессивного поведения, полученного по методике СДП и уровнем правосознания, полученного по методике ТПГС.

Результаты показали, что у подростков, играющих в видеоигры, отсутствует корреляционная связь между уровнем развития правосознания и агрессивным поведением. Коэффициент корреляции уровня развития правосознания (методика ТПГС) со шкалами:

- 1) агрессивное поведение (методика СДП), $\rho = 0,153$;
- 2) физическая агрессия (методика Басса-Перри), $\rho = 0,231$;
- 3) гнев (методика Басса-Перри), $\rho = -0,003$;
- 4) враждебность (методика Басса-Перри), $\rho = -0,204$.

У подростков, играющих в жестокие игры, также отсутствует корреляционная связь между уровнем развития правосознания и агрессивным поведением. Коэффициент корреляции уровня развития правосознания (методика ТПГС) со шкалами:

- 1) агрессивное поведение (методика СДП), $\rho = -0,176$;
- 2) физическая агрессия (методика Басса-Перри), $\rho = -0,010$;
- 3) гнев (методика Басса-Перри), $\rho = -0,207$;

4) враждебность (методика Басса-Перри), $\rho = -0,033$.

У подростков, играющих в не жестокие игры, была выявлена средняя корреляционная связь между уровнем развития правосознания и уровнем агрессии. Коэффициент корреляции уровня развития правосознания (методика ТПГС) со шкалами:

- 1) агрессивное поведение (методика СДП), $\rho = 0,493$ ($p < 0,05$);
- 2) физическая агрессия (методика Басса-Перри), $\rho = 0,436$;
- 3) гнев (методика Басса-Перри), $\rho = 0,100$;
- 4) враждебность (методика Басса-Перри), $\rho = 0,487$ ($p < 0,05$).

Таким образом, можно сказать, что:

1. Нет различий в уровне правосознания подростков, не играющих в видеоигры и играющих.

2. Установлено, что подростки, играющие в жестокие игры, обладают преимущественно слабым и средним уровнем правосознания, что может быть обусловлено двумя факторами: возрастом или недостаточно большой выборкой.

3. У подростков, играющих в компьютерные игры, связь между уровнем правосознания и уровнем агрессивного поведения различается в зависимости от типа предпочитаемой игры. У играющих в не жестокие игры существует связь между уровнем правосознания и уровнем агрессии.

Литература

1. Батенова, Ю.В. Игра, компьютерная игра, игровая деятельность: сравнительный анализ понятий // Мир образования – образование в мире. – 2012. – № 2. – С. 85-90.

2. Войскунский А. Е. Киберпсихология как раздел психологической науки и практики // Universum: Вестник Герценовского университета. – 2013. – №. 4 – С. 88—90.

3. Дворянчиков Н.В., Делибалт В.В., Дозорцева Е.Г., Дебольский М.Г., Дегтярев А.В., Чиркина Р.В., Лаврик А.В. Методическое руководство.

Сборник тестов программно-методического комплекса дифференциальной диагностики поведенческих нарушений несовершеннолетних «Диагност-Эксперт+» – М.: ФГБОУ ВО МГППУ, 2017. – 198 с.

4. Еникеев М.И. Юридическая психология. – СПб., – 2004. – 478 с.

Рефлексивные способности учителя как фактор готовности к профилактике девиантного поведения

Тишкова Ю.В.

Московский государственный психолого-педагогический университет
(г. Москва)

Научный руководитель – Чиркина Р.В.

В реализации профилактических программ в образовательной организации позиция учителя является ключевой, поскольку он выступает носителем моделей социального поведения в школе, управляя классным коллективом, определяет атмосферу в ученической группе, которая формирует среду для реализации возможностей личности или развития социального риска.

Профилактика в работе учителя представляет собой направление деятельности, целью которой является создание условий для успешного формирования и развития личностных ресурсов учащихся, способствующих преодолению различных трудных жизненных ситуаций и влияющих на повышение устойчивости к неблагоприятным факторам.

Повседневная учебная жизнь уже является особым профилактическим пространством, в котором создаются ресурсные условия для развития детей с опорой на сформированные стороны личности, деятельности, отношений и ситуации.

Согласно большому толковому словарю русского языка, профилактика (от греч. prophylaktikos - предохранительный) – совокупность предупредительных мероприятий, направленных на сохранение и укрепление нормального состояния, порядка.

В дошкольном и младшем школьном возрасте осуществляется первичная профилактика, основой которой является формирование социальных навыков, компетентного отношения учащегося к жизни, выраженное в наличии позитивных образов, понятных смыслов и умений действовать (Хананашвили Н.Л., Чиркина Р.В., 2016).

Первичная профилактика в начальной школе заключается в реализации системы мер, направленных на то, чтобы ребёнок имел ценностные ориентиры и мог их сформулировать и транслировать их самостоятельно; знал о конкретных и важных для всего социума, семьи и его самого смыслах, которыми наполнены ценностные ориентиры; умел действовать в согласии с этими ориентирами и смыслами (самосохраняться, саморазвиваться, транслировать, защищать и созидать).

Особая роль в ранней профилактике девиантного поведения детей отводится учителю. Современный учитель выступает как специалист, формирующий социальные навыки у детей, а следовательно, оказывающий профилактическое действие по предупреждению дезадаптации и проблемного поведения на ранних стадиях их развития, вне зависимости от реальных учебных возможностей детей, их особенностей в поведении, состояния психического и физического здоровья.

В связи с этим объектом нашего анализа выступила роль учителя, осуществляющего раннюю профилактику девиантного поведения в начальной школе.

Исследованию социальной роли уделяется достаточно много внимания, и оно находится в большей степени в области научного исследования отечественной и зарубежной социологии (Д. Майерс, Г.Е. Зборовский), психологии (Э. Берн, А.А. Леонтьев), педагогики (Э. Козиол,

К.М. Левитан, С.А. Шмаков), а также интегральных дисциплин: социальной психологии (Г.М. Андреева, Т. Шибутани), социологии образования (Э. Дюркгейм, А. Осипов), педагогической психологии (И. А. Зимняя).

Рассматривая педагога как субъекта социальных отношений, мы придерживаемся субъектно-деятельностного подхода (С. Л. Рубинштейн, К.А. Альбуханова, Л.И. Анцыферова, А.В. Брушлинский, В.В. Знаков, Е.А. Сергиенко), где профессионально важные и личностные качества учителя выражаются в его интересах, идеалах, направленности, мировоззрении.

Основным фактором, обуславливающим результативное выполнение любой социальной роли, является осознание личностью данной роли и умение выполнять ее максимально приближенно к идеалу. Теория социальных ролей в деятельности учителя представлена в работах Л.Б. Ительсон, Э. Козиола, М.В. Ломаевой, Н.В. Немова, К. Руцестама, О.И. Щербаковой и др.

Социальная роль учителя может быть рассмотрена как модель его профессионального поведения, включающая нормативно ожидаемый и личностно интерпретированный способ взаимодействия с участниками педагогического процесса в соответствии с социальным статусом учителя (Козиол Э., 1999).

Невзирая на разные основоположения исследователи выделяют одни и те же роли. Так О.Л. Кустова, проведя социально-ролевой анализ деятельности учителя, выделила социально-ролевые позиции учителя: предметная, методическая, воспитательная, организационная, коммуникативная, психологическая, исследовательская. Это ядерные сферы, которые затрагивают большинство авторов и которые отражают “зоны” трансляции педагогической компетентности (Кустова О.Л., 2006).

Раскрывая роль учителя начальных классов, реализующего профилактические программы, необходимо остановиться на его рефлексивной способности, выступающей ключевым аспектом его профессионализма. В рабочей ситуации учителю всегда приходится принимать решения “здесь и

сейчас” без права на ошибку, а эффективность его работы зависит от способности осмысливать свой опыт, извлекать из него уроки (Бизяева А. А., 2015).

Профессиональное действие учителя связано с учеником, который одновременно выступает и субъектом профилактического действия. Особенность педагогической рефлексии в ее направленности на ученика, рефлексивная позиция побуждает учителя соотносить каждое своё действие с реальными условиями (ученик на данном этапе развития) и с целями (ожидаемый прогноз развития).

Умение рефлексивно принимать решения в своей профессиональной деятельности позволяет быть более чувствительным к проблеме, а значит, предупредить риски, выходить за пределы конкретной ситуации и видеть конструктивные пути решения, быть творцом и примером для своего ученика. Отметим, что рефлексивная способность учителя является практическим профессиональным инструментом, позволяющим раскрыть личностные особенности ребенка и включить их в контекст воспитания и реализуемой профилактической программы.

На сегодняшний день проблема дефицита рефлексивной способности учителя в профессиональной деятельности остается актуальной и является одной из необходимых для устранения, чтобы повысить эффективность реализации профилактических программ в начальной школе. В качестве примера могут служить результаты апробации программы «Умелый класс» (программа «Умелый класс: формирование социальных навыков как метод профилактики эмоциональных и поведенческих проблем у детей», автор Б. Фурман), целью которой являлось обучение социальным навыкам и содействие психическому здоровью детей дошкольного и младшего школьного возраста (Niu S. J., Niemi H., 2020). Реализация данной программы на качественно высоком уровне требует в первую очередь высокий уровень осознанности и рефлексии учителей, принимающих участие в проекте, поскольку она основана на ценностном отношении к ученикам как субъектам

своего развития, а не привычной для России модели директивного, дисциплинарного и объектного подходов.

Литература

1. Бизяева А. А. Рефлексивная «недостаточность» как профессиональная проблема учителей // Психолого-педагогические проблемы девиантного поведения личности: исследования, профилактика, преодоление / Под ред. Д. Я. Грибановой. – Псков: Псковский государственный университет, 2015. – С. 7-15.
2. Козиол Эдвард. Социально-педагогический анализ профессиональных ролей учителя-воспитателя (Теория и практика подготовки классного руководителя в Республике Польша): дис. ... д-ра пед. наук. – М., 1999. – 330 с.
3. Кустова О.Л. Социально-ролевой анализ деятельности учителя // Вестник ЮУрГУ. Серия: Социально-гуманитарные науки. – 2006. – №17 (72). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialno-rolevoy-analiz-deyatelnosti-uchitelya> (дата обращения: 08.05.2020).
4. Профилактика и коррекция девиантного (аддиктивного, противоправного) поведения несовершеннолетних: проблемы, методы, технологии / Авторы-составители: Н. Л. Хананашвили, Р. В. Чиркина. – М., 2016. – 76 с.
5. Niu S. J., Niemi H. Teachers Support of Students' Social-Emotional and Self- Management Skills Using a Solution-Focused Skillful-Class Method. The European Journal of Social and Behavioural Science, 2020, vol. XXVII, pp.3096-3114. doi.org/10.15405/ejsbs.269.

Связь мотивации достижения успеха, мотивации избегания неудач и личностной тревожности у студентов вузов

Тюмина Н.С.

Московский государственный психолого-педагогический университет

(г. Москва)

Научный руководитель – Бусарова О.Р.

Личностная мотивация и тревожность оказывает огромное влияние на продуктивность учебной деятельности. Проблема высокой тревожности актуальна на сегодняшний день, ведь от нее напрямую зависит успеваемость учащихся – как школьников, так и учащихся высших учебных заведений. Недавние школьники сталкиваются с рядом трудностей, поступая в институты, это и новый коллектив, и новые преподаватели, и требования. Таким образом, можно сказать, что у многих студентов может значительно подняться уровень тревожности. Поэтому очень важно изучить данный вопрос, ведь для подростков и юношей мотивация является ведущим компонентом, а значит и мотивы, составляющие ее, должны иметь огромное значение. Под тревожностью здесь мы понимаем как постоянно или ситуативно проявляемое свойство человека приходиться в состоянии повышенного беспокойства, испытывать страх и тревогу в специфических социальных ситуациях (Немов Р.С., 1994).

Объектом исследования являются личностные особенности у студентов вузов. **Предметом** – связь личностной тревожности, мотивации достижения успеха и избегания неудач учащихся высших учебных заведений. **Целью** является изучение связи личностной тревожности с мотивацией достижения успеха и избегания неудач у студентов высших учебных заведений.

Мотивация достижения успеха является одним из видов мотивации, который определяет инициативное отношение человека к выполняемой работе. Проявляется в стремлении прилагать усилия и добиваться конечного результата в собственных действиях. У студентов в юношеском возрасте появляется способность взвешивать внешние и внутренние обстоятельства и принимать осознанные решения, именно в этом возрасте важную роль играет мотивация (Кручинин В.А., Булатова Е.А., 2010). Мотивация избегания неудач выражается в стремлении избежать унижений, заранее выйти из ситуаций, чреватых оскорблениями, насмешками или демонстрацией равнодушия, отказе от активных действий из-за страха перед неудачей (Хекхаузен Х., 2003).

Тревожность создает для студентов ситуации риска и опасности, тем самым человек, находясь в подобном состоянии, начинает использовать свои ресурсы для достижения результата разными способами. Таким образом, средний уровень тревожности может сыграть на пользу некоторому количеству людей, ведь это начинает мотивировать их деятельность для достижения успеха. Высокий уровень личностной тревожности может помешать человеку в реализации собственного потенциала, например, студент активно изучал все предметы во время семестра, его уровень знаний соответствовал высшему баллу. Но из-за высокого уровня тревожности он был в состоянии растерянности и напряжения во время экзамена, тем самым ему не удалось получить наивысшую оценку. Также высокая тревожность может помешать сосредоточиться на учебной деятельности. Стоит упомянуть также и о чрезмерно спокойных студентах. Они не боятся выполнять любые свои действия, не видят проблем в очевидном. Таким образом, студенты с низким уровнем тревожности могут иметь явные проблемы с успеваемостью в высшем учебном заведении.

Эмпирическая часть была проведена на базе ФГБОУ РГУТИС. **Выборку исследования** составили студенты 1-го курса в возрасте от 18 до 20 лет, в количестве 63 человек. Исследование проводилось в три этапа: 1–

октябрь 2019 года, 2 – январь 2020 (который выпал на экзаменационную сессию), 3 – март 2020. На всех этапах были предложены методики для прохождения и изучения таких личностных особенностей первокурсников, как личностная тревожность, мотивация достижения успеха и избегания неудач. Использовались следующие **методики** для диагностики: Методика диагностики личности на мотивацию к успеху Т. Элерса, Методика диагностики личности на мотивацию к избеганию неудач Т. Элерса, Методика оценки тревожности Ч.Д. Спилбергера и Ю.Л. Ханина.

Математическая обработка показала, что при достаточно сильной корреляции (0,762) было выявлено: чем выше уровень тревожности, тем выше уровень мотивации избегания. Вероятно, если бы выборка была бы шире, то полученные данные были бы более достоверными. При сравнении показателей во время и до экзаменов (по T-критерию Вилкоксона) выявлены следующие различия. Уровень личностной тревожности до экзаменов ниже, чем во время. При сравнении уровня личностной тревожности после и во время экзаменов уровень личностной тревожности после экзаменационной сессии ниже, чем во время. Что касается периода до и после экзаменов, то уровень тревожности после экзаменов ниже, чем до наступления экзаменационного периода.

По результатам исследования были получены следующие выводы:

1. В юношеском возрасте у человека активно развивается собственная позиция, все действия обращены в будущее на освоение профессии, дальнейшего трудоустройства и т.д.
2. Личностная тревожность связана с мотивацией избегания неудач. Чем выше уровень личностной тревожности, тем выше уровень мотивации избегания.
3. Во время экзаменационной сессии личностная тревожность у студентов повышается.

4. Личностная тревожность не связана с мотивацией достижения успеха. Вероятно, это может быть связано с тем, что ситуации стресса не влияют на результат учебной деятельности студентов.
5. Во время экзаменационной сессии студентов с высоким уровнем избегания неудачи больше, чем студентов с мотивацией достижения успеха. Возможно, это связано с тем, что в подобной стрессовой ситуации учащиеся концентрируются на сложностях, они волнуются и переживают о результатах экзаменов.

Исходя из исследования, мы понимаем, что студенты, у которых высокий уровень личностной тревожности и мотивации избегания, склонны попадать в неприятные ситуации, например, во время учебы в университете студенты постоянно выполняют огромное количество заданий и упражнений, которые, в свою очередь, могут быть неправильно выполненными, отсюда они попадают в ситуацию риска. Из-за постоянных неудач они чувствуют себя подавленными, у них есть склонность к заниженной самооценке, а также к снижению уровня притязаний. Поэтому важно студентам с подобными показателями найти ту деятельность, которая будет давать позитивный результат в их работе. Студентам, которые часто волнуются и переживают из-за предстоящих экзаменов, стоит обратить внимание на подготовку, им следует более тщательно заниматься и перепроверять свои способности. Требуется и психологическая помощь подобным студентам, поэтому рекомендуется проводить тренинги, которые будут помогать развивать в студентах уверенность в себе и собственных силах, тем самым снижая их личностную тревожность. Важна и поддержка в коллективе, поэтому необходимо помочь обеспечить благоприятный климат в студенческих группах, так как поддержка со стороны может придать больше уверенности в себе. Также стоит обратить внимание на эмоциональное состояние студентов, как со стороны педагогов, так и ближайшего окружения, чтобы в период

экзаменационной сессии, когда высок риск переживаний и стресса, человек был в наиболее комфортной среде, чтобы снизить риск тревожности.

Литература

1. Кручинин В.А., Булатова Е.А. Формирование мотивации достижение успеха. Н. Новгород: ННГАСУ, 2010. – 155 с.
2. Немов Р.С. Психология: учебник для студентов высш. Пед. Учеб, завед. – М. 1994. – 668 с.
3. Хекхаузен Х. Мотивация и деятельность. –2-е изд. – СПб.: Питер; М.: Смысл, 2003. – 860 с.

Особенности склонности к виктимному поведению у лиц подросткового возраста

Усова Л.Е.

Московский государственный психолого-педагогический университет
(Москва)

Научный руководитель – Русаковская О.А.

Подростковый возраст наиболее сензитивен к формированию различных форм виктимного поведения. Вне зависимости от того, на каком этапе онтогенеза были усвоены паттерны поведения, в подростковом возрасте шанс появления реализованной виктимности заметно возрастает (Андронникова О.О., 2019). Криминальная виктимность несовершеннолетних ярче всего выражена насильственными и корыстными преступлениями. Ежегодно жертвами преступлений в нашей стране становятся около 90 тыс. несовершеннолетних (Тимко С.А., Жайворонок А. В., 2017).

Однако, с учетом особенностей возраста важно понимание специфики виктимных паттернов поведения не только в контексте преступной ситуации. Доверчивость, эмоциональная неустойчивость, внушаемость, сложности

приспособления к необходимым условиям, беспомощность в конфликтных ситуациях, ограничение в возможностях смены окружения, обуславливают повышенную виктимность подростков. Переживания подростка, не находя конструктивных способов выхода, могут приобретать различные формы: рискованное поведение, самоповреждение, употребление психоактивных веществ (Григорьева А.А., 2019).

Обобщая основные характеристики, О.О. Андронникова выделила комплексное определение виктимности как психологического, социального биологического и морального деформационного отклонения, закрепленного в поведении, обуславливающего потенциальную или реальную возможность человека становиться жертвой. Виктимность на уровне нормы присуща людям с хорошей адаптацией, высокий уровень связан со специфическими свойствами личности, повышающими ее уязвимость. Виктимность – динамическое образование, выражающееся в виктимном поведении и свойственное любому человеку. При этом определение виктимного поведения – отклонение от норм безопасного поведения, реализующееся в совокупности социальных, психических и моральных проявлений. Ключевым словом является «реализующаяся», разграничивающее понятия виктимности и виктимного поведения (Андронникова О.О., 2005).

Целью исследования является изучение взаимосвязи склонностей к разным видам виктимного поведения у лиц подросткового возраста.

В выборку вошли 153 учащихся общеобразовательных школ в возрасте от 12 до 16 лет ($14,74 \pm 1,49$), из них 69 мальчиков (45%), 68 девочек (44%) и 16 человек без указания пола (11%).

В качестве методов исследования использовались методика «Склонность к виктимному поведению» О.О.Андронниковой. Статистический анализ данных был произведен с помощью статистического пакета SPSS. Для статистической обработки данных использовалась коэффициент ранговой корреляции Спирмена.

Результаты исследования. В процессе эмпирического исследования были получены результаты по методике «Склонность к виктимному поведению».

По результатам для каждой шкалы были выделены по 3 группы, где показатели находятся в рамках нормы, выше нормы и ниже нормы. У 78 обследуемых (51%) одна и более шкал имеют значение «выше нормы», что говорит о склонности к виктимному поведению.

По шкале агрессивное виктимное поведение 48,4% испытуемых находятся на уровне нормы, 45,8% - ниже нормы и только 5,9% выше нормы. Данные по этой шкале имеют значимые корреляции со шкалами самоповреждающего поведения ($R=0,595$, $p=0,000$), некритичное поведение ($R=0,635$, $p=0,000$) и реализованная виктимность ($R=0,512$, $p=0,000$).

По шкале самоповреждающего поведения 49% получили баллы в рамках нормы, 33,3% – ниже нормы, 17,6 % - выше нормы. Кроме связи с агрессивным поведением, данная шкала также коррелирует со шкалой некритичного поведения ($R=0,633$, $p=0,000$).

Гиперсоциальное виктимное поведение выше нормы выявлено у трети испытуемых (33,3%), у 26,8% показатели ниже нормы.

Зависимое и беспомощное поведение превышает норму только у 5 испытуемых (3,3%), у 40,5% показатели ниже нормы. Эта шкала имеет положительную корреляцию со шкалой реализованной виктимности ($R=0,693$, $p=0,000$).

По шкале некритичного поведения 7,2% - выше нормы, 48,4% - норма, 44,4% ниже нормы. Также у данной шкалы имеется положительная связь с реализованной виктимностью ($R=0,579$, $p=0,000$). Реализованная виктимность выше нормы выявлена только у 1 испытуемого, 69,9% - ниже нормы.

Таким образом, в выборке чаще всего наблюдается склонность к гиперсоциальному виктимному поведению. Для данной группы характерно социально одобряемое жертвенное поведение, готовность к риску, самонадеянность (возможно излишняя), смелость, отзывчивость, для таких

людей часто недопустимо уклонение от вмешательства в конфликт, что может повлечь за собой преступные действия агрессора по отношению к ним.

Из остальных шкал по связи признаков с учетом обоюдных корреляций нами были выделены триады АП/СС/НП, АП/НП/РВ и диада РВ/ЗП и выдвинуто предположение о сцепленной склонности к разным типам виктимного поведения с учетом совместимости личностных качеств, присущим каждому из них.

Для триады с повышенными оценками самоповреждающего, агрессивного и некритичного поведения характерно сочетание характеристик трех типов. Этим людям свойственно попадание в ситуацию виктимности с помощью провоцирующего некритичного поведения. Для них характерно как причинение себе вреда с помощью других лиц, так и самопричиняющее поведение. Наблюдается склонность к риску, необдуманному поведению, непрочные нравственные устои, они склонны к антиобщественному поведению, нарушению социальных норм, правил и этических ценностей, которыми зачастую субъект пренебрегает. Такие люди легко поддаются эмоциям, особенно негативного характера, ярко их выражают. Эти лица демонстрируют неосторожность, неосмотрительность, неумение правильно оценивать жизненные ситуации в результате каких-либо личностных или ситуативных факторов.

Для триады с повышенными оценками некритического, агрессивного и реализованного виктимного поведения характерно сочетание характеристик трех типов. Упор в данном случае будет делаться на агрессивные типы провокационного поведения без осознания последствий своих поступков, что с учетом сцепленности с фактором реализованной виктимности приводит к более частому попаданию в опасные ситуации. В данном случае не наблюдается жертвенность поведения, а причиной виктимизации может оказаться снижение контроля эмоций и прогностической функции.

Выделение диады склонности к зависимому и беспомощному поведению и реализованной виктимности обуславливается наличием

единственной значимой корреляционной связи у первого фактора, что обуславливается отличными от других типов способами реализации виктимности. Для данного типа в первую очередь характерно отсутствие оказания сопротивления, конформность, установка на беспомощность, низкая самооценка, что практически является антиподом агрессивного типа, но при этом не менее опасным для риска стать жертвой.

В выборке чаще всего наблюдается склонность к гиперсоциальному виктимному поведению. Из остальных типов виктимности по силе связи признаков могут быть выделены триады Агрессивного/Самоповреждающего/Некритичного виктимного поведения, Агрессивного/Некритичного/реализованного виктимного поведения и диада реализованной виктимности и зависимого виктимного поведения.

Литература

1. Андронникова О. О. Онтогенетическая концепция виктимности личности: автореф. дис. ... д-ра психол. наук. – Томск, 2019. – 43 с.
2. Андронникова О. О. Психологические факторы возникновения виктимного поведения подростков: дис. ... канд. психол. наук. – Новосибирск, 2005. – 213 с.
3. Григорьева А.А. Социально-демографические характеристики подростков с рисками аутоагрессивного поведения // Мир науки. Педагогика и психология. – 2019. – №4. – URL: <https://mir-nauki.com/PDF/06PSMN419.pdf> (дата обращения: 10.05.2020).
4. Тимко С.А., Жайворонок А. В. Современные особенности виктимности несовершеннолетних в России // Актуальные проблемы уголовной и уголовно-процессуальной политики российской федерации / Под ред. Рагозиной И.Г. и Деришева Ю.В. – Омск: Омская юридическая академия, 2017. – С.47-51.

Особенности гендерной идентичности и установок у старших сестёр в юношеском возрасте

Филимонова А.А.

Московский государственный психолого-педагогический университет
(г. Москва)

Научный руководитель – Богданович Н.В.

Актуальность. Девушки, занимающие в родительской семье положение старшей сестры, часто оказываются привлечены к заботе о младших детях, что может способствовать развитию материнских качеств, которые лежат в основе традиционных представлений о женщинах. Тем не менее, существуют данные, что старшие сестры зачастую имеют проблемы в устройстве личной жизни, долго не создают собственную семью, часто наблюдаются проблемы с зачатием или поздней беременностью, отдавая предпочтение развитию в профессиональной сфере. Такая неоднозначная картина вызывает интерес к исследованию особенностей установок и гендерной идентичности старших сестёр. Гендерная идентичность и установки находят своё отражение во взаимодействии личности с социальной средой и оказывающих детерминирующее воздействие на поведение человека, играют важную роль в процессе адаптации и саморегуляции. Выраженность определённых установок и дисбаланс структуры гендерной идентичности в ряде литературных источников признаются факторами возникновения девиантного и криминального поведения.

Основной гипотезой данного исследования является предположение о том, что существуют значимые различия в особенностях гендерной идентичности и установок между старшими сестрами и девушками с иным положением в семье.

В целях уточнения основной гипотезы были выдвинуты следующие дополнительные гипотезы:

1. Старшим сёстрам в большей мере, чем девушкам с иным положением в семье, свойственна маскулинность.

2. Существуют различия между установками старших сестёр и установками девушек с иным положением в семье.

2.1. Старшим сёстрам в большей мере, чем девушкам с иным положением в семье, свойственна выраженность таких установок, как долженствование в отношении себя и долженствование в отношении других

2.2. Старшим сёстрам в большей мере, чем девушкам с иным положением в семье, свойственна установка на власть.

Материалы и методы исследования

В исследовании приняли участие 173 девушки в возрасте от 16 до 21 года: 73 старшие сестры (из них 29 с младшей сестрой, 29 с младшим братом, 15 с младшим братом и младшей сестрой), 52 младшие сестры, 18 средних сестёр, 30 девушек, являющимися единственными детьми в семье.

Были использованы следующие методики:

1. Методика «МиФ» (в модификации Н. В. Дворянчикова) (Дворянчиков Н.В., 2011);
2. Методика «Маскулинность-фемининность» С. Бем (Павленко-Беспанская Е. Д., 2013);
3. Методика диагностики иррациональных установок. Тест Альберта Эллиса;
4. Методика «Диагностика социально-психологических установок личности» О.Ф. Потёмкиной. (Райгородский Д. Я., 2001);

Были использованы следующие методы:

1. Анализ литературы по проблеме исследования;
2. Психодиагностический метод (интернет-тестирование);

3. Методы математической статистике (Критерий Колмогорова-Смирнова, коэффициент корреляции Спирмена, критерий Манна-Уитни, критерий Краскела-Уоллиса);
4. Обработка результатов исследования проводилась в программном обеспечении SPSS Statistics Version 22.

Результаты исследования

Согласно полученным результатам, у старших сестёр маскулинные качества преобладают над фемининными, наблюдается маскулинный тип гендерной идентичности. Были обнаружены значимые различия по показателям «Маскулинность» ($p=0,001$) и «Я-реальное (Маскулинное)» ($p=0,000$) между старшими сёстрами и группой сравнения. Можно предположить, что с появлением в семье второго ребёнка старшие сёстры, до этого не имевшие конкурентов в получении внимания родителей, сталкиваются с тем, что начинают проигрывать младшему ребёнку в борьбе за родительские ресурсы, поскольку он в силу своих возможностей требует больше заботы и внимания родителей (Адлер А., 1998). Тогда наиболее адаптивным вариантом поведения для старшей сестры является поиск компенсации за пределами семьи, потому для старшего ребёнка зачастую оказывается характерным отдаление от семьи, демонстрация своей самостоятельности и независимости. В то же время может наблюдаться стремление вернуть к себе внимание родителей, и поскольку родители сами зачастую хвалят старшего ребёнка за те успехи и умения, которые младшему ещё не доступны в силу возраста, у первенца может наблюдаться стремление к достижениям. Таким образом, положение, которое старшие сёстры занимают в семейной системе, обуславливает как формирование качеств, так и преобладание их в представлении о себе, которые традиционно считаются мужскими. Дополнительно было выявлено, что у девушек, занимающих положение единственных детей в семье и младших сестёр, преобладают фемининные качества и наблюдается фемининный тип гендерной идентичности. Результаты в отношении средних сестёр неоднозначны, можно

предположить, что у них преобладает андрогинный тип гендерной идентичности с преобладанием фемининных качеств.

Не было выявлено влияния положения, занимаемого девушками в семье, на выраженность иррациональных установок личности.

Полученные результаты свидетельствуют о преобладании у старших сестёр, в сравнении с девушками с иным положением в семье, таких социально-психологических установок, как установки на процесс, власть, деньги, эгоизм. Также были получены значимые различия по показателю «Власть» при сравнении группы старших сестёр с девушками с иным положением в семье ($p < 0,05$). Можно предположить, что тяжёлые переживания первенцем утраты власти с появлением второго ребёнка обуславливают ценность власти и побуждают в дальнейшем с большей чуткостью и осторожностью оценивать ситуацию с точки зрения возможных последствий лично для себя.

Объяснение большей ориентации на процесс, а не результат деятельности можно увидеть в наличии периода, когда старшая сестра был единственным ребёнком в семье и родители могли уделять её развитию больше времени, что поспособствовало развитию интереса к самостоятельной познавательной деятельности. При этом стремление старшей сестры к самостоятельности и независимости может влиять не только на большую увлечённость своей деятельностью, но и способствует облегчению переживания давления родительских ожиданий. Как показывает анализ жизненных условий старших детей, во многих случаях при появлении младших сиблингов они лишаются возможности удовлетворения некоторых потребностей, что может обуславливать особую значимость денег как способа или средства для удовлетворения собственных потребностей во взрослой жизни. Кроме того, деньги выступают атрибутами взрослости, независимости и влияния, что отвечает интересам старших сестёр. Дополнительно было выявлено преобладание у средних сестёр, в сравнении с девушками с иным положением в семье, ориентации на результат и свободу. А также преобладание у младших

сестёр, в сравнении с девушками с иным положением в семье, ориентации на альтруизм и труд.

Полученные результаты частично подтверждают существование различий в особенностях гендерной идентичности и установок между старшими сёстрами и девушками с иным положением в семье, и позволяют наметить перспективы дальнейшего развития исследовательской работы по данной тематике. Наибольший интерес в этом отношении приобретает изучение особенностей привязанности, детско-родительских отношений и представлений о материнстве и детях, в том числе под влиянием беременности и опыта материнства, в зависимости от сиблинговой позиции, в частности, у старших сиблингов.

Литература

1. Адлер А. Воспитание детей. Взаимодействие полов: пер. с англ. – Ростов-на-Дону: Феникс, 1998. – 448 с.
2. Дворянчиков Н.В., Носов С.С., Саламова Д.К. Половое самосознание и методы его диагностики: учебное пособие. – М.: ФЛИНТА: Наука, 2011. – 216 с.
3. Павленко-Беспанская Е. Д. Психодиагностические методики изучения гендерных особенностей личности: метод. рекомендации для студентов, обуч. по специальностям 1-86 01 01 «Социальная работа (по направлениям)» и 1-23 01 04 «Психология». – Минск: БГУ, 2013. – 86 с.
4. Райгородский Д. Я. (редактор-составитель). Практическая психодиагностика. Методики и тесты. Учебное пособие. – Самара: Издательский Дом «БАХРАХ-М», 2001. – 672 с.

Развитие эмпатии у юношей и девушек посредством развития коммуникативной компетентности

Швабауэр А.А.

Московский государственный психолого-педагогический университет
(г. Москва)

Научный руководитель – Богданович Н.В.

Актуальность

Вся наша жизнь построена на общении. Общение есть необходимость, без которой личность не может сформироваться: оно необходимо для формирования психических функций, процессов и свойств человека. Общение направлено на совместную деятельность людей, без которой невозможно существование. Для эффективного общения люди обучаются новым навыкам, которые входят в понятие коммуникативной компетентности.

Развитие коммуникативных навыков имеет высокую степень важности в любом возрасте, начиная с самого раннего. Важно отметить, что особое внимание им уделяется в подростковом и юношеском возрасте, когда общение становится ведущим видом деятельности. Недостаточное развитие коммуникативной компетентности приводит к трудностям в общении, что приводит к развитию комплексов, чувства ненужности и одиночества. Кроме того, юношеский возраст — это переход во взрослую жизнь, где данные навыки необходимы для эффективного профессионального общения, а также для установления дружеских взаимоотношений и создания семьи.

Формирование коммуникативной компетентности особенно важно для юношеского возраста, так как именно в эти годы молодые люди получают профессию в разных учебных заведениях, после чего пойдут работать по специальности. Не существует таких направлений, где людям бы не пригодилось общение: все устраиваются на работу, где проходят собеседования; общаются с коллегами; многие профессии подразумевают

общение с людьми, например в профессиях человек-человек. Также в данном возрасте меняется социальная ситуация развития - переход к самостоятельности. Именно здесь необходимо иметь навыки общения для эффективного перехода в самостоятельную жизнь.

Источниками коммуникативной компетентности являются как личностные свойства, так и внешняя среда: воспитание, жизненный опыт, методы обучения. Для более глубокого формирования коммуникативной компетентности необходимы специальная работа и психологические условия. Многие авторы отмечают, что в период юношества наиболее эффективным методом развития компетентности является социально-психологический тренинг.

Актуальность исследования обусловлена необходимостью коммуникативной компетентности у юношей и девушек, в связи с переходом на новый жизненный этап.

Материалы и методы исследования

Выборку по данному исследованию составили 2 группы. В первой группе (экспериментальной) 17 человек юношеского возраста: 11 девушек, 6 юношей; все студенты высших учебных заведений в возрасте 18-20 лет. Во второй группе (контрольной) также 17 человек юношеского возраста: 11 девушек, 6 юношей; все также студенты вузов в возрасте 18-20 лет.

В исследовании использовались следующие методики:

1. Тест эмпатии И.М. Юсупова.
2. Тест “Коммуникативная компетентность”.
3. Тест межличностных отношений Т. Лири.
4. Диагностический опросник для выявления склонности к различным формам девиантного поведения “ДАП-П”.

Методы:

1. Теоретический анализ литературы по темам.

2.Формирующий эксперимент.

3.Психодиагностические методы.

4.Математический анализ эмпирических данных.

Ход исследования

Исследование проводилось в три этапа:

1. Входная диагностика (у экспериментальной и контрольной групп).
2. Тренинг (у экспериментальной группы.)
3. Выходная диагностика (у экспериментальной и контрольной групп).

Тренинговая программа на развитие коммуникативной компетентности состояла из 9 встреч, каждая из которых имела свои цели и задачи. Тренинги проходили раз в неделю в течение трех месяцев, каждый их которых длился около двух с половиной часов.

За время прохождения тренинговой программы участники смогли ознакомиться с понятиями «коммуникативная компетентность», «эмпатия», «рефлексия». А также обрели следующие навыки:

1. Развитость устной речи;
2. Владение коммуникативными тактиками и стратегиями;
3. Умение анализировать внешние сигналы (мимика, интонации);
4. Ассертивность;
5. Умение налаживать контакт с малознакомыми людьми;
6. Умение давать и получать обратную связь;
7. Владение тактиками при разрешении конфликтов.

Результаты и обсуждение

После проведения повторной диагностики в контрольной и экспериментальной группах спустя три месяца были получены следующие результаты:

1. Значимых различий входной и выходной диагностики в контрольной группе по методикам нет, что может свидетельствовать о незначительных изменениях в сферах коммуникативной компетентности, эмпатии и отклоняющегося поведения.

2. По результатам входной и выходной диагностики в экспериментальной группе есть значимые различия по методике «Коммуникативная компетентность», что говорит о значительном росте коммуникативных навыков.

3. Значимые результаты есть также между экспериментальной и контрольной группами в выходной диагностике по уровню развития коммуникативной компетентности. В экспериментальной группе, в отличие от контрольной, виден рост данного параметра.

4. По результатам методики «Тест межличностных отношений Т. Лири» можно говорить о росте показателя «ДР1» в экспериментальной группе, который описывает способ преодоления конфликтных ситуаций. До проведенного тренинга результаты в группе говорили, что большинство участников прибегает именно к агрессивному, конфликтному способу взаимодействия с людьми. Однако после проведенной тренинговой программы результаты изменились: большая часть участников использует дружелюбное решение конфликтов, то есть поиск компромиссов. Также было замечено снижение общего уровня агрессивности по группе.

5. По результатам тренинга снизились показатели девиантного поведения в экспериментальной группе, в частности по шкалам «аддиктивное поведение», «делинквентное поведение» и «суицидальный риск».

6. Как один из основных механизмов тренинга, в экспериментальной группе повысился общий уровень эмпатии по методике «Тест эмпатии И.М. Юсупова».

Выводы

1. По итогам проведения тренинговой программы, средний показатель по коммуникативной компетентности вырос, 47% испытуемых в экспериментальной группе демонстрируют высокий уровень данного показателя.

2. По итогам тренинга можно констатировать рост среднего значения эмпатии в экспериментальной группе.

3. В результате проведенной работы снизился общий показатель девиантного поведения в экспериментальной группе, в частности аддиктивного и делинкветного поведения. Значительно снизилось значение суицидального риска в группе.

4. Полученные результаты подтверждаются снижением уровня агрессивности и эгоизма; показатели дружелюбия и альтруизма имеют положительную динамику. Также показатель дружелюбия, описывающий форму межличностного взаимодействия, изменился с конфликтно-агрессивного взаимодействия на дружелюбное.

ПЕНИТЕНЦИАРНАЯ ПСИХОЛОГИЯ И ПРАКТИКА ИСПОЛНЕНИЯ УГОЛОВНЫХ НАКАЗАНИЙ

Особенности семейных ценностей у осужденных женщин

Бабаханова К.А.

Московский государственный психолого-педагогический университет
(г. Москва)

Научный руководитель – Дебольский М.Г.

Криминологические и психолого-педагогические исследования показывают, что семья и наличие детей выполняют сдерживающую функцию совершения новых преступлений бывшими осужденными и способствуют успешной ресоциализации женщин после освобождения. Поэтому важно знать, каковы представления осужденных женщин о семейных ценностях, осознают ли они значимость детей в их жизни и принимают ли ответственность за их воспитание. Наличие этих сведений о личности осужденных женщин позволяет организовывать с ними целенаправленную психологическую работу в исправительных учреждениях по подготовке к освобождению.

При организации и проведении исследования мы основывались на ряде теоретических положений. Семейные ценности – явная (открыто одобряемая и культивируемая в кругу семьи) или неявная, характерная для членов семьи совокупность ценностных ориентаций, представлений, способов организации жизнедеятельности и взаимодействия в семье (Олифинович Н. И., Зинкевич-Куземкина Т. А., Велента Т. Ф., 2006).

Семейные ценности являются ценностями-нормами и выступают в качестве идеальных критериев, на основании которых оценивается реальность и совершаются выбор действия, поступки, влияющие на обстановку в семье. Активизируя у осужденных женщин значимость семейных ценностей и их

сохранение, можно менять их жизненные установки в целом, формировать планы на будущее, в том числе, снижать уровень рецидива после освобождения.

В структуре семейных ценностей современного человека выделяют ценностные ориентации, связанные с супружеством, родительство, родством, а также ориентации, включающие ценности образования, карьеры, предполагающие возможности профессионального роста, внешних успехов, личностное и творческое самосовершенствование (Гаунова И.Б., Рымарь О.С., Шоранова З.В., 2015). При формировании ценностного отношения к семье необходимо учитывать положение детей в системе отношений с родителями, то, какой образ дома, образ их семьи, образ родителей и системы семейного воспитания сложился у них на это время, как активных участников семейных событий и творцов вместе с родителями семейных отношений (Абраменкова В.В., Карабаново О.А. Дюльдина Ж.Н., Шустова Л.П., 2016).

При проведении исследования учитывались также теоретические основы пенитенциарной психологии, в частности, особенности психических состояний осужденных женщин (Гернет Н.М., Глоточкин А.Д., Пирожков В.Ф.). Осужденные женщины тяжело переносят уголовное наказание и лишение свободы. Им присущи такие психические состояния, как тревожность, тоска, депрессия, страх, одиночество. Одна из самых главных и трудных задач для них — не потерять свою семью, не стать чужой своим собственным детям, родителям, мужу, а если это уже произошло, найти возможность и силы пережить это (Кунц Е.В., 2012). Отличительной, специфической чертой системы ресоциализации женщин-осужденных является сохранение потребности женщины в материнстве.

По разработанной нами программе изучения семейных ценностей у осужденных женщин проведено исследование на базе ФКУ ИК-18 ГУФСИН России по Ростовской области. Это женская исправительная колония, на территории которой имеется дом ребенка. В исследовании приняли участие 40 осужденных женщин, из них 20 женщин, имеющих детей на свободе и 20

женщин, имеющих детей в доме ребенка при исправительной колонии. Возраст обследованных женщин – от 23 до 48 лет.

Для проведения исследования использовались следующие методики:

1. Анкетирование посредством опросника, составленного исследователем. Опросник включает в себя 4 раздела: анамнез, информация о родительской семье, планы на будущее и взгляды на семейную жизнь.

2. Опросник «Ценностные ориентации в области семейных отношений», разработанный Центром социально-психологической помощи семье.

3. Опросник «Измерение установок в семейной паре» (Ю.Е. Алешина, Л.Я. Гозман, Е.М. Дубовская).

Обобщая результаты исследования, можно сделать следующие выводы.

Для осужденных женщин являются важными такие семейные ценности: взаимопонимание, любовь и уважение; равноправие во взаимоотношениях с супругом и распределении обязанностей; любовь к детям и забота об их развитии. Женщины утверждают, что по отношению к детям необходимо применять гибкую систему воспитания, т.е. учитывать сложившуюся ситуацию, принимать во внимание мнение ребенка, способствовать его успехам. В семье женщины предпочитают обеспечивать свободу ее членам и при этом иметь глубокие и тесные отношения с каждым из них.

По преобладающим шкалам в опроснике «Ценностные ориентации в области семейных отношений» («Гибкое общее воспитание», «Стремление к достижению детьми больших успехов», «Свобода в семье», «Глубина семейных связей») и по шкалам, имеющим самые низкие показатели («Самовыражение личности», «Достижения в работе»), можно сделать вывод о том, что осужденные женщины больше заинтересованы в построении семьи и воспитании детей, чем в личных достижениях как в работе, так и в самореализации.

Около 80% опрошенных осужденных женщин утверждают, что для них образцом построения собственной семейной жизни выступают

взаимоотношения их родителей. Это и достоинство, и проблема, так как семейные ценности родителей не всегда носили просоциальный характер.

Женщины, имеющие детей в доме ребенка при ИК, более высоко оценивают значимость семьи в их жизни, чем женщины с детьми на свободе. (Различия статистически значимы). Полагаем, это обусловлено тем, что постоянный контакт матери с детьми более сильно актуализирует потребность в семье, чем в ситуации отдаленности от ребенка. Можно предположить, что во втором случае срабатывает механизм психологической защиты – вытеснение мыслей о семье и тоска по дому.

По шкалам опросника «Ценностные ориентации в области семейных отношений» посредством использования U-критерия Манна-Уитни, выявлены значимые различия среди двух групп осужденных женщин по шкалам «Гибкое общее воспитание», «Самовыражение личности», и «Стремление к достижению детьми больших успехов». По шкале «Гибкое общее воспитание» различия есть на уровне значимости $p < 0,001$. Это указывает на то, что представления осужденных женщин, у которых дети остались на свободе, отличаются большой гибкостью в воспитании и применении мер воспитательного воздействия по отношению к детям. Это можно объяснить тем, что вне исправительной колонии вариантов оказать влияние на ребенка гораздо больше, чем в доме ребенка при ИК.

По шкале «Стремление к достижению детьми больших успехов» различия между выборками также значимы ($p < 0,05$). У осужденных женщин, имеющих детей на свободе, более выражена установка на стремление к достижению детьми больших успехов.

По шкале «Самовыражение личности» различия указывают на то, что осужденных женщин с детьми, находящимися в доме ребенка, мало интересует их самовыражение и самореализация как личностей ($p < 0,05$). Их установки больше направлены на семейные взаимоотношения и воспитание детей.

Полученные результаты исследования можно применить для дифференциации и индивидуализации применения программ ресоциализации осужденных женщин, имеющих детей.

Литература

1. Гаунова И.Б., Рымарь О.С., Шоранова З.В. Динамика ценностей семьи в структуре социальных ценностей современного человека // Современные проблемы науки и образования. – 2015. – № 1-1. – URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=25325502> (дата обращения: 01.03.2020).
2. Дюльдина Ж.Н., Шустова Л.П. Категории «ценность» и «семейные ценности» в философских, психологических и социально-педагогических науках // Современные наукоемкие технологии. – 2016. – № 11-1. – С. 96-99. – URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=27412017> (дата обращения: 01.03.2020).
3. Кунц Е.В. Личность преступника как объект криминологического воздействия (на примере личности женщины-преступницы) // Вестник Челябинского государственного университета. – 2012. – № 37. – С. 77-80.
4. Олифиревич Н. И., Зинкевич-Куземкина Т. А., Велента Т. Ф. Психология семейных кризисов. – СПб.: Речь, 2006. – 360 с.

Особенности суицидального поведения лиц с психическими расстройствами в условиях мест лишения свободы

Гладова С.А.

Московский государственный психолого-педагогический университет
(г. Москва)

Научный руководитель – Бородина Л.Г.

В настоящее время существует достаточно много публикаций, посвященных изучению суицидального поведения лиц с психическими расстройствами в исправительных учреждениях. Однако результаты

исследований нередко вступают в противоречия друг с другом относительно мотивов, истинности и даже степени встречаемости суицидальности при тех или иных патологиях психики. Так, например, Б.С. Положий и Е.А. Панченко пишут о высокой частоте совершения самоубийств при шизофрении (Положий Б.С., Панченко Е.А. 2011), в то время как Р.М. Логутенко утверждает обратное (Логутенко Р.М., 2011). Вместе с этим, не находят должного отражения как в отечественных, так и зарубежных публикациях закономерности и особенности проявления суицидального поведения при таких психических расстройствах, как умственная отсталость, органическое и диссоциальное расстройства личности. Разрозненность и недостаток данных порождают необходимость изучения суицидальности у лиц с указанными психическими расстройствами с целью повышения качества оказываемой в исправительных учреждениях психологической помощи.

Было проанализировано 250 выписных эпикризов лиц с умственной отсталостью (61), шизофренией (37), органическим расстройством личности (84) и диссоциальным расстройством личности с чертами эмоциональной неустойчивости (68), госпитализированных в психиатрический стационар из мест лишения свободы (далее – МЛС). Каждая из групп лиц с психическим расстройством была разделена на экспериментальную и контрольную в соответствии с наличием/отсутствием у них суицидального поведения в исправительном учреждении. После этого, посредством применения критерия независимости Хи-квадрат, были изучены связи между криминологическими, пенитенциарно-ситуативными, социально-демографическими, индивидуально-психологическими характеристиками и суицидальностью обследуемых. Было проведено сравнение между выявленными особенностями суицидального поведения у осужденных с различными психическими расстройствами.

Выявлено, что суицидальность наиболее часто проявляется среди лиц с диссоциальным расстройством личности с чертами эмоциональной неустойчивости (58,82%). На втором по частоте месте располагается

умственная отсталость (42,62%). Реже суицидальная активность встречается среди лиц с органическим расстройством личности (29,76%) и среди лиц с шизофренией (27,03%). Полученный результат является достаточно неожиданным по отношению к исследованиям других авторов. Так, Л.Н. Юрьева пишет о том, что лица с диссоциальным расстройством не предрасположены к совершению суицидальных актов (Юрьева Л.Н., 2006), а Б.С. Положий и Е.А. Панченко говорят о том, что на их долю приходится лишь 13,6% суицидов, совершаемых лицами с расстройствами личности. Подобное расхождение может быть обусловлено тем, что в настоящем исследовании рассматриваемая группа обладает чертами эмоциональной неустойчивости, которые, в свою очередь, оцениваются как крайне суицидоопасные (Положий Б.С., Панченко Е.А. 2011).

При анализе способов реализации суицидального акта лиц с различными психическими расстройствами было обнаружено, что наиболее часто суицидальная попытка осуществляется через самопорезы. Как указывают авторы, изучающие суицидальное поведение в МЛС, подобный способ осуществления суицидальной активности встречается среди осужденных не так часто, поэтому можно предположить, что данная форма лишения себя жизни является характерной именно для лиц с психическими расстройствами (Зотов П.Б., 2017).

В отношении личностного смысла совершаемого акта лишения себя жизни у лиц с органическим расстройством личности преобладают мотивы призыва и избегания; у лиц с умственной отсталостью – мотив избегания психотравмирующей ситуации; при диссоциальном расстройстве личности с чертами эмоциональной неустойчивости – мотив немедленного изменения ситуации; у лиц с шизофренией суицидальное поведение инициируется в результате личностной переработки патологических проявлений болезни, что совпадает с результатами исследований В.В. Васильева, Е.А. Суровой, Б.С. Положего, Е.А. Панченко. Обнаруживается, что острый пресуицид преобладает у лиц с диссоциальным расстройством личности с чертами

эмоциональной неустойчивости (импульсивный) и у лиц с шизофренией (обусловленный патологическими проявлениями болезни); при органическом расстройстве личности чаще всего обнаруживается развернутый; у лиц с умственной отсталостью превалирует стертый тип пресуицида.

Такие авторы, как Е.Б. Любов, А.П. Коцюбинский, А.Г. Амбрумова указывают на взаимосвязь между аутоагрессивным поведением и дальнейшей суицидальной попыткой, что находит отражение в настоящем исследовании. Лица, не проявляющие аутоагрессию в течение жизни, крайне редко проявляют суицидальное поведение в МЛС. И, наоборот, лица, проявляющие аутоагрессию в течение жизни, часто проявляют суицидальное поведение в исправительном учреждении. Также подтверждается связь между суицидальным поведением в МЛС и причиной госпитализации. Так, если у осужденных возникает конфликт с проявлением аутоагрессии по поводу их госпитализации, то практически во всех случаях у них обнаруживается суицидальная активность. И наоборот, у тех лиц, кто сам просит о госпитализации психиатра исправительного учреждения, последующее суицидальное поведение выявляется редко. Эти данные можно соотнести с результатами исследований L. Marzano. Так, в результате опроса заключенных, совершивших суицидальную попытку в МЛС, было выяснено, что большая часть попыток могла быть предотвращена при возможности у осужденных поговорить с кем-то в контексте неформальной поддержки или психологического консультирования в исправительном учреждении (Marzano L., 2016). Это дает возможность предположить, что вербализация имеющихся проблем может служить защитным фактором от суицидального поведения среди лиц с психическими расстройствами в МЛС.

Литература

1. Амбрумова А.Г., Тихоненко В.А. Диагностика суицидального поведения: Методические рекомендации. – Москва, 1980. – 48 с.

2. Васильев В.В. Суицидальное поведение при пограничных психических расстройствах // Российский психиатрический журнал. – 2008. – №5. – С. 11-21.
3. Зотов П.Б. Суицидальное поведение заключённых под стражу и осуждённых // Суицидология. – 2017. – №2(27). – С.60-69.
4. Коцюбинский А.П. Суицидальное поведение психически больных: биопсихосоциальный подход // Социальная и клиническая психиатрия. – 2018. – №2. – С. 5-11.
5. Логутенко Р.М. Суицидальное поведение больных шизофренией с религиозным бредом // Сибирский вестник психиатрии и наркологии. – 2011. – №4. – С.54.
6. Любов Е.Б. Суицидальное поведение и шизофрения: биопсихосоциальный подход в диагностике, лечении и профилактике // Суицидология. – 2013. – №3. – С.3-16.
7. Положий Б.С., Панченко Е.А. Расстройства личности у пациентов, совершивших суицидальные попытки // Российский психиатрический журнал. – 2011. – №3. – С. 48-51.
8. Суворова Е.А. Суицидальное поведение при органических психических расстройствах: дис. ... канд. мед. наук. – Ижевск, 2020. – 151 с.
9. Юрьева Л.Н. Клиническая суицидология: Монография. – Днепропетровск: Пороги, 2006. – 472 с.
10. Marzano L. Prevention of Suicidal Behavior in Prisons: An Overview of Initiatives Based on a Systematic Review of Research on Near-Lethal Suicide Attempts // Crisis. – 2016. – №5. – P. 323-334.

**Представления об отцовстве у осуждённых мужчин,
отбывающих наказание в исправительном учреждении**

Загорская Е.В.

Московский государственный психолого-педагогический университет

(г. Москва)

Научный руководитель – Дебольский М.Г.

Изучение представлений об отцовстве у осуждённых мужчин очень важно, так как создаёт возможность для коррекции деструктивных родительских установок, которые могли возникнуть у осуждённых в контексте личностных предпосылок, неблагоприятного жизненного опыта, а также в ходе отбывания наказания в условиях исправительного учреждения. Наличие семьи и ценность родительского опыта способны стать важным стимулом к преодолению деструктивного образа жизни, ресоциализации и социальной адаптации на свободе (Абрамова Н.Г., 2015; Бровский П.А., 2009; Передельская И.Г., Чугайнова Е.С., 2011). От того, в какой мере удастся скорректировать неблагоприятные стереотипы об отцовстве, будет зависеть семейное благополучие и психологическое развитие детей.

В настоящее время в научной и публицистической литературе преобладает описание модели «ответственного» отцовства, в которой мать и отец обладают равной включённостью в процесс воспитания ребёнка, в результате чего роль отца становится сопряжена с большей вовлечённостью, эмоциональной открытостью и ответственностью (Клецина И.С., 2009).

Представление об отцовстве, как социальное представление, формируется у мужчины на протяжении всей жизни в контексте общения с другими людьми и социальной среды в целом (Вербицкий Р.Ю. 2015.; Московичи С. 1995).

Воспитание в неполной или конфликтной семье затрудняет формирование конструктивной модели отцовства, а также может стать причиной сложностей в социальной адаптации. Также индивидуальную специфику представлениям об отцовстве придают общая направленность личности мужчины, особенности ценностно-смысловых ориентаций и культурная среда (Борисенко Ю.В., Белогай К.Н, 2009).

Осуждённые в условиях отбывания наказания соприкасаются с криминальной субкультурой и подвергаются риску дальнейшего вовлечения в систему антиобщественных ценностей. Эта вероятность особенно усиливается в случае неблагоприятных личностных качеств и/или жизненного опыта (Антонян Ю.М. и др. 1996; Барабанов Н.П., 2014).

Наличие детей и семьи является важным фактором исправления и социальной адаптации осуждённых, препятствуя дальнейшему вовлечению в антисоциальную деятельность, поддерживает мотивацию к развитию личности (Бровский П.А., 2009). Однако существует риск переноса деструктивных моделей общения и поведения на взаимодействие в собственной семье, в том числе на процесс воспитания детей в виде авторитарного, эмоционально отстранённого стиля воспитания.

На основе данных теоретических положений была сформулирована гипотеза о том, что представления об отцовстве у осуждённых мужчин, отбывающих наказание в исправительном учреждении, отличаются от подобных представлений у мужчин, не имеющих судимости, в плане искажения их ценностно-смысловой значимости и ориентации на авторитарный стиль взаимодействия с членами семьи.

Для проверки этого предположения было проведено исследование на базе одного из исправительных учреждений Центрального Федерального округа Российской Федерации. Выборку составили 30 осуждённых, имеющих первую судимость, в возрасте от 20 до 50 лет (без учёта характера совершенных преступлений). Контрольная группа состояла из 30 законопослушных граждан.

Для диагностики представлений об отцовстве применялся набор следующих методик: методика изучения родительских установок PARI (Е.С. Шефер, Р.К. Белл; адаптация Т.В. Неццет); методика «Представления об идеальном родителе» (Р.В. Овчарова, Ю.А. Дегтярева); опросник родительского отношения (А.Я. Варга, В.В. Столин). Также использовалась

специально разработанная анкета для изучения социально-психологических характеристик осужденного и его представлений об отцовстве.

Как показал анализ полученных результатов, в группе осужденных действительно наблюдается более высокий уровень авторитарных тенденций в представлениях об отцовстве и взаимодействии с членами семьи.

Вместе с тем, установлено, что представления осужденных об отцовстве достаточно противоречивы. Так, у части испытуемых недостаточная включенность в дела семьи и эмоциональная дистанция сопровождается повышенной концентрацией внимания на ребенке, выражающаяся в опасении обидеть его, стремлении к созданию безопасности за счёт исключения внесемейного общения и чрезмерного вмешательства в мир ребенка. Это может объясняться тем, что многие осужденные либо не имеют целостной и благополучной модели отцовства в силу неблагоприятного жизненного опыта, либо не могут реализовать свои представления о семейном благополучии на практике. Находясь в исправительном учреждении, осужденные конструируют образ себя как отца, не имея для этого достаточного объективного подкрепления и доступного примера для подражания. В этой ситуации негативная пенитенциарная субкультура также может способствовать формированию установки на авторитарный либо отчужденный стиль детско-родительских отношений.

Полученные результаты показывают необходимость более детального анализа выявленных представлений об отцовстве у осуждённых мужчин, отбывающих наказание в исправительных учреждениях.

Литература

1. Абрамова Н.Г. Особенности семейной правосубъектности осужденных лиц к лишению свободы // МНИЖ. – 2015. – №2-2 (33). – С.64-65.
2. Антоян Ю.М., Еникеев М.И., Эминов В.Е. Психология преступника и расследования преступлений. – М., 1996. - 368 с.

3. Барабанов Н.П. Криминологическая и психологическая характеристика криминальной субкультуры осужденных // Уголовно-исполнительное право. – 2014. – №2 (18). – С. 28-36.
4. Бровский П.А. Проблемы социальной адаптации осужденных, освобождающихся из мест лишения свободы: гендерный аспект // Женщина в российском обществе. – 2009. – №2. – С. 56-65.
5. Борисенко Ю.В., Белогай К.Н. Специфика формирования отцовства как психологического феномена // СПЖ. – 2007. – №2. – С. 102-107.
6. Вербицкий Р.Ю. Социальные представления как предмет социальной психологии // Вестник ГУУ. – 2015. – №11. – С.311-315.
7. Московичи С. Социальные представления: исторический взгляд. // Психологический журнал, 1995. – Том 16. №2. – С. 3-14.
8. Клецина И.С. Отцовство в аналитических подходах к изучению маскулинности // Женщина в российском обществе. Российский научный журнал. – 2009. – № 3 (52). – С. 29-41.
9. Передельская И.Г., Чугайнова Е.С. Развитие самосознания осужденных // Ведомости УИС. – 2011. – №8 (111). – С.25-29.

**Психологические особенности переживаний подозреваемых,
обвиняемых и осужденных, содержащихся в следственном
изоляторе на различных этапах отбывания наказания**

Калашникова М.И.

Московский государственный психолого-педагогический университет

(г. Москва)

Научный руководитель – Дебольский М.Г.

Пребывание человека в местах лишения свободы непосредственно отражается на его психическом состоянии. Это связано, в первую очередь, со

специфичными условиями содержания. Сам факт заключения под стражу, нарушение привычного режима, оторванность от близких, необходимость нахождения в ограниченном пространстве с незнакомыми людьми формирует у человека, попавшего в пенитенциарное учреждение, постоянное напряжение и целый спектр отрицательных переживаний.

Опираясь на позиции различных авторов, в своей работе мы под «переживанием» понимаем отражение в сознании человека различных эмоциональных процессов, выражающих наше отношение к определенным объектам или явлениям. Понятие «переживание» является ключевым в пенитенциарной психологии. Еще в 20-е годы прошлого века известный отечественный психолог М.Н. Гернет писал: «Под психологией тюремного заключения мы понимаем характеристику переживаний, связанных со всеми особенностями тюремного режима» (Гернет М.Н., 1925).

Психические состояния обвиняемых, подозреваемых и осужденных имеют определенную динамику, и связано это, прежде всего, с периодами нахождения в местах лишения свободы. Как правило, ученые выделяют следующие периоды: период адаптации или период привыкания; основной период отбывания наказания, когда психическое состояние относительно стабильное и меняется лишь в праздничные дни и когда возникают нестандартные ситуации; период, предшествующий освобождению. Многие исследователи выделяют типичные психические состояния: состояние ожидания, безнадёжности и обреченности, фрустрации, неопределённости, тревоги, тоски и скуки, апатии, состояние надежды и уверенности (Пирожков В.Ф., Глоточкин А.Д., 1972; Волков В.Н., 1988).

Цель нашей работы заключается в выявлении общей динамики переживаний (психических состояний) обвиняемых, подозреваемых и осужденных лиц на разных этапах отбывания наказания.

Исследование проводилось на базе одного из следственных изоляторов УФСИН России по г. Москве. Выборку составили обвиняемые, подозреваемые и осужденные мужчины, содержащиеся в СИЗО и находящиеся на разных

стадиях отбывания наказания в общем количестве 30 человек в возрасте от 19 до 56 лет. Нами были сформированы следующие группы: обвиняемые, подозреваемые, прибывшие в СИЗО (срок нахождения от 1 до 10 дней); заключенные, содержащиеся в СИЗО полгода и менее; заключенные, находящиеся в СИЗО больше года. В каждой группе по 10 человек.

Исследование осуществлялось при помощи следующих методов: анкетирование, анализ документов, тестовые методики и опросники. В качестве психодиагностических методик, направленных на определение актуального психического состояния заключенных, применялись: методика «Шкала депрессии» (А.Т. Бек), тест самооценки психический состояний (Г. Айзенк), методика изучения уровня тревожности (Ч.Д. Спилбергер, Ю.Л. Ханин). Также для опроса заключенных была разработана совместно с М.Г. Дебольским специальная анкета, включающая в себя следующие блоки вопросов: социально-демографические данные; криминологическая характеристика; блок самооценивания собственного состояния (метод ранжирования); блок, направленный на изучение отношения к сложившимся атрибутам и элементам тюремной субкультуры.

В группе заключенных, находящихся на начальной стадии пребывания в СИЗО, преобладающим психическим состоянием является чувство вины, раскаяние. Чувство вины в психологии рассматривается как сложный феномен, связанный с таким моральным качеством, как совесть. В свою очередь, переживания совести определяется определенной ситуацией проступка и может выступать в форме страха или стыда.

В группе заключенных, находящихся в СИЗО полгода и менее, наиболее характерным состоянием является тоска и одиночество. Данное психическое состояние является типичным для личности заключенного. Чаще всего вызвано спецификой содержания – однообразной, монотонной и «серой» жизнью. Особенно остро проявляется накануне значимых событий. Тоска в определенной степени является болезненным, угнетающим и подавляющим состоянием.

Наиболее характерным психическим состоянием в группе заключенных, содержащихся в СИЗО более года, выступает надежда на будущее, оптимизм. Такое психическое состояние является особым для заключенного, поддерживается желанием наступления лучшего будущего, а также мечтой об этом будущем. Как раз-таки надежда является мощным импульсом для возникновения различных жизненных перспектив у осужденных.

При помощи теста Бека нами был измерен уровень депрессии среди разных категорий осужденных (критерий Манна-Уитни). Выявлены значимые различия в распределении уровня депрессии у осужденных, находящихся в СИЗО полгода и менее и у осужденных, содержащихся в СИЗО больше года ($p=0,029$). Наиболее ярко выраженные признаки депрессии отмечаются у последней категории.

Также были выявлены значимые различия в распределении переживаний у подозреваемых, обвиняемых и осужденных разных категорий по шкале "Фрустрация" (методика самооценки психических состояний Г. Айзенка): между заключенными, находящимися на начальной стадии пребывания в СИЗО и заключенными, содержащимися год и более ($p=0,015$); между заключенными, находящимися в СИЗО полгода и менее и осужденными, пребывающими в СИЗО больше года ($p=0,019$).

Полученный эмпирический материал показал актуальность и значимость исследуемой нами темы в решении пенитенциарных проблем, одна из которых выражается в совершенствовании научно-обоснованных рекомендаций и разработке программ, способствующих оптимизации и индивидуализации исполнения наказания в СИЗО.

Литература

1. Волков В. Н. Виды и формы симулятивных проявлений у спецконтингента ИТУ, СИЗО, ЛТП МВД СССР. – Домодедово, 1988. – 237 с.
2. Гернет М.Н. В тюрьме: очерки тюремной психологии. М.: Книгоиздательство «Право и жизнь», 1925. – 149 с.

3. Глоточкин А.Д., Пирожков В.Ф. Психические состояния человека, лишенного свободы // Вопросы борьбы с преступностью. – М.: Юрид. лит., 1972. – № 15. – С. 100-114.

Риски цифровой среды и преступность среди молодежи: результаты пилотажного исследования

Левин Л.М., Бокова Н.В.

Московский государственный областной университет (г. Москва),
Московский государственный психолого-педагогический университет
(г. Москва),

Научные руководители – Нестерова А.А., Дебольский М.Г.

Современные цифровые технологии проникают практически во все сферы нашей жизни. С каждым годом число пользователей как виртуальным пространством в целом, так и социальными сетями в частности, растет. При этом наибольшая доля пользователей приходится на подростков и молодежь от 18 до 24 лет (у которых эта доля превышает 95%) (Айсина Р.М., Нестерова А.А., 2019). В современных исследованиях интернет-зависимости и чрезмерной погруженности в электронную среду данное явление принято рассматривать как с точки зрения ресурсов, так и с позиций рисков. В данной работе рассмотрен подход с позиции рисков.

Как было отмечено С. А. Сашенковым, социальные сети могут оказывать криминогенное влияние на человека. Этому способствуют следующие факторы:

- наличие доступа к информации с отрицательной окраской, содержащей риски имеющемуся благополучию у человека;
- травлю в интернет-среде и противозаконное использование личной информации;

— включенность в криминальные группы в виртуальном пространстве и дальнейшая им приверженность (Сашенков С.А., 2012).

В. Гладышев-Лядов утверждал, что социальные сети часто используются и для пропаганды материалов экстремистской и террористической направленности, а зачастую работают вместе со СМИ (Гладышев-Лядов В., 2013).

Поскольку наиболее уязвимой категорией являются несовершеннолетние и молодежь, нами были изучены социально-демографические характеристики несовершеннолетних, состоящих на учете в уголовно-исполнительной инспекции за совершение различных правонарушений.

По учетам ФКУ УИИ УФСИН России по г. Москве (далее – УИИ) в 2019 году прошло 187 несовершеннолетних, из них: осужденных к обязательным работам – 7, к ограничению свободы – 12, условно-осужденных – 123, подконтрольных лиц с мерой пресечения в виде домашнего ареста – 43, в виде запрета определенных действий – 2. Среди данного контингента было установлено 5 случаев совершения повторных преступлений после постановки на учет в УИИ. Среди причин, повлиявших на совершение рецидивных правонарушений, можно выделить следующие:

- особенности личности подростков;
- отсутствие контроля со стороны родителей;
- неорганизованность досуга несовершеннолетних;
- чувство безнаказанности за совершенные противоправные деяния;
- отсутствие установки на исправление и отказа от преступных намерений самого подростка;
- чрезмерная вовлеченность в киберпространство и вступление в аптисоциальные интернет-сообщества.

Анализ личных дел показал следующие данные. Среди обследуемых правонарушителей 83% юношей и 17% девушек, первую судимость имели

86% подростков. Ранее уже имели судимость 14% несовершеннолетних, однако суд применил к ним также условную меру наказания. Почти все осужденные (93%) имеют среднее неполное образование, всего 7% имеют образование полное среднее или среднее специальное. Правонарушения были совершены ими в 30% случаев в возрасте 14–16 лет и в 70% случаев – в возрасте 17–18 лет. Почти все преступления (97%) были совершены из корыстных побуждений, и только в 3% – из стремлений к самоутверждению и принятию группой.

В полных семьях живут 25% подростков, 60% имеют неполные семьи и 15% являлись воспитанниками детдомов и интернатов, у 21% несовершеннолетних есть судимые родственники. Круг общения в 90% семей узкий, и только 3% семей имеют большой круг общения. Доверительные отношения этих подростков складываются в основном только с членами семьи: 31% склонны к доверию матери, 23% утверждают, что доверия заслужили братья и 8% могут положиться на своего отца. Остальные 38% несовершеннолетних не имеют ни с кем доверительных отношений. В 60% случаев родители оказывают негативное влияние на несовершеннолетнего, положительное – лишь в 27%.

В исследуемых делах было обнаружено, что в 80% семей постоянно происходят конфликты, в 15% – нейтральные отношения в семье, в 5% – доброжелательные. Не интересуются жизнью подростка 80% родителей, из них 60% не ходят в суд, на заседания Комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав (КДН и ЗП). Поведение ребенка в целом, со слов законных представителей, охарактеризовано как удовлетворительное только в 33% случаев, в 67% – неудовлетворительное. Частое позднее возвращение подростка домой отмечено в 63% случаев, что свидетельствует о невозможности родителей контролировать своего ребенка. Поведение ребенка в учебном заведении со стороны педагогов характеризуется как удовлетворительное лишь в 26% случаев, в 63% – неудовлетворительное. Большинство правонарушителей относятся к учебе

негативно – 57%, всего 10% относятся к учебному процессу положительно и 7% нейтрально. Учебные заведения, в которых обучаются подростки, в 43% случаев дают им отрицательную характеристику.

Стабильные хобби и увлечения имеют 50% осужденных. Как следствие, подростки из семей, которые не могут позволить себе регулярно обеспечивать досуг детей, становятся больше предоставлены сами себе и подвержены попаданию в группировки, занимающиеся преступной деятельностью.

На теле у 13% осужденных имеются татуировки, отражающие их идентичность как с молодежной субкультурой, так и некоторыми криминальными нормами. При опросе несовершеннолетних осужденных 63% указали, что у них отсутствуют проблемы со здоровьем, а 37% отметили наличие различных заболеваний. До совершения преступления 37% несовершеннолетних состояли на учете в психоневрологическом диспансере. По полученным данным всего 13% осужденных не имеют вредных привычек, 14% имели опыт употребления психоактивных веществ (ПАВ), 20% злоупотребляли алкоголем, а 73% курили табачные изделия. Установлено, что 74% родителей имели склонность к употреблению алкоголя, курению, а 13% употребляли ПАВ. Лишь 26% родителей несовершеннолетних не имеют вредных привычек.

Преступления совершены подростками в основном в отношении незнакомых людей – 83% случаев, и только в 17% ситуаций пострадавшими стали ранее знакомые правонарушителю лица. Возраст пострадавших в 59% случаев не достигает совершеннолетнего, 41% пострадавших – взрослые люди. Корыстный мотив носят 97% преступлений. Физическое воздействие применяли 33% несовершеннолетних, а психологическое воздействие имело место в 17% ситуаций. В момент совершения преступления 33% подростков находились в измененном состоянии сознания (алкогольного опьянения или наркотического воздействия).

В целях профилактики повторных правонарушений психологами отделения психологического обеспечения УИИ проводится изучение личностных особенностей; выявление склонности к деструктивным формам поведения; консультирование; проведение индивидуальной и групповой работы; социально-психологические исследования в семье; консультирование законных представителей ребенка.

Для повышения эффективности проводимых мероприятий рекомендуется:

- 1) формирование навыков безопасного пользования интернетом, в т.ч. недопущение вступления подростками в антисоциальные сообщества в виртуальном пространстве;
- 2) организация доступного, интересного и просоциального досуга несовершеннолетних;
- 3) увеличение объема психологического и социального сопровождения семей подростков.

Литература

1. Айсина Р.М., Нестерова А.А. Киберсоциализация молодежи в информационно-коммуникационном пространстве современного мира: эффекты и риски // Социальная психология и общество. – 2019. – Т. 10. – № 4. – С. 42—57. doi:10.17759/sps.2019100404.
2. Гладышев-Лядов В. Социальные сети как инструмент для пропаганды экстремизма // Обзор НЦПТИ. – 2013. – № 3. – С. 28–31.
3. Сашенков С. А. Криминогенное влияние социальных сетей на несовершеннолетних // Вестник Воронежского ин-та МВД России. – 2015. – № 3. – С. 215–219.

Психологические особенности материнской привязанности у женщин, отбывающих наказание

Орлова К.С.

Московский государственный психолого-педагогический университет

(г. Москва)

Научный руководитель – Делибалт В.В.

Согласно официальной статистике Федеральной службы исполнения наказаний, в исправительных учреждениях находятся 42 тысячи женщин, а также 420 детей проживают в 13 домах ребенка (со состоянию на 1 апреля 2020 г.) (Официальный сайт ФСИН, 2020). Формирование нормативных моделей материнства в условиях лишения свободы осложняется отсутствием достаточного количества времени для общения с ребенком, опыта полноценной ответственности и заботы о нем, а также факторами стресса и личностными особенностями, проявляющимися в условиях отбывания наказания, такими, как тревога, импульсивность, повышенная агрессия, др. (Дмитриев Ю.А., 2007; Мухина В.С., 2003). В то же время, материнство выступает одним из факторов последующей ресоциализации женщины после освобождения из мест лишения свободы (Бакунина Т.А., Дебольский М.Г., 2018).

Целью нашего исследования стало описание психологических особенностей материнской привязанности у осужденных женщин.

Основной гипотезой исследования выступило предположение о том, увеличение уровня материнской привязанности ведет к повышению осмысленности жизни.

Исследование проводилось с участием женщин, отбывающих наказание в Исполнительной колонии №5 Можайского района, которые составили экспериментальную группу (18 человек). Возраст участниц от 18 до 40 лет, все женщины имеют детей; большая часть из них осуждены по 228 статье УК РФ. Также в исследовании принимала участие контрольная группа в размере 14

человек – женщины, проживающие на свободе, не имеющие уголовных судимостей и также имеющие малолетних детей.

Для проверки основной гипотезы исследования нами была использована методика PARI (parental attitude research instrument) Е. Шеффер и Р. Белла в адаптации Т. В. Нещерет. Полученные результаты были обработаны с помощью методов непараметрической статистики (U-критерий Манна-Уитни).

Нам удалось получить статистически значимые различия между экспериментальной и контрольной группами по таким шкалам, как «Развитие активности ребенка», «Раздражительность, вспыльчивость», «Чрезмерная забота, установление зависимости», «Преодоление сопротивления, подавление воли», «Исключение внесемейных влияний», «Подавление сексуальности», «Чрезмерное вмешательство в мир ребенка».

Наибольшие различия проявились по блоку излишней концентрации на ребенке, которая значительно выше в экспериментальной группе. Такие значения, с нашей точки зрения, объяснимы криминальным опытом осужденных и желанием не допустить подобного поведения у своим детей.

Интересной особенностью контрольной группы выступили высокие результаты по шкале «Раздражительность, вспыльчивость». Такие результаты по отношению к экспериментальной группе мы связываем с отсутствием полноценного опыта родительства у осужденных, а именно таких тягот, как болезнь ребенка, хроническая усталость, недостаток свободного времени, т.д.

Суммируя описанные результаты, мы можем говорить о повышенном желании контролировать жизнь, развитие и круг общения ребенка как особенности материнской привязанности у женщин, отбывающих наказание, а также дефиците негативного опыта взаимодействия с ребенком, который может стать фактором риска при последующей ресоциализации.

Литература

1. Бакунина Т.А., Дебольский М.Г. Формирование положительного

эмоционального отношения к своей материнской роли у осуждённых женщин, имеющих детей в домах ребёнка при исправительном учреждении // Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции. Под общей редакцией Т. В. Кирилловой. – Рязань, 2018. – С. 47–57.

2. Дмитриев Ю. А., Казак Б.Б. Пенитенциарная психология: учебник – Ростов-на-Дону: Феникс, 2007. – 681 с.

3. Мухина В.С. Проблема материнства и ментальности женщин в местах лишения свободы // Развитие личности. – 2003. – №1. – С. 141—153.

4. Официальный сайт ФСИН <http://fsin.ru/statistics/>

**Психологический анализ актов членовредительства, совершенных
несовершеннолетними подозреваемыми, обвиняемыми,
осужденными в следственном изоляторе**

Чеботарев И.В.

Московский государственный психолого-педагогический университет
(г. Москва)

Научный руководитель – Дебольский М.Г.

В настоящий момент актуальность проблемы членовредительства несовершеннолетних подозреваемых, обвиняемых, осужденных обусловлена, в первую очередь, резко возросшим количеством ситуаций членовредительства несовершеннолетних, содержащихся в СИЗО (Характеристика лиц, содержащихся в воспитательных колониях., 2020), а также малой изученностью феномена членовредительства. Выявление факторов, приводящих к акту членовредительства, а также личностных особенностей аутоагрессантов может помочь в дальнейшей профилактике членовредительства несовершеннолетних заключенных, содержащихся в СИЗО.

В проведенном нами исследовании ставилась цель выявить специфические факторы, способствующие совершению акта членовредительства несовершеннолетними, находящимися в условиях СИЗО, а также установить личностные особенности несовершеннолетних, совершивших акт членовредительства. Объектом исследования являются ситуации членовредительства несовершеннолетних подозреваемых, обвиняемых, осужденных, содержащихся в СИЗО, предметом – личностные особенности несовершеннолетних, совершивших членовредительство, а также ситуативные факторы, способствовавшие их проявлению в условиях СИЗО.

Данная проблема изучалась такими исследователями, как Ю.М. Антонян, И.Б. Бойко, В.А. Верещагин (1994), Г.Я. Пилягина (1999). Основываясь на работах отмеченных выше авторов, членовредительство было рассмотрено как разновидность аутоагрессивного поведения и определено как действия, выражающиеся в намеренном повреждении органов и тканей тела, не повлекшие за собой летальный исход. В качестве теоретического подхода, объясняющего природу аутоагрессивного поведения, использована концепция Г.Я. Пилягиной (Пилягина Г.Я. 1999).

Основным методом сбора эмпирических данных являлся контент-анализ справок, официальных заключений по результатам проверки причин и условий, способствовавших членовредительству, обобщение материалов психодиагностического обследования несовершеннолетних. Всего была рассмотрена 21 ситуация членовредительства несовершеннолетних заключенных в ряде СИЗО ФСИН Центрального Федерального округа РФ, имевшая место в 2018 и 2019 годах. Для выявления особенностей аутоагрессивного поведения несовершеннолетних заключенных проведено сравнение полученных данных с аналогичными данными, полученными на взрослой выборке.

Изучая обстоятельства актов членовредительства, выявлено, что время, место и способ совершения большинства актов членовредительства не

позволяют совершить законченный суицид, что может являться подтверждением демонстративно-шантажных намерений у совершивших членовредительство несовершеннолетних, что также подтверждается тем фактом, что в качестве основного мотива (установлен, исходя из данных несовершеннолетними объяснений) к совершению акта членовредительства был выявлен демонстративно-шантажный мотив.

Рассматривая время нахождения в СИЗО до совершения акта членовредительства, отметим наличие тенденции к совершению акта членовредительства в течение первых двух недель пребывания в учреждении, а также нарастание риска совершения акта членовредительства после трех месяцев пребывания в СИЗО. Совершение акта членовредительства в течение первых двух недель можно связать с трудностями адаптации подростков к условиям СИЗО, возникающим на фоне этого стрессом, а также рассматривать как форму протеста против избранной меры пресечения на предварительном этапе судопроизводства – нахождение под стражей. Совершение акта членовредительства после трех месяцев нахождения в СИЗО можно объяснить истощением компенсаторных ресурсов подростка.

Особое беспокойство вызывают групповые акты членовредительства, совершенные несовершеннолетними. Подобные действия были как в форме одновременно группового членовредительства нескольких сокамерников, так и в форме нескольких актов членовредительства сокамерников, совершенных с небольшим интервалом. Такие акты могут быть как заранее спланированной акцией, так и быть совершенными под влиянием аналогичного поступка сокамерника, в знак солидарности с его действиями или в связи с действием механизмов психического заражения и подражания. В случае подобных актов членовредительства объяснения причин актов, данные несовершеннолетними, по содержанию между собой не отличаются, а сами объяснения свидетельствуют о демонстративно-шантажных намерениях подростков. Тенденция к совершению групповых актов членовредительства у исследованных нами взрослых заключенных полностью отсутствовала, что

свидетельствует о большей инфантильности несовершеннолетних, их подверженности влиянию со стороны сверстников (Венар Ч., 2004).

В качестве психологических факторов, способствовавших аутоагрессии, рассмотрен суицидальный риск несовершеннолетних, а именно суицидальный риск, выявленный посредством психодиагностики на момент прибытия несовершеннолетнего в СИЗО, а также риск, выявленный на момент диагностики, ближайшей к совершенному акту членовредительства. На момент прибытия высокий суицидальный риск был выявлен у 33% обследованных несовершеннолетних, на ближайшей к акту членовредительства диагностике высокий суицидальный риск был отмечен уже у 44%. Рассматривая данный показатель в динамике, установлено, что лиц, у которых было бы отмечено снижение суицидального риска, не наблюдается.

Фактором склонности к риску в пенитенциарной психологии принято считать и ряд акцентуаций характера. Рассматривая данное свойство у несовершеннолетних, совершивших акт членовредительства, нами установлено, что наиболее частыми акцентуациями характера являются гипертимная (выявлена у 33%), эмотивная (у 28%), а также, циклотимная, возбудимая и демонстративная (у 22%). Однако, при рассмотрении среднего профиля по Смишкеку, тенденции к какой-либо акцентуации отсутствуют. Данный факт позволяет сделать предположение о ведущей роли ситуативного фактора при совершении членовредительства.

Сравнивая полученные данные по несовершеннолетним заключенным с данными, полученными по взрослой выборке, можно сделать вывод о том, что общая характеристика ситуаций членовредительства, совершенных несовершеннолетними заключенными, имеет серьезные отличия от актов членовредительства, совершенных взрослыми, а именно – более выраженный демонстративно-шантажный характер, большая спонтанность, импульсивность, большая вероятность совершения рецидивных актов, существенная подверженность механизмам психического заражения и

подражания аналогичным действиям ближайшего окружения (сокамерников). При совершении акта членовредительства ведущую роль в его детерминации играют ситуативные факторы, личностные особенности же играют второстепенную роль. Для профилактики актов членовредительства целесообразно внести запрет в уголовно-процессуальное законодательство РФ на содержание несовершеннолетних под стражей свыше 6 месяцев, а также усилить меры по психолого-педагогическому сопровождению несовершеннолетних заключенных – выделить большее время на общение с психологом и воспитателем, подвижные игры и т.д.

Литература

1. Антонян Ю.М., Бойко И.Б., Верещагин В.А. Насилие среди осужденных: Учебное пособие/ под ред. Ю.М. Антоняна. – М.: ВНИИ МВД России 1994 – 120 с.
2. Венар Ч. и др. Психопатология развития детского и подросткового возраста. – Прайм-ЕВРОЗНАК, 2004. – 672с.
3. Пилягина Г.Я. Аутоагрессия: биологическая целесообразность или психологический выбор? // Таврический журнал психиатрии. – 1999. – Т.3. – №3. – С.24-27.
4. Характеристика лиц, содержащихся в воспитательных колониях для несовершеннолетних. URL: <http://фсин.пф/structure/inspector/iao/statistika/Xar-ka%20v%20VK/> (дата обращения: 18.03.2020).

ЗАРУБЕЖНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ЮРИДИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИИ

Современные зарубежные исследования психологического благополучия детей разведённых родителей

Гнитеева Л. Н.

Московский государственный психолого-педагогический университет
(г. Москва)

Научный руководитель – Дозорцева Е. Г.

Более полувека специалисты различных специальностей (в области семейной, юридической психологии, психологии развития) во всем мире активно изучают влияние ситуации развода на психологическое благополучие и психическое здоровье взрослых и детей. Высокая социальная значимость проблемы разводов обеспечивает столь продолжительный интерес к ней со стороны и учёных, и практиков. Многочисленные накопленные данные не оставляют сомнений, что развод является сильным стрессогенным фактором для всех членов распавшейся семьи (Amato, 2014). Дети и подростки, столкнувшиеся с разводом родителей, составляют группу риска по возникновению различных психологических и психических нарушений, в том числе по развитию психоза (Amato, Anthony, 2014; Ayerbe et al., 2020; Sands et al., 2017). Американский учёный П. Амато, проведя метаанализ результатов более чем полусотни исследований последствий развода для взрослых и детей (данные специалистов из США, стран Западной Европы), констатирует: дети разведённых родителей имеют широкий спектр эмоционально-поведенческих проблем и более низкую академическую успеваемость по сравнению с детьми, чьи родители состоят в браке (Amato, 2014).

В настоящее время изучение феномена развода активно продолжается. Львиная доля публикуемых работ принадлежит зарубежным авторам. Количество и качество западных исследований отражает высокий уровень их

финансирования, а следовательно, их востребованность в странах Европы и США, в результате чего задачи исследований определяются конкретными социальными запросами. При этом современные иностранные исследования детей разведённых родителей характеризуются рядом особенностей.

Прежде всего, эти исследования имеют явную практическую направленность. Вне зависимости от предмета исследований их задачи связаны с вопросом организации помощи семьям, переживающим развод. При этом внимание учёных направлено не столько на изучение спектра негативных последствий ситуации развода для членов семьи, сколько на выявление факторов, характеризующих семейную ситуацию в доразводный и послеразводный периоды, способных усугубить или смягчить негативное влияние развода. Среди психологических «факторов риска» выделяют следующие: вовлечение детей в конфликт родителей, депрессивное состояние матери, преждевременное знакомство детей с новыми партнёрами родителей. К «факторам защиты» относят такие, как эмпатия матери и интеллект ребёнка, эффективность кооперации родителей по вопросам воспитания, эмоциональное принятие родителями разрыва супружеских отношений (Amato, 2014; Brand, 2017; Lamela, 2016).

Наравне с этими вопросами активно изучается эффективность помощи, оказываемой разведённым семьям. В частности, эффективность социальных программ, направленных на поддержку разведённых семей, консультативной помощи (специалистами телефона доверия, персоналом школ) и различных методов психотерапевтической работы с детьми и подростками (Mahmud et al., 2011; Sandler, 2020).

В дополнение к социально-практической ориентации исследований наблюдается изменение моделей самих исследований, способов сбора и анализа данных (Amato, Keith, 2001). В частности, фактор возраста (и связанной с возрастом специфики исследуемого феномена) уходит на второй план. Характеризуя трудности, с которыми «дети развода» сталкиваются в процессе адаптации к изменениям жизни семьи, исследователи выделяют в

детских группах разного возраста комплекс симптомов, относя их к определенной категории расстройств. Так, поведенческие расстройства рассматриваются через категории интернализирующего (депрессивность, тревожность, соматические жалобы) и экстернализирующего поведения (агрессивность, нарушение правил) (Sands et al., 2017; Sillekens S., Notten N., 2018). При этом представления о специфике проблем поведения в разные возрастные периоды отсутствуют. Тем не менее, выбор методов исследований с очевидностью определяется возрастом испытуемых. Наблюдается явная тенденция отдавать предпочтение валидным стандартизированным методам, позволяющим получить достоверные данные (объективная регистрация поведения, опросники, экспертные оценки родителей и педагогов, физиологические методы). Разрабатываются достаточно эффективные способы стандартизации данных при помощи проективных методов (в частности, рисуночных тестов), однако эти методы остаются менее популярными (Mento et al., 2019; Vladislav, Marc, 2017).

Таким образом, особенности организации современных зарубежных исследований по проблеме развода обуславливают характер научных данных, полученных на сегодняшний день. Социально-практическая направленность исследований способствовала накоплению знаний, затрагивающих практически значимые вопросы «факторов риска» и «факторов защиты» от негативных последствий развода, а также касающихся эффективности различных видов помощи семьям, переживающим или пережившим развод. Основное внимание западных исследователей направлено на выявление «проблемных зон» без отражения целостной картины развития детей из разведённых семей, а также без выделения возрастной специфики.

Литература

1. Amato P. R. The consequences of divorce for adults and children: An update // *Društvena istraživanja*. – Zagreb. – 2014. – 23. – P. 5–24.
2. Amato P. R., Anthony C. J. Estimating the effects of parental divorce

and death with fixed effects models // *Journal of marriage and family*. – 2014. –76. – P. 370–386.

3. Amato P. R., Keith B. Children of Divorce in the 1990s: An Update of the Amato and Keith (1991) Meta-Analysis // *Journal of Family Psychology*. – 2001. – Vol.15. – №3. – P. 355–370.

4. Ayerbe L., Pérez-Piñar M., Foguet-Boreu Q, Ayis S. Psychosis in children of separated parents: A systematic review and meta-analysis // *European Psychiatry*. – 2020. – 63 (1). – P. 1–9.

5. Brand J. E., Moore R., Song X., Xie Y. Unequal families, unequal effects: How parental divorce differentially impacts children's educational attainment // *UCLA CCPR population working papers*. – 2017. – 128.97.186.17.

6. Lamela D., Figueiredo B., Bastos A., Feinberg M. Typologies of post-divorce coparenting and parental well-being, parenting quality and children's psychological adjustment // *Child Psychiatry and Human Development*. – 2016. – 47. – P. 716–728.

7. Mahmud Z., Yunn Y. P., Aziz R., Salleh A., Amat S. Counseling Children of Divorce // *World Applied Sciences Journal*. – 2011. – 14. – P. 21–27.

8. Mento C., Modicamore D., La Torre D., Silvestri M. C., Rizzo A. Family drawing and psychological vulnerability in Children's representations of parental divorce // *Cogent Psychology*. – 2019. – 6: 1654723. – P. 1 – 14.

9. Sandler I., Wolchik S., Mazza G., Gunn H., Tein J.-Y., Berkel C., Jones S., Porter M. Randomized Effectiveness Trial of the New Beginnings Program for Divorced Families with Children and Adolescents // *Journal of Clinical Child and Adolescent Psychology*. – 2020. – 49 (1). – P. 60–78.

10. Sands A., Thompson E. J., Gaysina D. Long-term influences of parental divorce on offspring affective disorders: A systematic review and meta-analysis // *Journal of affective disorders*. – 2017. – 218. – P. 105–114.

11. Sillekens S., Notten N. Parental Divorce and Externalizing Problem Behavior in Adulthood. A Study on Lasting Individual, Family and Peer Risk Factors for Externalizing Problem Behavior when Experiencing a Parental Divorce

// Deviant Behavior. – 2018. – 41:1 – P. 1–16.

12. Vladislav E., Marc G. The Specific Issues of Self-Image and the Image of Parental Figures for Children in Families with Conflict Divorce // Journal of Experiential Psychotherapy. – 2017. – Vol. 20. – №4 (80) – P. 25–29.

Исследования проспективной памяти в зарубежной литературе

Куныкина К.Г.

Московский государственный психолого-педагогический
университет (г. Москва)

Научный руководитель – Русаковская О.А.

Рост объема информационного потока в жизни человека приводит к ослаблению процессов запоминания, что может ограничивать жизнь в полной мере. В связи с этим все большее количество людей используют различные инструменты для архивирования прошлых и планирования будущих событий. При этом складывается установка не на мобилизацию собственных ресурсов для повышения эффективности запоминания, а на использование сторонних напоминаний. Актуальность изучения выбранной нами темы также заключается в том, что в отечественной литературе по проблеме памяти очень малое количество сведений о проспективной памяти, дефицит исследований на эту тему является серьезным пробелом в отечественной психологии. Помимо этого, способность не забывать выполнять намеченное является важнейшим критерием успешности повседневного функционирования и уровня бытовой и социальной адаптации и может использоваться при судебно-психиатрическом исследовании (Харитоновна Н.К., Русаковская О.А., 2020).

Цель исследования: изучение зарубежных исследований, посвященных проблеме проспективной памяти.

В данной работе была предпринята попытка изучить результаты 30-летних зарубежных исследований проспективной памяти. Термин

перспективная память подразумевает способность запомнить намерение и запланированное в будущем действие. Также она включает в себя процессы планирования действия, воспоминание о запланированном действии в подходящий момент и собственно его реализацию.

Выделяют несколько типов перспективной памяти, к более изученным видам относится память, связанная с событием, и память, связанная со временем. Стимулы перспективной памяти на основе событий быстрее и эффективнее вызывают связанные с этим стимулом намерения, т.е. окружающая среда может служить внешним сигналом, чтобы побудить намерение, которое было сформировано. Например, вид круглосуточного магазина может вызвать в памяти намерение пополнить запасы молока. Событийную перспективную память Макдэниал, Эйнштейн и др. (McDaniel, M.A., & Einstein, G.O., 2007) дополнительно разделяют на задачи немедленного и отложенного выполнения. К первой группе относятся задачи, выполняемые сразу же при получении специфического сигнала. Ко второй группе относятся задачи, предусматривающие задержку между восприятием соответствующего сигнала и выполнением запланированного действия.

Стимулы перспективной памяти, связанные со временем, менее заметны и являются сигналами, для обнаружения и восприятия которых требуется больше ресурсов самоинициации и внимания (Einstein & McDaniel, 1996). Их разделяют на две категории: те, в которых обнаружение сигнала заданно конкретным временем (например, встретимся сегодня в 5 вечера) и те, в которых обнаружение сигнала происходит по истечению какого-либо количества времени (например, перезвонить через 20 минут). Некоторые исследователи утверждают, что это разделение стимулов на временные и событийные бесполезно, поскольку в некоторых натуралистических ситуациях, основанных на времени, человек имеет доступ к внешним хронометрам, которые могут служить ориентирами на события (Graf & Grondin, 2006).

За последние 30 лет было предложено несколько теорий, объясняющих когнитивные процессы, лежащие в основе проспективного восстановления памяти. Теория процессов подготовительного внимания и памяти (Smith and Bayen, 2005) подразумевает, что ключевая роль отдана процессу мониторинга, который начинается в тот момент, когда человек формулирует намерение и заканчивается после его осуществления, и механизмам ретроспективной памяти, которые позволяют вспомнить, какое именно действие необходимо совершить.

Рефлексивно-ассоциативная теория (Einstein and McDaniel, 1990) предполагает, что при создании намерений для проспективной задачи памяти, создаются ассоциации между целевым сигналом и предполагаемым действием. Когда происходит целевой сигнал, автоматическая ассоциативно-запоминающая система запускает поиск предполагаемого действия и возвращает его в сознательное состояние.

Мультиоперационная теория (Einstein and McDaniel, 2005) исходит из предположения, что проспективное извлечение памяти не всегда нуждается в активном процессе мониторинга, но может происходить спонтанно (т. е. появление сигнала может вызвать восстановление намерения, даже если не задействованы подготовительные процессы внимания). Поэтому для успеха проспективной памяти можно использовать несколько процессов.

Успешность извлечения задач проспективной памяти зависит от некоторых факторов:

- наличие внешних подсказок подводит к выполнению запланированного действия чаще, чем внутренние, придуманные самим человеком (Sellen, Abigail J., et al., 1997);
- необычность стимула (McDaniel, Mark A., and Gilles O. Einstein., 1993);
- сила ассоциации между стимулом-подсказкой и запланированным действием (McDaniel, Mark A., et al., 2004);

- оценка важности выполняемой задачи (McDaniel, M., & Einstein, G., 2000).

Молодые люди, как правило, превосходят пожилых людей в лабораторных задачах проспективной памяти (d'Ydewalle, G., Bouckaert, D., & Brunfaut, E., 2001). Однако в реальных условиях эксперимента возникает иная картина. Некоторые исследования не обнаружили никакой разницы между молодыми и пожилыми людьми (West, R., 1988), в то время как другие показали, что пожилые люди превосходят молодых в выполнении натуралистических задач (Bailey, P.E., Henry, J.D., Rendell, P.G., Phillips, L.H., & Kliegel, M., 2010). В совокупности эти расхождения были названы парадоксом возрастной проспективной памяти. Пытаясь разрешить эти противоречивые выводы, было доказано, что молодые и пожилые люди могут отличаться по своей мотивации к успешному выполнению задач проспективной памяти вне лаборатории (Rendell, P.G., & Craik, F.I.M., 2000).

Литература

1. Харитоновна Н.К., Русаковская О.А. Новые подходы к оценке социального функционирования (зарубежные исследования проспективной памяти) // Судебная психиатрия. Актуальные проблемы. Москва, 2020. (в печати).
2. Bailey, P.E., Henry, J.D., Rendell, P.G., Phillips, L.H., & Kliegel, M. (2010). Dismantling the “age-prospective memory paradox”: The classic laboratory paradigm simulated in a naturalistic setting. *Quarterly Journal of Experimental Psychology*, 63, 646-652.).
3. d'Ydewalle, G., Bouckaert, D., & Brunfaut, E. (2001). Age-related differences and complexity of ongoing activities in time- and event-based prospective memory. *The American Journal of Psychology*, 114, 411-423.
4. Einstein, G. O. & McDaniel, M. (2005). Prospective memory: Multiple retrieval processes. *Current Directions in Psychological Science*, 14, 286-290.

5. Graf, P., & Grondin, S. (2006). Time perception in time-based prospective memory. In J. Glicksohn & M.S. Myslobodsky (Eds.), *Timing the future: The case for a time-based prospective memory* (pp. 1-24). London: World Scientific.
6. McDaniel, M., & Einstein, G. (2000). Strategic and automatic processes in prospective memory retrieval: A multiprocess framework. *Applied Cognitive Psychology*, 14, 127-144.
7. McDaniel, M.A., & Einstein, G.O. (2007). *Prospective memory: An overview and synthesis of an emerging field*: Thousand Oaks, CA: Sage.
8. Rendell, P.G., & Craik, F.I.M. (2000). Virtual and actual week: Age-related differences in prospective memory. *Applied Cognitive Psychology*, 14, S43-S62.
9. Sellen, Abigail J., et al. What brings intentions to mind? An in situ study of prospective memory // *Memory*. — 1997. — № 5.4. — С. 483-507.
10. Smith, Rebekah E., and Ute J. Bayen. The effects of working memory resource availability on prospective memory: A formal modeling approach // *Psychology*. — 2005. — № 52.4. — С. 243-256.
11. West, R. (1988). Prospective memory and aging. In M.M. Gruneberg, P.E. Morris, & R.N. Sykes (Eds.), *Practical aspects of memory: Current research and issues* (Vol. 2, pp. 119-125). Chichester, U.K: Wiley.

Оглавление

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ЮРИДИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИИ	4
Немзер Е.А. О возможности использования теста «Моральные дилеммы»	4
Пономарёва Е.С. Особенности онлайн-поведения	8
Хвалева А.А. Роль специалиста-психолога в комплексной гуманитарной экспертизе нормотворчества личности.....	13
Шевцов А.А. Связь альтруизма и эгоизма и девиантного поведения	18
ПСИХОЛОГИЯ ДЕВИАНТНОГО И КРИМИНАЛЬНОГО ПОВЕДЕНИЯ.....	23
Алимова Д.Х. Связь использования анонимных аккаунтов в социальной сети и склонности к девиантному поведению подростков.....	23
Веселова А.Е. Особенности самооценки у девочек подросткового возраста со склонностью к нарушению пищевого поведения	25
Вукколова А.А. Индикаторы риска самоповреждающего поведения у несовершеннолетних в виртуальной реальности (на примере социальных сетей).....	29
Закаев И.А. Основные причины девиантного поведения современных подростков свободы.....	32
Князева С.О. Особенности регуляции поведения у лиц, совершивших рецидивные преступления против жизни и здоровья граждан	37
Кривоколиско В.В. Особенности проявления девиантного поведения при акцентуациях характера.....	41
Мухина Е.О. Использование знаний о личности и поведении серийных убийц на первоначальных этапах расследования.....	43
Мынкина В.С. Гендерные особенности виктимности к разным видам преступлений ...	48
Недилько Д.А. Несуицидальное самоповреждающее поведение у юношей и молодых взрослых.....	52
Нечаева А.Н. Особенности полоролевого поведения осуждённых к лишению свободы за половые преступления против несовершеннолетних.....	55
Нечёсова С.В. Сексуальный сценарий как основа «modus operandi» серийных сексуальных убийц.....	59
Репкина В.А. Влияние родительских моделей на формирование гендерной идентичности	64

Савина К.Д. Особенности воздействия на личность человека в секте.....	68
Тарасова К.И. Особенности гендерной идентичности у лиц с транссексуализмом женского пола	72
Тупицина Д.В. Психологические методы сексуального просвещения в подростковом и юношеском возрасте.....	76
Харламова Д.А. Мониторинг социальных сетей как способ противодействия вовлечению несовершеннолетних в экстремистскую деятельность и профилактика делинквентного поведения с их стороны.....	79
Черкащенко М.М. Гендерная идентичность как фактор социально-психологической адаптации в юношеском возрасте.....	83
Шипицын Д.Ю. Психологические аспекты сексуальной сферы и межличностного восприятия у лиц, осужденных к отбыванию наказания условно за преступления против половой неприкосновенности	86
Штуркина А. С. Отдаленные последствия действий сексуального характера в отношении детей	90
Щеглова А.А. Ценностные ориентации лиц экстремистской направленности, совершивших преступления ненависти	95
Щербинина Е.А. Социально – психологические особенности адаптации лиц с нетрадиционной сексуальной ориентацией	99
ПСИХОЛОГИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ.....	104
Байтимилова А.А. Правосознание подростков, выбирающих юридический вуз	104
Борисова Д.П. Подготовка и сопровождение сотрудников уголовно-исполнительной системы.....	108
Караджев К.А. Саморегуляция негативных состояний медицинских работников в условиях сложной деятельности.....	112
Орлова С.А. Биопсихологический возраст как фактор эффективности деятельности спасателей МЧС России.....	114
Перепечина А.С. Коррекция негативных психических состояний студентов-психологов экстремального профиля методами виртуальной реальности.....	118
Пожемапкина В.А. Влияние концентрации внимания на поведение сотрудников ОВД в экстремальных ситуациях... ..	122
Пудина Е. А. Социальная ответственность личности как компонент	

профессиональной деятельности	127
Рузняева Е.Д. Влияние утомления на психологическое состояние медицинского персонала, работающего в неблагоприятных условиях.....	132
Рязанцева А.А. Психологические особенности речи прокурора в суде.....	136
Темирканова А.Ю. Психологическое обеспечение восстановления работоспособности в условиях повышенных нагрузок.....	140
Чеботарёва А.Э. Связь уровня психологического стресса и склонности к отклоняющемуся поведению у лиц юношеского возраста, проходящих срочную службу в армии	144
СУДЕБНАЯ И КЛИНИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ В ЮРИДИЧЕСКОМ КОНТЕКСТЕ.....	150
Гусева Е.Е. Клинические, социально-психологические и гендерные особенности детоубийств.....	150
Ефремова У.Е. К вопросу о направленности мотивационно-потребностной сферы личности при алкоголизме.....	154
Лановая А.М. Психокоррекция когнитивных процессов методом тренинга саморегуляции у мужчин с алкогольной зависимостью.....	158
Нигматуллина А.А. Критерии распознавания лжи в вербальном сообщении.....	162
Рётса С.Э. Особенности переживания опыта гендерного насилия подростками с различными психическими расстройствами	167
Серова К.Н. Понимание понятия «привязанность» студентами факультета «Юридическая психология».....	172
Чернышова Е.С., Гегенава Г.Г. Форма социального обслуживания лиц с хроническими психическими расстройствами и их гражданско-правовой статус	176
ЮРИДИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ ДЕТЕЙ И ПОДРОСТКОВ.....	181
Апостолова Е.А. Особенности внутриличностных конфликтов у старшеклассников в состоянии социальной фрустрации.....	181
Аруин С.Е. Проект „Local streetwork – offline/online“. Цель: дерадикализация молодежи	185
Бекман А.Б. Анализ структуры школьной дезадаптации у младших школьников с позиции нейропсихологического подхода.....	190

Белоцерковский Г.Д. Особенности коррекционной работы по развитию профессионального самоопределения подростков с девиантным поведением	195
Белякова А.А. Исследование связи самооценки и социометрического статуса у детей младшего школьного возраста	199
Бурдюгова А.С. Гендерный аспект особенностей поведения в конфликте у подростков.....	203
Вакуленко А. Психологическая профилактика буллинга подростков	207
Валевич А.А. Влияние народных игр на дезадаптивное поведение детей старшего дошкольного возраста.....	212
Гревцева П.М. Связь уровня социальной фрустрированности и склонности к отклоняющемуся поведению в юношеском возрасте.....	216
Добрякова А.Р. Особенности правосознания в юношеском возрасте.....	221
Долгих Т.М. Связь саморегуляции, самоорганизации и замещающего поведения старших подростков.....	225
Ефимочкина К.М. Влияние социально-психологического тренинга на уровень тревожности и совладающее поведение в старшем подростковом возрасте.....	229
Жильцова Н. Потенциал личности подростка как профилактика девиантных поступков.....	234
Захарова А.В. Вербальная агрессия и личностная тревожность у детей старшего дошкольного возраста.....	238
Каськова К.С. Социально – психологическая профилактика виктимного поведения в старшем подростковом возрасте.....	243
Кочетков М.О. Развитие эмоционального интеллекта и его связь с склонностью к девиантному поведению у юношей и девушек.....	247
Ларина Е.Д. Нарушения привязанности, тревога и одиночество у лиц юношеского возраста с интернет-зависимостью.....	252
Наниджанян Т.К. Связь эмоционального интеллекта, копинг-стратегий и особенностей воспитания в подростковом возрасте.....	256
Никитина В.К. Профилактика девиантного поведения старших подростков посредством народной игры.....	260
Пырскова М.А. Исследование жертв буллинга.....	263

Рейн М.В. Связь уровня суверенности психологического пространства и стратегий совладания в юношеском возрасте	268
Розанова В.А. Связь склонности к интернет-зависимости с особенностями детско-родительских отношений в подростковом возрасте	272
Рузьяк Т.О. Индивидуально-психологические особенности и поведение подростков в социальных сетях	275
Сабрекова Т.В. Психолого-педагогические технологии и методы работы с подростком как фактор формирования смысложизненных ориентаций и внутренней позиции личности	279
Самойлова А.М. Связь уровня правосознания с выбором компьютерной игры	284
Тишкова Ю.В. Рефлексивные способности учителя как фактор готовности к профилактике девиантного поведения	289
Тюмина Н.С. Связь мотивации достижения успеха, мотивации избегания неудач и личностной тревожности у студентов вузов	294
Усова Л.Е. Особенности склонности к виктимному поведению у лиц подросткового возраста	298
Филимонова А.А. Особенности гендерной идентичности и установок у старших сестёр в юношеском возрасте	303
Швабауэр А.А. Развитие эмпатии у юношей и девушек посредством развития коммуникативной компетентности	308
ПЕНИТЕНЦИАРНАЯ ПСИХОЛОГИЯ И ПРАКТИКА ИСПОЛНЕНИЯ УГОЛОВНЫХ НАКАЗАНИЙ	313
Бабаханова К.А. Особенности семейных ценностей у осужденных женщин	313
Гладова С.А. Особенности суицидального поведения лиц с психическими расстройствами в условиях мест лишения	317
Загорская Е.В. Представления об отцовстве у осуждённых мужчин, отбывающих наказание в исправительном учреждении	321
Калашникова М.И. Психологические особенности переживаний подозреваемых, обвиняемых и осужденных, содержащихся в следственном изоляторе на различных этапах отбывания наказания	325
Левин Л.М., Бокова Н.В. Риски цифровой среды и преступность среди молодежи: результаты пилотажного исследования	329

Орлова К.С. Психологические особенности материнской привязанности у женщин, отбывающих наказание	334
Чеботарёв И.В. Психологический анализ актов членовредительства, совершенных несовершеннолетними подозреваемыми, обвиняемыми, осужденными в следственном изоляторе	336
ЗАРУБЕЖНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ЮРИДИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИИ.....	341
Гнитеева Л.Н. Современные зарубежные исследования психологического благополучия детей разведённых родителей	341
Куныкина К.Г. Исследования проспективной памяти в зарубежной литературе	345